

ИЗСЛѢДОВАНІЯ

О ЯЗЫЧЕСКОМЪ БОГОСЛУЖЕНІИ

ДРЕВНИХЪ СЛАВЯНЪ.

И. Срезневскаго.



САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ К. ЖЕРНАКОВА.

1848.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, 14 октября 1847 года.

Ценсоръ А. Никитенко.

О языческих вѣрованіяхъ древнихъ Славянъ писали многіе: одни заботились о подробностяхъ частныхъ, о сближеніи и разъясненіи данныхъ, важныхъ исключительно для древностей Славянъ; другіе отваживались и на общенсторическіе выводы, или рассматривая мифологию Славянскую въ соотношеніи съ мифологіями другихъ народовъ, или посредствомъ сравненій объясняя ихъ взаимно. До нѣкоторой, не очень видной степени, достигали своей цѣли и тѣ и другіе; было впрочемъ болѣе неудачъ, чѣмъ успѣховъ. Изыскатель встрѣчаетъ неразрѣшенныхъ вопросовъ несравненно болѣе, чѣмъ удовлетворительныхъ ответовъ. Собрано много фактовъ, но критика успѣла оцѣнить очень немногіе изъ нихъ.

Для объясненія языческаго богослуженія древнихъ Славянъ не сдѣлано и того. Вниманіе обращалось на него только мимоходомъ, по его связи съ вѣрованіями и постоянно ограничивалось въ кругъ свѣденій, давно извѣстныхъ. Нѣтъ до сихъ поръ ни одного сочиненія, въ которомъ бы этотъ предметъ рассмотренъ былъ сколько нибудь обстоятельно, нѣтъ даже простаго сборника фактовъ. Это тѣмъ болѣе жаль, что недалеко уже время, когда напрасно будемъ обращаться къ преданіямъ и обычаямъ народнымъ для изученія древнихъ языческихъ обычаевъ и преданій, и когда, слѣдовательно, многое, что требуетъ объясненія въ свидѣтельствахъ современниковъ въ этомъ отношеніи, не будучи отмѣчено въ свою пору, останется на всегда необъясненнымъ. Вотъ что внушило мнѣ смѣлость издать мои изслѣдованія о языческомъ богослуженіи Славянскомъ, соединивши въ нихъ съ современными свидѣтельствами все, что изъ остатковъ языческой обрядности удалось мнѣ замѣтить въ народѣ. Матеріаломъ мною собраннымъ желаю посылно облегчить трудъ мѣстныхъ наблюдателей, и издаю его не столько какъ пособіе для изученія языческаго Славянскаго богослуженія, сколько какъ сборникъ для дополненій и поправокъ: чѣмъ болѣе тѣхъ и другихъ вызоветь моя книга, тѣмъ лучше достигнетъ своей цѣли.

Во «введеніи» (стр. 1—18) представленъ общій очеркъ языческихъ вѣрованій Славянъ.

Въ «главѣ первой» (19—56) заключаются свѣденія о святилищахъ богослуженія: **I** о мѣстахъ поклоненія стихійнымъ божествамъ *воды* (19—23) и *огня* (23—26); **II**. о святилищахъ *горныхъ* (27—28) и *лѣсныхъ* (28—32); **III**. о *городищахъ* (32—37), и **IV**. о *храмахъ* (37—47) и *идолопоклонствѣ* (48—56).

Въ «главѣ второй» (57—93) содержатся свѣденія объ обрядахъ богослуженія: **I**. объ исполнителяхъ обрядовъ, *жрецахъ* (57—61); **II**. о *поклоненіи* и *молитвахъ* (61—66); **III**. о *жертвоприношеніяхъ* разнаго рода, т. е. *возношеніяхъ* благовоеніями, яствами и оружіемъ (66—71), и *собственныхъ жертвахъ—закланія* (71—75) и *сожженія* (75—76) животныхъ и людей (76—79); **IV**. о *гаданіяхъ жребіемъ* (80—83) и *прорицаніяхъ* (82—86); **V**. о *порядкѣ богослужебнаго обряда* (86—88) и религиозныхъ *пиществъ* и *играхъ* (89—93), его сопровождавшихъ.

Вездѣ, гдѣ казалось мнѣ позволительнымъ и возможнымъ, прибавлялъ я къ фактамъ общіе выводы изъ нихъ, и въ концѣ книги (94—96) помѣстилъ, какъ заключеніе, краткій перечень этихъ выводовъ.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ

О ЯЗЫЧЕСКОМЪ БОГОСЛУЖЕНІИ ДРЕВНИХЪ СЛАВЯНЪ.

ВВЕДЕНІЕ.

Языческая религія древнихъ Славянъ была основана на положительныхъ догматахъ, которыми опредѣлялись понятія о божествѣ и его отношеніяхъ къ природѣ и человѣку. Трудно разгадать эти догматы вполне, трудно представить ихъ себѣ въ такой связи, въ какой представлялъ ихъ тотъ, кто имъ вѣровалъ, потому что изучать ихъ мы должны или изъ сказаній иновѣрцевъ, которыя и тяжело, и стыдно было стараться разгадывать ихъ смыслъ, или изъ преданій народа, мало по малу отставшаго отъ понятій языческихъ, привыкшаго бояться язычества и смѣло удерживавшаго изъ него только то, въ чемъ онъ его не замѣчалъ. Впрочемъ, и въ этихъ сказаніяхъ и преданіяхъ

главные догматы выразились довольно ясно. Таковы догматы: о могуществѣ божества въ природѣ, о его вліяніи на человѣка, о душѣ человѣческой, ея безсмертіи и надеждахъ. — Предположивъ ограничить эти изслѣдованія однимъ богослуженіемъ языческихъ Славянъ, я оставляю въ сторонѣ подробный разборъ ихъ вѣрованій и мѣровъ, съ ними соединенныхъ; впрочемъ, долгомъ считаю коснуться вѣрованій въ той мѣрѣ, въ какой они находятся въ соотношеніи съ богослуженіемъ.

Между языческими догматами древнихъ Славянъ первое мѣсто занимаетъ догматъ о единомъ, верховномъ Богѣ, родоначальникѣ всѣхъ другихъ божествъ. Несмотря на постепенное развитіе идолопоклонства и на долговременное бореніе Славянъ язычниковъ съ Христіанствомъ—бореніе, могшее содѣйствовать скорѣе усиленію тѣхъ догматовъ, которые были ему противны, нежели тѣхъ, которые могли пробуждать въ язычникахъ довѣренность къ истинѣ Христіанской,—единобожіе было сознаваемо Славянами язычниками въ XII вѣкѣ на сѣверѣ, какъ было сознаваемо ими VI вѣкѣ на югѣ. Очень можетъ быть, что это вѣрованіе многимъ изъ Славянъ, не по насилію принимавшимъ Христіанство, облегчало и переходъ ихъ отъ язычества. Древнѣйшее свидѣтельство о единобожіи Славянскомъ принадлежитъ Прокопію Кесарійскому: «Они исповѣдуютъ—говоритъ онъ—единаго бога, производителя молніи, господя міра и приносятъ ему въ жертву быковъ и другіе обѣты. Судьбы совѣтъ не знаютъ и не придаютъ ей никакой власти надъ смертными; но, видя себя удрученными болѣзнію или близкую смерть въ бою, обѣщаютъ богу принести жертву за спасеніе жизни и, избѣжавъ опасности, приносятъ въ жертву обѣщанное, думая, что такой жертвой сохранили себѣ жизнь»¹. Спустя пять столѣтій послѣ Прокопія писалъ о единобожіи Славянскомъ Нѣмецкій лѣтописецъ Гельмольдъ: «Между разнообразными божествами, во власти которыхъ Славяне считаютъ поля и лѣса, печали и наслажденія—писалъ онъ—Славяне отличаютъ единаго бога на небесахъ, повелѣвающаго другими, прародителя ихъ всемогущаго Бога боговъ, заботящагося только о небесномъ»². Вѣрованіе въ единаго, верховнаго Бога выражено въ обоихъ сказаніяхъ ясно; но, сравнивая оба сказанія, вникая въ смыслъ ихъ, не можемъ не видѣть между ними разницы довольно рѣзкой: въ очеркѣ Проко-

¹ Прокопій De bello Gothico. III, 14.

² Гельмольдъ. Chronicon Slavorum. I. 84.

пія видимъ единого Бога, хоть и безъ яснаго тѣлеснаго образа, но существомъ близкимъ къ тѣлесной природѣ, въ непосредственныхъ соотношеніяхъ съ человѣкомъ, его нуждами и мольбами; въ очеркѣ Гельмольда онъ представляется, напротивъ того, всемогущимъ и невидимымъ господомъ неба, прародителемъ боговъ, далекимъ отъ людей, передавшимъ земную природу божествамъ, ему покорнымъ. Соединить тѣ и другія черты вмѣстѣ, какъ качества одного и того же божества, невозможно: различіе коренное, несомнѣстимое. Чѣмъ же объяснить его? тѣмъ ли, что понятія разныхъ Славянъ о верховномъ богѣ были различны? или тѣмъ, что Славяне съ теченіемъ времени измѣнили свое понятіе о верховномъ Богѣ? Едва ли! Напротивъ того, кажется, Прокопій въ своемъ очеркѣ смѣшалъ два различныя понятія: понятіе о верховномъ Богѣ боговъ и понятіе о Перунѣ. Отдѣлите въ его сказаніи то, что принадлежитъ Перуну, и останутся черты, которыми Гельмольдъ изображалъ Бога боговъ: не Богу невидимому, а Перуну Славяне приносили жертвы и обѣты; не Его, Господа міра, а Перуна считали производителемъ молніи. Что Господь міра, Богъ боговъ, былъ почитаемъ Славянами отдѣльно отъ Перуна, доказательство тому есть и въ договорѣ Игоря съ Греками; тамъ читаемъ: «И елико ихъ есть не хрещено, да не имуть помощи отъ бога *ни* отъ Перуна».... Да будетъ клять отъ Бога *и* отъ Перуна»¹. Замѣчательно, что и Гельмольдъ не совершенно ясно представлялъ себѣ понятіе Славянъ о верховномъ Богѣ: онъ смѣшивалъ его со Святovidомъ. Въ одномъ мѣстѣ называлъ онъ Святovidа Богомъ боговъ (*Deus deorum*), а въ другомъ называлъ прочихъ боговъ въ отношеніи къ Святovidу полубогами (*quasi semidei*),² а между тѣмъ, описывалъ Святovidа богомъ, который заботился не объ одномъ небесномъ, которому молились и приносили жертвы, отъ котораго ожидали предсказаній о будущемъ и помощи въ бѣдахъ, точно такъ же, какъ описывалъ его Саксо грамматикъ — божествомъ высокимъ, но не высшимъ.³ Нельзя опускать изъ виду этого смѣшиванья Бога боговъ съ Перуномъ и Святovidомъ, по-

¹ *Несторъ*, по Лаврент. списку. Полн. Собр. Мѣт. I Спб. 1846, стр. 20 и 23.

² *Гельмольдъ*. I, 53. II, 12.

³ *Гельмольдъ*. I, 6, II, 12. и пр. *Саксо грам.* *Historia Danica*. XIV (rec. P. Müller et I. Welschov. Навн. 1839). 823, 826.

казывающаго, какъ высоко были чтимы эти послѣдніе; тѣмъ не менѣе очевидно, что Богъ боговъ былъ обожаемъ отдѣльно. Понятіе Славянъ о немъ приближалось болѣе къ понятію о Богѣ Христіанъ, чѣмъ къ ихъ собственному понятію о другихъ божествахъ. Въ немъ видѣли они Господа міра, котораго воля править его судьбами, котораго промыслъ не допускалъ, слѣдовательно, никакой случайности, никакой слѣпой судьбы; его почитали владыкою неба, источникомъ божественной силы; его называли Великимъ богомъ, Богомъ боговъ, Старымъ богомъ, Прабогомъ¹.

Другіе боги въ отношеніи къ нему были, какъ выражаются Лужичане, прибогами (příbohojo)²; они были его произведеніями, властями отъ него зависящими, посредниками между нимъ и міромъ, сильными его силой, и то не всѣ одинаково. Не мудрено, что Славянинъ смѣшивалъ ихъ съ тѣлесною природою, что въ своемъ воображеніи населялъ ими весь міръ — и землю, и небо. На землѣ божество жило, по его понятію, въ водахъ, горахъ, лѣсахъ, поляхъ, жилищахъ человѣческихъ; на небѣ — въ громѣ и молніи, въ вѣтрахъ, въ солнцѣ, мѣсяцѣ, звѣздахъ, и пр. О духахъ водъ, горъ, лѣсовъ и полей сохранились повѣрія въ народѣ и до сихъ поръ, равно какъ и о домовыхъ³; богомъ вѣтровъ почитали Стрибога⁴; богомъ грома и молніи — Перуна⁵; обожали солнце подъ именами Волоса, Хорса-Дажь-

¹ Коларъ: *Národní Spiewanky Slowákův*. Budin. 1834. I. 422. Палковичъ: *Böhm. Wörterbuch*. Presburg. 1821. II. 1711. «Stary buoh.» И у Нѣмцевъ «der alte Gott». (Grimm, 19). У Сербовъ: «стари кървник» (Вукъ, Песме. Ст. изд. II. 244).

² *Свотликъ*, *Vocabularium Latino-Serbicum*. Budischin. 1721. (безъ означ. стр.) подъ слов: *idolum* и пр.

³ Смотр. ниже, а также *Касторская*: *Начертаніе Слав. Мифологіи*. СПб. 1841. стр. 130-138, 178-182.

⁴ *Несторъ*, 34. *Слово о Полку Игоръ*. въ Русск. Достоп. II, 62 и 214. *Ютмана Slownik Ces.* IV. 349. *Снегиревъ*: Русскіе въ пословицахъ М. 1831. IV. 12-16. Пословица Галицкая: «Витеръ — божій духъ» у *Илькевича*: Галиц. Приповѣдки. Видень. 1841. стр. 17.

⁵ *Несторъ*: 20, 23, 31, 34, 50. *Слово Христюбца у Востокова*, Опис. Рпсей Румянц. Муз. Сиб. 1842 стр. 228 и 229. *Вацерадъ* въ Словарѣ у *Шафарика и Палацкаго*, *Denkmäler der Böhm. Sprache*. Prag. 1841. стр. 220. *Коларъ*, *ib.* I, 67 и 407.

бога, Сварожича, Радагаста, Святовида, Яровита ¹ и пр.; обожали звѣзды и мѣсяць ² вѣроятно такъ же, т. е. и какъ божества, и какъ жилища божествъ. Чувствуя силу природы, Славянинъ всюду, гдѣ замѣчалъ ее, видѣлъ божество, и по ея дѣйствіямъ, были ли они благодѣтельны для него, или вредны, благословлялъ боговъ или страшился ихъ гнѣва. Такимъ образомъ твореніемъ природы, ея стихій, частей и силъ, начала Славяне циклъ своего многобожія, все болѣе умножали мнѣи объ отдѣльныхъ богахъ, все болѣе примѣняли ихъ къ человѣку, къ его нуждамъ и ожиданіямъ, все болѣе увеличивали число боговъ и число ихъ качествъ и названій, — такъ что наконецъ верховный Богъ представился родоначальникомъ огромной семьи боговъ, правящихъ всѣмъ поднебеснымъ. Это была настоящая семья, въ которой члены связаны были узами кровнаго родства, семья боговъ и богинь, родителей и дѣтей. — О богиняхъ Славянскихъ имѣемъ различныя свидѣтельства, начиная съ VI вѣка. О нимфахъ, обожаемыхъ Славянами, упоминаетъ Прокопій ³. У Масуди читаемъ, что противъ главнаго идола, находившагося въ одномъ изъ храмовъ Славянскихъ, стоялъ другой, изображавшій дѣву ⁴. Ибнъ-Фозланъ упоминаетъ о женахъ и дочеряхъ Русскаго бога ⁵. Титмаръ говоритъ въ одномъ мѣстѣ своей хроники о богинѣ Лютичей, а въ другомъ объ изображеніяхъ богинь въ храмѣ Ретрскомъ ⁶. О служеніи богинямъ читаемъ въ прибавленіи къ древнему переводу Григорія Назіанзи-

¹ Восточ. сказанія объ этомъ у *Шармуа*, *Rélation de Masoudy etc. Mémoires de l'Acad. de S Pbg. VI-ème serie, II. 319 и 326. Халкондила у Стриттера*, *Mémoires populogum. II. 1061.* Слово *Кирилла* въ Москвитянинѣ на 1844 годъ. I. 243. *Кирилль Туровскій* въ Памятникахъ Словесности XII вѣка. М. 1822. Стр. 19. Особенное изслѣдованіе мое объ обожаніи солнца древними Славянами помѣщено въ *Журн. Мин. Народ. Просв. за 1846 г. № 7.*

² *Весифшахъ у Шармуа*, *ib. 326.* Его слова подтверждаются народными преданіями и повѣрьями. *Шафарикъ*, *Slow. Starozitnosti. Praha. 1837.* Стр. 587. и пр.

³ *Прокопій. III. 14.*

⁴ *Масуди. ib. 340.*

⁵ *Френъ, Jbn-Fozlans Berichte S.Pbg. 1823. Стр. 9.*

⁶ *Титмаръ Chronicon. VI. 17, VII. 47.*

на; въ словѣ Христолюбца, у Длугоша и пр.¹ До насъ дошло и нѣсколько названій богинь Славянскихъ. Гельмольдъ, Вацерадъ и Прокошь говорятъ о богинѣ Живѣ; Вацераду еще были извѣстны: Дѣвана, Лѣтница, Лада, Лютица, Морана, Хлипа; Длугошу — Дѣдилія, Дѣвана, Маряна, и пр.² Древнѣйшее изъ сказаній о семейномъ родствѣ боговъ Славянскихъ принадлежитъ Ибнъ-Фоцлану: изъ него узнаемъ, какъ было уже выше замѣчено, что Русскіе представляли одного изъ своихъ боговъ мужемъ и отцомъ. Сказаніе Гельмольда еще важнѣе: Верховнаго Славянскаго Бога представляетъ оно родоначальникомъ всѣхъ другихъ боговъ, а ихъ—исполнителями порученныхъ имъ обязанностей, такъ что, происходя отъ него, они были тѣмъ сильнѣе, чѣмъ были ближе родствомъ къ всемогущему Богу боговъ³. Въ дополненіе къ этому нельзя не вспомнить и отдѣльныхъ мнѣевъ о родствѣ боговъ. Къ сожалѣнію, отъ современниковъ осталось ихъ намъ очень немного: у Вацерада читаемъ, что Дѣвану считали дочерью Перуна и Лѣтницы, Радагаста—внукомъ Кърта, Страцца—сыномъ Сытиврата⁴; въ Словѣ о Полку Игоревомъ представляется Стрибогъ дѣдомъ вѣтровъ, Велесъ—дѣдомъ пѣвца Бояна, Дажьбогъ—дѣдомъ Владиміра⁵; въ Ипатьевской лѣтописи тотъ же Дажьбогъ названъ сыномъ Сварога⁶; изъ другихъ источниковъ узнаемъ о Сварожичѣ, самое имя котораго, по своему образованію, намекаетъ на его происхожденіи отъ Сварога⁷. Вотъ почти все, что знаемъ о родствѣ Сла-

¹ *Длугошь*, Historia. V. 9. *Переводъ Григорія Назіанзина у Кетмена*, Библ. Листы, 1825. N 7. 88. *Слово Христолюбца*. ib. 228.

² *Гельмольдъ*. I, 53. *Вацерадъ*. ib. 211, 213, 215, 216, 217, 231. *Прокошь*, Chronicon Slavo-Sarm. Warsz. 1827. 113. Мнѣніе о немъ *Гримма*, Deutsche Mythologie (2-e A.) Gött. 1844. 643.

³ *Гельмольдъ*. I, 84.

⁴ *Вацерадъ* ib. 211, 223, 225.

⁵ *Слово о Полку Игор.* ib. 28, 62, 78, 92 «Погибашеть жизнь Дажь-Божа внука». — «Встала обида въ силахъ Дажь-Божа внука» Срав. «Пѣти было пѣснь Игореву, того (Трояна) внуку» — а выше: Почнемъ же братіе повѣсть сію отъ стараго Владиміра». Внуку—потомокъ: «Ярославе и вси внуци Всеслави».

⁶ *Ипатьев. Лѣт.* въ Полномъ собр. Рус. лѣтописей. Спб. 1843. II. 5.

⁷ *Титмаръ*. VI, 17. Письмо св. Бруна къ Генриху II. (Pertz, Monumenta Germaniæ Hanover, 1829. V. 812). *Слово Христолюбца*. ib. 228. Срав. Casopis Ces. Mus. 1844 Стр. 486.

вянскихъ боговъ: мало этого для мифолога, но достаточно для убѣжденія, что вѣрованіе въ семейную связь божествъ у Славянъ существовало и было распространено между ними. Оно соединилось съ вѣрованіемъ въ безусловное могущество божественной природы.)

Вѣря, что божество управляетъ всѣмъ міромъ, всѣми переворотами въ мірѣ, на небѣ и на землѣ, Славянинъ вѣрилъ, что и жизнь его и все, чѣмъ онъ пользуется въ жизни, есть даръ благодати божества, что онъ долженъ поступать въ своихъ предначинаніяхъ по божественнымъ знаменіямъ, что всякая удача во всякомъ его дѣлѣ зависитъ отъ помощи божества. Божество управляло, по вѣрованію Славянъ, жизнью каждого человѣка. Живу считали они богиней жизни ¹, а Сѣтиврата—богомъ времени ². Кромѣ того они вѣровали въ дѣвъ жизни; преданіе о нихъ сохранилось у нѣкоторыхъ Славянъ и до сихъ поръ. У Болгаръ онѣ называются «орисницами»: двѣ или три изъ нихъ являются къ новорожденному и предсказываютъ будущее ³. Хорутане называютъ ихъ «ројеницами» и рассказываютъ, что всякій человѣкъ, какъ только родится, получаетъ въ небѣ свою звѣзду, а на землѣ свою ројеницу, которая предсказываетъ ему судьбу его ⁴. Русскіе вѣрили также въ эти существа, какъ узнаемъ изъ Слова Христороубца: «молятся и роду и рожаницамъ.... беззаконная трапеза мѣнимая роду и рожаницамъ⁵». Въ Вопросаніяхъ Кириѣ также читаемъ: «Аже се роду и рожаницѣ краюхъ хлѣбы и сыры и медъ?—Бороняше вельми. Нѣгдѣ, рече, молвить: горе піющимъ рожаницѣ⁶. Родомъ называется въ нѣкоторыхъ Церковно-Славянскихъ рукописяхъ, равно какъ и въ Словѣ Давида Заточника, духъ или привидѣніе ⁷, а словомъ «рожденица» пе-

¹ Прокошъ. 113. Длугошъ. V. 9.

² Масуди, ib. 320. Видукиндъ, Res gestæ Saxonie. III. 68. Вацерадъ, ib. 224.

³ Жур. Мин. Нар. Просв. 1846. Дек. Отд. II. 210.

⁴ С. Вразъ, Glasi iz dubrave Žeravinske. Zagreb 1841. Стр. 118—119.

⁵ Слово Христороубца, id. 229.

⁶ Памят. Слов. XII в. 179.

⁷ Слово Давида Заточ. въ Памятникахъ Слов. XII в. Стр. 236. «Дѣти бѣгають рода».

реводится иногда, по замѣчанію Прейса, Греческое слово *τύχη*. Выраженіе «на роду написано» напоминаетъ Хорватское преданіе о книгѣ «Рожденикъ», по которой всякій можетъ узнать судьбу своей жизни. Въ извѣстіи «О книгахъ истинныхъ и ложныхъ» есть описаніе подобной книги подѣ названіемъ Шестодневца: «безумніи люди вѣрующе и волхвуютъ, и ищутъ дня рожденія своего, сановъ полученіе, и урока житію, и бѣдныхъ напастей, различныхъ смертей и казней, въ службахъ и въ купляхъ и въ ремеслахъ, ищутъ своимъ безуміемъ, и призываютъ бѣсовъ на помощь»¹. У всѣхъ Славянъ есть пословицы, намекающія на древнее вѣрованіе въ предопредѣленіе божіе. Такъ Русскіе говорятъ: «чему быть, тому не миновать», «суженаго конемъ не объѣдешь», или, какъ выражались Боянъ и Давидъ Заточникъ: «ни хитру, ни горазду суда божія не минути»; Сербы говорятъ: «испред божје волје никуд никамо, од суденја се не може утечи, и т. д.»² Нуждавшійся въ помощи боговъ обращался къ нимъ, какъ къ своимъ спасителямъ: этимъ именемъ называются боги въ пѣсняхъ Краледворской рукописи³. Подѣ особеннымъ покровительствомъ боговъ считались сироты и всѣ бѣдные. Такъ Малоруссы говорятъ: «за сиротою Богъ съ каитою»; а у Сербовъ сохранилась пословица: «да није сиротинје не би ни сунце гријало». То же понятіе живо и у Хорутанъ, которые въ одной пѣснѣ заставляютъ такъ говорить солнце: «*jas ra ne man sakati, man w'liko obsjewati, vse dolince ino chriberce, tudi vse moje s'rotice*»⁴. Тутъ же можно вспомнить и то, что нищихъ и бѣдныхъ у Русскихъ, Поляковъ, Чеховъ называютъ — убогими, у Сербовъ — божьяками, у Хорутанъ — богцами, и пр. Вотъ почему и часть жертвоприношеній принадлежала бѣднымъ;

¹ *Калайдовича*, Іоаннь Эвз. Болг. М. 1824. Стр. 212.

² *Слово о Полку Игор.* ів. 202 *Слово Давида Заточ.* ів. 231. Зане не процвѣте часть моя. Повѣдаху ми, яко той ести судъ Божій надъ мною, и суда де Божія ни хитру уму ни горазду не минути. Судъ ли то Божій, не вѣмъ, Княже, едали ты вѣси. Друзи же мои и ближніи вѣдаютъ тое и отвьргошася мене.» Въ печатномъ у Калайдовича это мѣсто пропущено. *В. С. Караджич*, Српске пословице. Петинь. 1836. Стр. 196, 244.

³ *Краледвор. рпсь.* (4-е изд. Прага). IV: 145, 158. VI: 136.

⁴ *В. С. Караджич*, ів. 54. Пѣсня Хорутанская записана мною въ Зяльской долинь въ Каринтін. О ней *Ярникъ*, Versuch e. Etymologikons der Sloven. Mundart. Klagenfurt. 1832. Стр. 202.

вотъ почему и вообще старались помогать бѣднымъ, такъ что современники встрѣчали у Славянъ мало нищихъ¹.

Славяне вѣрили, что боги, и въ милости, и въ гнѣвѣ предсказываютъ человеку будущее сами, безъ его моленій, и различными знаменіями, земными и небесными, дають ему знать, ждуть ли ему удачи въ дѣлѣ, или какой бѣды. На небѣ они искали такихъ знаменій въ солнцѣ, мѣсяцѣ, звѣздахъ, кометахъ, метеорахъ; на землѣ во встрѣчѣ съ животными, въ разныхъ явленіяхъ, въ снахъ. Это вѣрованіе доселѣ осталось у всѣхъ Славянъ, и въ свое время было замѣчено современниками. Ограничусь указаніями, болѣе другихъ любопытными. Изъ словъ Масуди можемъ догадываться, что въ храмахъ Славянскихъ искали и находили предзнаменованія въ солнцѣ². «Знаменье бо — говоритъ лѣтописецъ — небеси или звѣздахъ, или въ солнци, или птицами, или естеромъ чимъ не благо бываютъ: ли проявленіе рати, ли гладъ, ли смерть проявляютъ»³. У Руянъ каждое встрѣтившееся животное предсказывало будущее⁴. У Редарей, по словамъ Титмара, особенно важно было появленіе веоря: какъ предвѣщатель страшной войны, онъ выходилъ изъ моря, огромный, съ блестящими клыками, покрытый пѣною, и съ ужаснымъ ревомъ валялся по тинѣ⁵. «Овъ кобені пѣтичь смотритъ, овъ стрѣтенина сѣмнитъся» — говоритъ переводчикъ Григорія Назіанзина⁶. «Вѣруемъ — говоритъ Кириллъ въ своемъ словѣ — въ поткы и въ датля, и въ вороны, и въ сивици. Коли гдѣ хоцемъ поити, которая переди поиграеть, то станемъ послушающе, правая или лѣвая; ли да ще ны поиграеть по нашей мыслѣ, тѣ мы къ собѣ глаголемъ, добро ны потка си, добро ны кажеть, ркуще окаянии, чи не богъ той поткѣ указалъ добро намъ повѣдати. Егда ли что ны на пути зло створитьсь, то учнемъ дружинѣ своей глаголати, почто не вратихомся, а не безлѣпа ны потка си дояше поити, а мы ся не послушахомъ. Аще ны гдѣ будетъ поити, то мы течемъ къ волховъ; то вѣруемъ чеху и устряю; а коли ны будетъ поити на долгый онъ путь, мы послушаемъ поткѣ»⁷.

¹ Ибнъ-Фоцланъ у Френа, id. 9. Гельмольдъ. II, 12. Сефридъ, Vita S. Ottonis. 54. (Acta Sanctorum. Jul. 1).

² Масуди, ib. 319.

³ Несторъ. 71.

⁴ Саксо грамматикъ. 827.

⁵ Титмаръ; IV, 17. О знаменьяхъ озера Гломачскаго. I. 3.

⁶ Переводъ Григорія Наз. ib. 89.

⁷ Слово Кирилла, ib. 242-243.

«Се бо не поганьски ли живемъ—еще говорятъ лѣтописецъ — аще усрѣсти вѣрующе: аще бо кто усрящеть черноризца, то възвращается, ли единиць, ли свинью; то не поганьски ли есть? Се бо по дьяволу наученю кобъ сію держать. Друзіи же и за- кыханью вѣрують, еже бываетъ на здорovie главѣ» ¹. И у Кирилла Туровскаго читаемъ: «Вѣрують въ стрѣчу, въ чехъ, въ полазъ и въ птичій грай», и пр. ². Значеніе знаменій отчасти было всѣмъ извѣстно, отчасти было разгадываемо знахарями. О нихъ написаю въ Стоглавѣ: «Волхвы и чародѣйники и во Аристотелевы врата и въ Рафли смотрять, и по звѣздамъ и по ланитамъ (планидамъ) глядають, и смотрять дней и часовъ». — Значенія многихъ знаменій были записаны въ особенныхъ книгахъ, напр. въ Волховникѣ, Путникѣ, Громовникѣ и пр. ³. Очень понятно, что книги эти составлены въ послѣдствіи; но и составлены онѣ могли быть только въ слѣдствіе вѣры въ знаменія, — вѣры, которая, породивши такія книги, еще прежде породила богослужебный обрядъ гаданій.

Славянинъ вѣрилъ, что безъ помощи своихъ боговъ онъ не можетъ ни въ чемъ имѣть успѣха. Такъ урожаи полей, по его вѣрованію, зависѣли объ богини жизни Живы ⁴ и отъ бога свѣта и солнца Святoviда. Въ честь послѣдняго, по окончаніи жатвы, совершалось празднество, во время котораго гадали объ урожаѣ слѣдующаго года, испрашивая у него помощи. У Гаволянъ мѣсто Святoviда занималъ Яровитъ: «я богъ твой—говорилъ жрецъ именемъ своего бога,—я покрываю травю поля и листьями лѣса, я оплодотворяю нивы и деревья» ⁵. У Славянъ Хорутанскихъ и до сихъ поръ божествомъ сѣющимъ изображается солнце, какъ это видно въ пѣснѣ, выше приведенной, — и годовое празднество въ честь этого божества, Коляда, какъ начало года, было для всѣхъ Славянъ временемъ гаданій о будущемъ, а равно и молитвъ и пожеланій о дарованіи благъ зем-

¹ *Несторъ*. 73.

² *Кирилл Туровскій*, ів. 19. *Уставъ Владимира* въ Дополненіяхъ къ Историч. Актамъ. 1846. N. 1.

³ *Калайдовича*, Іоанъ Экв. 211-213. *С. Стрoва*, Описаніе памятниковъ Слав. руск. литературы. М. 1841. Стр. 123.

⁴ *Вацерадъ*, ів. 217.

⁵ *Сефридъ*. 129.

ныхъ ¹. Подобно земледѣлію, и скотоводство было подѣ покровительствомъ божества: въ договорѣ Святослава съ Греками и у Вацерада Велесъ изображается богомъ стадъ и пастуховъ. Яровитъ заступалъ мѣсто Велеса у Гаволянъ ². Божество покровительствовало и торговлѣ, какъ можемъ судить по моленіямъ Русскихъ купцовъ передъ идолами, и по дани, платимой Святovidу купцами ³. Славянинъ не могъ ожидать успѣха безъ помощи боговъ и въ дѣлѣ ратномъ, въ войнахъ съ врагами. Пѣсни Краледворской рукописи воспѣваютъ какъ помогли боги Воймиру и Честмиру противъ Власлава, а Забою противъ Людека, и говорятъ, что «bozi nam uicestuie daiu». Тамъ же, какъ богъ, помогающій побѣдѣ, поминается Трясъ ⁴. Титмаръ описываетъ какъ бога побѣдъ, Сварожича; Адамъ Бременскій—Радагаста; Гельмольдъ, Саксо грамматикъ и Вацерадъ богомъ побѣдъ называютъ Святovidа, который, какъ Сварожичъ, имѣлъ побѣдныя знамена и коня, на которомъ онъ ѣздилъ на враговъ. Богомъ же побѣдъ называютъ жизнеописанія св. Оттона Бамберскаго—Яровита, а Саксо грамматикъ—Руевита. Книтлинга-сага знаетъ его подѣ именемъ Черноглава, а Длугошь подѣ именемъ Лиды ⁵. Изъ договоровъ съ Греками Игоря и Святослава видно, что богами побѣды у Русскихъ почитались Перунъ и Волосъ: обѣщая Грекамъ держать съ ними миръ, они клялись, что если не сдержатъ слова, то «да не имутъ помощи ни отъ Перуна, ни отъ Волоса ⁶. Все зависѣло отъ боговъ, отъ ихъ милости и гнѣва, все — и жизнь, и счастье, и несчастіе человѣка; богами насылались бѣдствія, подобныя мору и голоду; богами казнили люди за неправоту, за нецѣломудріе, и пр. ⁷.

¹ Смотр. Колянныя пѣсни у Паули (Piesni ludu Rus. Lwow. 1839. I. 10. 16 — Piesni ludu Pol. Lwow. 1840. Стр. 9-10) Колара (Zpiewanky, I. 409), Корытки (Pesme Krain. noroda. Lublana. 1839. I. 19) и пр.

² Несторъ, 31. Вацерадъ, ib. 229. Сефридъ. 129.

³ Ибнъ-Фоцлянъ, ib. 7-9. Гельмольдъ I, 6. II, 52.

⁴ Краледвор. рпсѣ. IV, 204. VI. 140, 181.

⁵ Титмаръ. VI, 17. Адамъ Брем. Histor. Eccl. IV 12. Гельмольдъ. I. 23. II, 12. Саксо грам. 826, 830, 842. Сефридъ, 134. Эббо, 80. Книтлинга Сага, 122. (Historia pirat. jomens. Hafn. 1842. Стр. 350) Вацерадъ, ib. 226. Длугошь. V. 9.

⁶ Несторъ, 20. 31.

⁷ Гельмольдъ, I, 84. Справ. I, 53. Эббо, 65. Сефридъ. 158. Ипатъев. Лѣт. 5. Книтлинга-Сага, 122 (ib. 349 350). Саксо грам. 844.

Все зависѣло отъ боговъ, — и сознаніе ихъ могущества дѣлало чловѣка рабомъ ихъ воли, предоставляя на его волю только стараніе познавать и исполнять ихъ требованія. Онъ смѣлся познавать и исполнять ихъ; но они были слишкомъ сильны для него, — и онъ иногда упдалъ передъ ними, упдалъ тѣмъ глубже, чѣмъ болѣе чувствовалъ свое безсиліе. Не мудро, что божество могло иногда представляться Славянамъ страшнымъ и гнѣвнымъ, что они считали долгомъ вымаливать у своихъ боговъ помилованія, молитвой и жертвой освобождать себя отъ ихъ гнѣва и ярости ¹. «Прошу тебя — говорилъ князь Владиміръ Олаву — почитать боговъ и укрощать себя предъ ними покорностію; опасаюсь, что они прольютъ на тебя ужасъ своего бурнаго гнѣва и жестокости». И Олавъ отвѣчалъ: «Не боюсь твоихъ боговъ. Я, кажется, могу ихъ понять изъ того, что твое Кунгское величество и твое лице, воспитатель мой, остаются всегда ласковы и свѣтлы, когда ты не ѣдишь въ капище, и не приносишь божествамъ жертвъ; въ противномъ случаѣ ты представляешься мнѣ мрачнымъ и скучнымъ, и оттуда я заключаю, что божества, которымъ ты служишь, управляютъ, быть можетъ, тьмою» ².

Руководствуясь чувствомъ страха къ богамъ, Славянинъ нѣкоторыхъ изъ нихъ считалъ не только гнѣвными, но и злыми, и, признавая бога свѣта, онъ признавалъ и бога тьмы. О богѣ добра и богѣ зла, какъ отдѣльныхъ божествахъ у Славянъ, упоминаетъ Гельмольдъ: «отъ одного ожидали Славяне счастья, отъ другаго бѣдствій, — и послѣдняго называли Чернобогомъ, а перваго, вѣроятно, Бѣлбогомъ» ³. Кое что подобное встрѣчаемъ и въ лѣтописяхъ отечественныхъ; такъ въ одной волхвы говорятъ: «два суть бози, единъ небесный, другій во адѣ» ⁴. Люнебургскіе Славяне до недавняго времени называли Чернобогомъ дьявола ⁵. Въ землѣ Лужицкихъ Сербовъ, близъ Будишина, есть

¹ *Титмаръ. VI, 17. Краледв. рцс. VI, 46.*

² *Сага Олава Тригвесона. VI. (Рус. Истор. Сборникъ. IV. 47).*

³ *Гельмольдъ. I, 53. Malum deum sua lingua Diabol sive Zerneboch, id est nigrum deum, appellant, — bonum que Belboch (послѣднія слова пропущены, вѣроятно, писцомъ).*

⁴ *Густин. Лѣт. въ Полн. Собр. Лѣт. II. 273.*

⁵ *Геннина, Русскій Словарь Люнебург. нарѣчія подъ слов. Schwarz и Teufel.*

гора Чернобогъ, и подлѣ нея другая—Бѣлбогъ: у окрестныхъ жителей сохранилось о нихъ преданіе, какъ о мѣстахъ языческаго богослуженія ¹. Трудно опредѣлить, какое именно мѣсто занималъ богъ зла въ мифологіи Славянской; ясно, впрочемъ, что онъ былъ почитаемъ властелиномъ ада и противникомъ бога добра: это подтверждается и сравненіемъ мифологіи Славянской съ мифологіями другихъ сѣверныхъ народовъ, и народными преданіями всѣхъ Славянъ, едва ли могшими образоваться уже въ слѣдствіе распространенія христіанства, преданіями, въ которыхъ всюду одинаково, однѣми и тѣми же страшными чертами рисуются злые духи въ противоположность добрымъ ². Одно могло быть въ этомъ случаѣ слѣдствіемъ Христіанства; это—общее измѣненіе понятій о божествахъ языческихъ: всѣ они одинаково стали считаться злыми. Сначала Славяне, только что принявши христіанскую вѣру, и не утвердившись въ ней, боялись гнѣва своихъ боговъ за измѣну; а потомъ увидѣли въ нихъ, въ противоположность Богу христіанскому, только злыхъ демоновъ, и страшились ихъ преслѣдованій, какъ враговъ рода человеческого. Какъ бы то ни было, впрочемъ, во время язычества, хотя вѣрованіе въ злое начало и существовало у Славянъ и пугало, какъ пугаль и гнѣвъ боговъ добрыхъ, однако надежда на благость божества преобладала надъ всѣмъ, и укрѣпляла поклонниковъ въ ревности исполнять законы и обряды своей вѣры.

Чувство это въ Славянѣнѣ язычнкѣ было тѣмъ сильнѣе, что онъ вѣрилъ въ свою зависимость отъ воли боговъ не только въ настоящемъ, но и въ будущемъ, не только въ этой жизни, но и за могилой: онъ вѣрилъ въ безсмертіе души, вѣрилъ, что по смерти ждутъ его или блаженства рай, или кара за неисполненіе воли божествъ. О вѣрованіи Славянъ въ безсмертіе души мы находимъ доказательства, и въ свидѣльствахъ современниковъ,

¹ *Л. Штуръ*, Cesta do Lužic. Casop. Ces. Mus 1839. Стр. 476 477. *К. Прейскеръ*. Blicke in die vaterländische Vorzeit. Leipzig. 1841. I. 186. и слѣд. Урочище *Болые бои* (лѣсъ и дугъ) находится у большой дороги отъ Москвы къ Троицѣ, не доѣзжая 15 верстъ, близъ села Городка. На Ревѣ (въ Помераніи), близъ ея устья въ море, былъ островъ съ монастыремъ, называвшійся именемъ *Бѣлбога*. Codex Pomeraniae diplomat. Greifswald. 1843. Стр. 70.

² Edda Sæmundar hins fróða III. Hafn. 1828. 498 и слѣд. *Нарбутъ* Dzieje narodu Litewskiego. Wilno. 1835. I. 26-29. Ср. *Гримма*, Deut. Myth. 952-954 и слѣд.

и въ обычаяхъ древнихъ Славянъ, и въ преданіяхъ народныхъ, сохранившихся до нашего времени. Къ числу свидѣтельствъ современниковъ относятся пѣсни Краледворской рукописи, воспѣвающія событія языческаго времени: въ нихъ не одинъ разъ упоминается, какъ отдѣляется душа отъ тѣла и остается до тѣхъ поръ подлѣ, пока не совершится погребальный обрядъ. Вла-славъ, пораженный Честмиромъ «wstati ne mozes; Morena iei sipase w noc czrnu; kipiese krew ze silna Vlaslawa, po zelene trawie w siru zemiu tecie; ai a wiide z rswucei hubi, wiletie na druo, a po druech siemo-tamo doniz mrtew ne zzen». Палъ Людекъ, пораженный Забоемъ: «letie mlat, roskosi sie scit, za scitem sie roskocista Ludiekowa prsi; i ulecie sie duse tiezka mlata, i mlat i dusu uirazi». Битва окончена, много мертвыхъ лежитъ на полѣ, и wiele dus tieka siemo tamo po drsieueh, i ich boie sie ptactwo i plachi zuiers, iedno soui ne boie sie». Юному-воина застигъ лютый врагъ: «wirazi z iunose dusu dusicu; sie uiletie pieknim tahlim hrdlem, z hrla krasnima rtoma¹. Не менѣе важно и свидѣтельство грамоты Нѣмецкой 1240 года: въ ней сказано, что жрецы Поморянъ увѣряли народъ, будто они видятъ, какъ душа честнаго человѣка съ дружиной переходить къ другой жизни въ небо². У Адама Бременскаго, въ описаніи храма Петрскаго, находимъ также выраженіе, намекающее на вѣрованіе Славянъ въ безсмертіе души: «городъ—говоритъ онъ—имѣетъ девять воротъ и окруженъ со всѣхъ сторонъ озеромъ; деревянный мостъ служитъ для перехода, дозволеннаго только тѣмъ, кто хочетъ приносить жертву или отгадывать волю боговъ, и это есть знаменіе, что Стиксъ, пролившись девять разъ, смиряетъ погибшія души язычниковъ»³. По сказанію Длугоша, язычники Поляки молились Нію, чтобы онъ ихъ отвелъ по смерти въ лучшія мѣста ада⁴. Есть и другія свидѣтельства, касающіяся, какъ увидимъ, самого состоянія души по смерти тѣла; они будутъ приведены ниже. — Изъ древнихъ обычаевъ Славянъ, доказывающихъ, что они имѣли понятіе о безсмертной

¹ *Краледв. рпсь* IV, 218-224. VI, 161-164, 229-232, X, 17-20. Въ параллель съ этими выраженіями можно поставить мѣсто изъ Слова о полку Игоревомъ: «изрони жемчужну душу изъ тѣла чрезъ злато ожерелье». *Слово о полку Игор.* ib. 180.

² *Мацѣвскій*, *Pamiętniki Słowian*. SPB. 1839. II. 107.

³ *Адамъ Брем.* *Historia Eccles.* II. 11.

⁴ *Длугошъ*. V, 9.

душѣ, довольно вспомнить о двухъ болѣе важныхъ. У Славянъ язычниковъ былъ обычай сжигать мертвыхъ и съ ними не только ихъ вещи, но животныхъ и людей, или же погребать съ мертвыми все, что было ими любимо въ жизни. Этотъ обычай предполагаетъ вѣрованіе, что умершихъ ожидаетъ воскресеніе и жизнь, въ которой они опять желали пользоваться тѣмъ, чѣмъ пользовались до смерти. На могилахъ было въ обычаѣ праздновать веселые пиры: ихъ бы не могло быть, если бы оставшимся въ живыхъ не оставалось надежды увидѣться съ усопшими въ другой жизни ¹.—Что касается до народныхъ преданій, то и въ нихъ найти можно много вовсе не христіанскихъ вѣрованій о явленіи душъ и мертвецовъ, о томъ, что кровь убійцы успокоиваетъ тѣнь убіеннаго, объ отдѣленіи души отъ тѣла у знахарей и вѣдьмъ, принимающихъ на себя по волѣ различныя тѣлесныя образы, о душахъ человѣческихъ, заключенныхъ въ деревьяхъ и т. д.

Съ понятіемъ о безсмертіи души неразлучно было для Славянъ понятіе о будущей жизни. Вѣрованіе Славянъ въ рай было замѣчено уже Арабами X вѣка. Масуди, говоря о томъ, что жены Славянскія липаютъ себя жизни по смерти мужей, замѣчаютъ, что онѣ съ охотою бросаются на костеръ, надѣясь чрезъ это войти въ рай ². Ибнъ-Фоцланъ, рассказывая обрядъ погребенія, приводитъ слова дѣвушки, обреченной на смерть. «Вонъ, я вижу — говоритъ она въ восторгѣ, приготовляясь къ смерти—я вижу моего отца и мать мою; вонъ сидятъ всѣ мой умершіе родные; вонъ и мой господинъ,—онъ сидитъ въ раю, и рай такъ прекрасенъ, такъ зеленъ! Подлѣ него вся дружина его и дѣти. Онъ зоветъ меня, ведите меня къ нему». Въ другомъ мѣстѣ Ибнъ-Фоцланъ приводитъ слова Русскаго, объясняющаго свои погребальныя обряды: «Мы сжигаемъ—говорилъ этотъ Русскій—нашихъ мертвыхъ такъ, чтобы они немедленно и безъ задержки шли въ рай» ³. По вѣрованію Сла-

¹ *Несторъ*. 6. *Краледвор. рпсѣ*. IV, 224. *Маврикій*, *Strategicon* XI, 5. (*Шафарикъ*, *Slow. Star.* 969). *Левъ Діаконъ*, *Historia*. IX, 6. *Винфридъ Бонифацій* въ письмѣ 72 (*Шафарикъ*, *ib.* 843). *Титмаръ*. VIII, 2. *Алберикъ*, I, подлѣ г. 751. *Масуди*, *ib.* 314, 317. *Димешки*, *ib.* 353. *Ибнъ-Фоцланъ*. *ib.* 11—21.

² *Масуди*. *ib.* 317.

³ *Ибнъ-Фоцланъ*. 17—21.

ванъ, рай былъ не для всѣхъ одинаково доступенъ; женщина вступала въ него только посредствомъ мужчины; и это вѣрованіе было такъ сильно, что если умершій былъ холостъ, то его женили—говорить Масуди—послѣ смерти, и жены его сѣвши обречь себя на сожженіе, лишь бы войти въ рай со своими душами¹. То-же понятіе о недоступности рая должно было оправдывать и сожженіе рабовъ и приближенныхъ чиновниковъ вмѣстѣ съ умершими князьями, какъ узнаемъ изъ Димешки². Съ вѣрованіемъ въ недоступность рая, Славяне соединяли вѣрованіе въ наслажденія, ожидавшія въ немъ тѣхъ, которые были достойны въ него переселиться. Они воображали себѣ его чудеснымъ садомъ, какъ видно изъ самого значенія этого слова³ и садомъ не земнымъ, а находящимся гдѣ-то въ небесахъ, во владѣніяхъ бога солнца и свѣта, какъ рассказываютъ объ этомъ преданія Словаковъ и Хорутанъ, садомъ вѣчно зеленымъ и цвѣтущимъ, откуда сѣмена жизни залетаютъ и на землю, жилищемъ божества и душъ чистыхъ, безгрѣшныхъ⁴. Впрочемъ, рисуя себѣ жизнь загробную со всѣмъ разнообразіемъ условій жизни здѣшней, они вѣрили, что не всѣхъ ожидала по смерти одна и та же участь; что и тамъ, какъ здѣсь, они могли терпѣть лишенія и страдать, если того заслуживали своей неправотою. Ихъ страшило между прочимъ рабство на томъ свѣтѣ. Послы Игоря, присягая не нарушать мира съ Греками, давали такую клятву: «Елико ихъ есть пехрещено, да неимуть помощи отъ Бога ни отъ Перува, да не ущитятся щиты своими, и да посѣчени будутъ мечи своими, отъ стрѣлъ и отъ иного оружія своего, и да будутъ раби въ весь вѣкъ въ будущій»⁵, если измѣнятъ слову. Русскіе, по словамъ Льва Діакона Калойскаго, никогда не сдавались неприятелю, но, вонзая мечъ подъ сердце, сами себя убивали, будучи увѣрены, что убитые въ сраженіи, по смерти своей, или по разлученіи души съ тѣломъ, служатъ въ адѣ своимъ убійцамъ; а плѣнные, при погре-

¹ Масуди. ib. 317.

² Димешки, ib. 353.

³ Юнманъ, Słownik III. 786. Лінде, Słownik języka Pol. III. 16–17. Шимкевичъ, Корнесловъ Рус. языка. Спб. 1843. II. 37.

⁴ Преданія о раѣ сохранились въ сказкахъ. Смолр. Журн. Минис. Нар. Просв. 1846. № 7: тамъ, въ статьѣ объ обожаніи Солнца, отмѣчены нѣкоторыя изъ этихъ преданій.

⁵ Несторъ 20. По другимъ спискамъ: «въ сій вѣкъ и въ будущій».

бніи вонновъ, а можетъ быть и въ другихъ случаяхъ, были убиваемы, вѣроятно, съ мыслию, что они будутъ на томъ свѣтѣ рабами павшихъ въ битвѣ. ¹ Вѣря, что не всѣхъ ожидала на томъ свѣтѣ одна и таже участь, Славяне молили своихъ боговъ устроить ее сколько можно лучше; вѣрили, что молитвами другихъ можно искупить себѣ помилованіе и послѣ посмертнаго искуса, съ этою цѣлію совершали поминовенія усопшихъ, привося по нимъ жертвы и моленья ². Недостойный божескаго прощенія погибалъ, по вѣрованію Славянъ, въ неугасаемомъ огнѣ «пекла». Слово «пекло», какъ остатокъ языческой старины, сохранилось и до сихъ поръ почти во всѣхъ нарѣчіяхъ Славянскихъ, и въ давніе вѣки перешло изъ нихъ и къ сосѣднимъ народамъ ³. Это пекло представляли Славяне подъ землею, гдѣ живутъ злые духи огня и тьмы и откуда появляются на землю, на страхъ боязливымъ. Понятіе о подземномъ царствѣ огня сохранилось до сихъ поръ: Хорутане рассказываютъ о провалахъ между горами, туда ведущихъ; Словаки мѣстомъ входа въ пекло назначаютъ пропасти горы Ситна, и злаго духа называютъ духомъ пропасти, пропастникомъ, предадникомъ; о пропастяхъ ада говорятъ и преданія Чеховъ, Поляковъ, Лужичанъ ⁴... Не-

¹ *Левъ Діаконъ*. XI, 6. 8.

² *Адамъ Брем.* II, 11. *Длугошъ*. V. 9 Поминательные обычаи, смѣшавшись съ христіанскими, остаются отчасти и до сихъ поръ.

³ У восточныхъ и сѣверозападныхъ Славянъ—пекло (peklo, pieklo, pjequo); у югозападныхъ—пакао (пако, паку, и т. д.); у Литовцевъ—pėklà, у Мадьяръ—pokol.

⁴ *Коларъ*, ib. I, 18, 429. *Его же*, Wyklad ku Slawy dcere. Pest. 1832. 403. *Юнманъ*, ib. III. 682. *Линде*, ib. II. 1120—1121. и пр.

Слитно ли съ понятіемъ о пеклѣ, или по суевѣрію особенному, Славяне боялись, кажется, и совершеннаго уничтоженія бытія по смерти: остатки этого повѣрья безсознательно сохраняются и до сихъ поръ. Такъ между Русскими заклинаніями есть: «исчезни!» или: «сгинь ты, пропади!» У Сербовъ есть подобное заклинаніе: «не стало те нити душе твое!» У нихъ же поговорка: «изгивую као невѣрац!» У всѣхъ Славянъ есть сравненія смерти злодѣевъ со смертію животныхъ. У всѣхъ же Славянъ есть заклинанія, чтобы Богъ наказалъ неправого смертію: «Богъ меня убей, бій тя сила божа, niech mie ran bog zabije, zobu tje boh zabici, да ме бог убије, правога боже» и пр.: подъ смертію, въ смыслѣ языческомъ, разумѣлось тутъ, конечно, совершенное уничтоженіе. Сюда же принадлежитъ и свидѣтельство Титмара (I, 7.) что по вѣрованію Славянъ временная смерть оканчивается все.

смотря, впрочемъ, на эти опасенія Славянна язычника, для него всегда оставалась надежда заслужить отъ боговъ прощеніе за грѣхи. Его религія не была религія отчаянія: она оживлялась мыслию о благодти боговъ, и страхъ кары соединялся въ ней съ возможностью очищенія. Онъ очищаль себя при жизни молитвой и жертвой, а по смерти обрядомъ сожженія тѣла и обрядомъ помпновенія, молитвами и жертвами другихъ. Одинъ изъ символовъ очищенія, въ постройкѣ храма, окруженнаго водою, отмѣченъ, какъ мы видѣли, у Адама Бременскаго; объ очищеніяхъ водою говорятъ и уцѣлѣвшіе обряды, принадлежащіе къ праздникамъ Весны, Купалы и пр. Къ нимъ же относятся и обряды потопленія въ родѣ тѣхъ, о которыхъ вспоминаетъ Левъ Діаконъ, рассказывая объ обрядѣ погребенія убитыхъ въ сраженіи, когда грѣхи мертвыхъ очищались смертію живыхъ существъ. То же самое вольное и невольное участіе живыхъ существъ и въ очищеніи челоуѣка огнемъ видимъ въ погребальномъ обрядѣ сожженія, въ скаканіи черезъ огонь, и т. д. Къ нему принадлежало и очищеніе кровію, закланіемъ. Понятіе объ очищеніи грѣховъ смертію живыхъ существъ сдѣлалось источникомъ жертвъ смертныхъ, столь обычныхъ, какъ увидимъ, въ богослуженіи Славянскомъ, источникомъ не единственнымъ, но могшимъ сдѣлаться въ свое время главнымъ и довести наконецъ язычниковъ Славянъ до принесенія въ жертву людей. Трудно понять смыслъ этой языческой тайны очищенія; но нельзя сомнѣваться, что въ нее вѣрили Славяне и считали ее одною изъ самыхъ важныхъ тайнъ богослуженія.

Таковы были главные догматы язычества Славянскаго вообще и особенно въ отношеніи къ богослуженію. Теперь перейдемъ къ разсмотрѣнію самого богослуженія.—Поклоненіе богамъ земнымъ и небеснымъ требовало святилищъ, и въ той мѣрѣ какъ различны были боги, различны должны были быть и самыя святилища. Поклоненіе богамъ состояло въ молитвахъ, жертвоприношеніяхъ и гаданіяхъ: ими надѣялся Славянинъ умилистити боговъ, освятить и очистить себя отъ грѣховъ и познать ихъ волю. Обряды богослуженія были многообразны и, опираясь на вѣрованія въ благодть боговъ, вели за собою веселья паршества.—

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

СВЯТИЛИЩА БОГОСЛУЖЕНІЯ.

I.

Отличая въ сомнѣ божествъ боговъ земныхъ отъ боговъ небесныхъ, Славяне поклонялись тѣмъ и другимъ въ особенныхъ святилищахъ: богамъ земнымъ поклонялись всюду, гдѣ сознавали ихъ присутствіе, гдѣ, по народному вѣрованію, эти боги обитали, гдѣ выказывали свою божественную силу; богамъ небеснымъ поклонялись въ особенныхъ храмахъ, передъ идолами, священными для поклонниковъ по вѣрованію, что въ нихъ живетъ божественный духъ. Правда, что у иныхъ Славянъ простые жертвенники подъ открытымъ небомъ или подъ сѣнью вѣтвей, заступали мѣсто храмовъ и должны были заступать ихъ мѣсто у всѣхъ Славянъ, пока не распространилось умѣнье строить храмы; но правда и то, что нѣтъ ни одного свидѣтельства, чтобы въ храмахъ поклонялись божествамъ земнымъ.

Воду почитали Славяне стихіей, изъ которой образовался міръ. Земля, по ихъ понятію, выплыла изъ моря: это видно изъ преданій, сохранившихся у разныхъ Славянъ до нашего времени. Такъ Малоруссы Галицкіе въ одной изъ своихъ колядокъ поютъ: «Коли было зъ нащада свѣта, втодѣ не было неба нѣ земли, неба нѣ земли, лемъ синѣ море». Замѣчательнъ припѣвъ къ этой пѣсни: Подуй же, подуй, Господи, изъ духомъ святымъ по землі!», наминающій сказаніе Малоруссовъ восточныхъ, что земля вышла изъ воды по дыханію святаго Духа¹. Такъ Хорутане, давая морю имя «света вода», рассказываютъ, что когда земля, по волѣ Божіей, выходила изъ морской бездны, въ которой до тѣхъ поръ погружены были солнце съ мѣсяцемъ и звѣздами, и молнія и вѣтры, то первая показалась изъ поды воды гора Триглавъ, а потому-то съ ея вершины и видны всѣ моря земли. У Словаковъ есть тоже подобное преданіе, примененное къ Татрамъ, и повѣрье, что духъ Божій до сихъ поръ живетъ въ водахъ, омывающихъ землю; что всѣ онѣ соединены между собою, и что тогда будетъ разрушеніе міра, когда это прекратится, когда духъ Божій оставитъ воду. Въ заговорахъ у нихъ, какъ и въ заговорахъ Великорусскихъ, повторяетъ

¹ *Бьрещкаго*, Собраніе колядокъ. № 1. К. Сементовскою, Замѣчанія о праздникахъ у Малороссіянъ. Спб. 1843. Стр. 56.

ся море какъ что-то священное; а ключи и озера, почитаемые священными, можно найти въ каждой изъ земель Славянскихъ. Суевѣріе народа населяетъ воды существами чудными, язычески божественными, морянами, водянами, водяными мужами и женами, русалками, дунавками, самодивами и пр. ¹. Нельзя не считать всего этого остаткомъ отъ языческой старины, какъ подтверждаютъ и свидѣтельства того времени. Къ числу древнихъ Славянскихъ обычаевъ, находящихся въ соотношеніи съ поклоненіемъ водѣ, должно причислить и такъ называемый судъ Божіей водою. Сказанія о немъ сохранились во многихъ юридическихъ и историческихъ памятникахъ: въ Русской Правдѣ, въ Польскихъ грамотахъ времени Болеслава-Стыдливаго и другихъ, въ Чешской пѣснѣ о судѣ Любуши, въ Чешской лѣтописи Козьмы Пражскаго, въ грамотѣ Конрада Брѣненскаго, въ Рядѣ земли Чешской, въ Правѣ земли Чешской, въ книгахъ Оомы Штитваго, въ Законникѣ Сербскомъ Стефана Душана и т. д. ²— Съ вѣрованіемъ въ божественность воды и водъ соединялось понятіе о томъ, что на берегахъ водъ, какъ въ присутствіи божества, должно совершать богослужебные обряды. Древнѣйшее свидѣтельство объ этомъ богослуженіи читаемъ у Прокопія: «Славяне—пишетъ онъ—обожаютъ рѣки, нимфы и нѣкоторыхъ другихъ духовъ, приносятъ имъ жертвы и по жертвамъ гадаютъ о будущемъ» ³. Въ свидѣтельствѣ позднѣйшемъ, въ переводѣ словъ Григорія Назіанзина, вѣроятно о тѣхъ же Славянахъ, къ которымъ принадлежали описанные Прокопіемъ, находимъ: «Онъ рѣкж богынкж нарицаеть и звѣрж живщъ въ неи іако Бога нарицаѣя трѣбж творить» ⁴. У Болгаръ есть обычай, исполняемый дѣвушками, бросать въ рѣку вѣнокъ, сплѣтенный изъ первыхъ весеннихъ цвѣтовъ. Подобный обычай существуетъ и у Хорватовъ, какъ свидѣтельствуется между

¹ Срав. *Шафарика* статью въ *Sas. Ces.* 1833 Стр. 257 и слѣд. Самодивами или самовилами называются русалки у Болгаръ.

² *Рус. Правда* въ *Рус. Достоп.* II. 17. *Пѣсня о судѣ Любуши* въ *Denkmäler der Böhm. Spr.* 41, 63. *Козьма Праж.* I. 100—111. *Rád Země Česke.* § 68. въ *Archivé Čes. Палацакаю* II. 113. *Právo Země Česke.* § 150, 155. у *Кухарскаю* въ *Давн. пам. Слов. законод.* Варш. 1836. 257. *Законникъ Стефана Душана.* § 78. у *Кухарскаю.* 124, 221. и пр.

³ *Прокопій* III. 14.

⁴ *Переводъ Григорія Наз.* ib. 88.

прочемъ народная пѣсня ¹. У Болгаръ есть также обычай, исполняемый тоже дѣвущками, въ Ивановъ день утромъ до зари, бросать въ рѣку такъ называемую «машлатку» — чучело, сплетенное изъ вѣтвей ². О богослуженіи при водахъ у Рускихъ упоминаетъ Левъ Діаконъ: войны Святослава—пишетъ онъ—погружали въ струи Дуная младенцевъ и пѣтуховъ по совершеніи погребенія воиновъ, павшихъ въ битвѣ ³. Несторъ говоритъ, что Рускіе «кладяземъ и езерамъ жертву приношаху», — а Лѣтопись Новгородская, что наши «погани жряху идоломъ въ колодязѣхъ»; въ Уставѣ Владиміра о Судахъ упоминается о молящихся у воды; въ Правилахъ Митрополита Іоанна о «еже жрутъ бесомъ и болотомъ и колодяземъ» и о бракахъ, совершаемыхъ у простаго народа плесканіемъ; въ словѣ Кирилла читаемъ: «не нарицайте собѣ бога... ни въ рѣкахъ, ни въ студенцахъ и пр. ⁴. Въ пѣсняхъ о гостѣ Садкѣ читаемъ не только о морскомъ царѣ, какъ и въ сказкахъ, но и объ обычаѣ приносить Волгѣ и морю хлѣбъ—соль, какъ жертву благодарности ⁵. Нѣкоторые изъ раскольниковъ и донынѣ поклоняются водѣ, воображая въ ней видѣть духа, не только надъ колодцами, но и надъ чанами, и при поклоненіи бросаютъ въ воду серебряныя деньги, какъ жертву. Вообще не истребилось еще почтеніе къ нѣкоторымъ колодезямъ или студенцамъ и озерамъ ⁶. Изъ пѣсень и обычаевъ русскихъ—говоритъ Снегиревъ—видно, что у воды совершались гаданья, какъ напримѣръ въ семикъ. Въ одной старой пѣсни, которую поютъ въ Подольской губерніи подъ Межибожьемъ, замуная

¹ Хорват. пѣсня, записанная мною на островѣ Вельи: «... Сиди дивче доли, те си винце плјете, једав'винац сплјела, у морје годила»....

² *Машлатка* собственно значить: оствовъ, скелеть, — старуха костлявая, — яга-баба. Срав Малор. *маслаки* — кости животныхъ.

³ *Левъ Діаконъ*. IX, 8.

⁴ *Густин. Лѣт.* 234, 237. Лѣт. Новг. 1781 Стр. 1: Уставъ Владиміра о судахъ въ доп. къ А. Н. 1. *Русскія Достоп.* I, 94, 101. Москвитянинъ на 1844. I. 243. *Калайдовича*, Памятники XII вѣка. 19.

⁵ *Древ. Рус. Стихотворенія* М. 1818. Стр. 266 и 339. «Отрѣзалъ хлѣба великій сукрой, а и солью насолилъ, его въ Волгу пустилъ: а спасибо тебѣ, Волга матушка рѣка.»—«Я, Садко, знаю, вѣдаю, бѣгаю по морю двѣнадцатъ дѣтъ, тому царю заморскому не платилъ я дани-пошлины, и въ то сине море Хвалынское хлѣба съ солью не опускавалъ,—по меня Садка смерть пришла».

⁶ *Снегиревъ*, Рус. праздники. М. 1839. I. 16.

жена, вдова и дѣвица вопрошаютъ криницу, и та отвѣчаетъ имъ, какъ оракулъ¹. Въ Малороссіи, въ Ивановъ день рано утромъ, многие купаются въ рѣкахъ, умываются водою, взятою изъ четырехъ колодезей, а по закатѣ солнца приносятъ къ водѣ идола и дерево или марену, снимаютъ съ нихъ всѣ украшения, кромѣ вѣнковъ, коютъ тѣ же пѣсни, какъ и на кануни, и съ крикомъ бросаютъ съ себя въ воду вѣнки, а вельдь за ними идола и марену. Иныя спѣшатъ вынуть изъ воды свои вѣнки, чтобы унести домой и повѣсить ихъ въ сѣняхъ или на чердакъ, какъ талисманъ противъ непредвидимыхъ бѣдъ и болѣзней². Съ этимъ обрядомъ сходенъ обрядъ, исполняемый въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ Великороссіи подъ названіемъ «костромья». Въ Пензенской и Симбирской губерніи, въ Троицынъ день, дѣвки, одѣвшись въ худыя, обношенныя платья, сходятся въ одно мѣсто, и, выбравъ изъ среды своей одну, названную костромой, кладутъ ее на доску и несутъ къ рѣчкѣ или пруду, гдѣ, сложивъ ее съ доски, начинаютъ другъ друга купать³. Поклоненіе водѣ было и у Польскихъ Славянъ, какъ это видно изъ нѣкоторыхъ обычаевъ и преданій. Одно изъ такихъ преданій объ озерѣ, обитаемомъ духами, пересказываетъ Длугошь, и нѣсколько подобныхъ сохранилось до сихъ поръ въ народѣ. Изъ языческихъ обычаевъ можно вспомнить, что въ воскресенье сырной недѣли въ Силезіи и Польдѣ бросаютъ въ рѣчки и пруды чучелы, сдѣланныя изъ соломы⁴. Было поклоненіе водѣ и у Балтійскихъ Славянъ: Титмаръ разсказываетъ повѣрье о морѣ, какъ обиталищѣ духовъ, и о священномъ озерѣ Гломачскомъ, предсказывавшемъ будущее и почитаемомъ болѣе церковей. Эббо и Сефридъ упоминаютъ о священныхъ ручьяхъ, обтекавшихъ деревья, посвященные божествамъ; а Гельмольдъ объ обычаяхъ клясться ручьями⁵. Воднымъ божествамъ поклонялись и Чехи, какъ свидѣтельствуемъ ихъ лѣтописецъ, Козьма Пражскій, упоминая о поклоненіи потокамъ, о возліяніи и жертвахъ надъ потоками. Послѣднія совершались въ Троицкіе праздники, и слѣдовательно могутъ быть

¹ Снегиревъ, ів. I, 136-137. III, 113.

² Пассекъ, Очерки Россіи, III. М. 1840. Стр. 109.

³ Снегиревъ, ів. III. 134.

⁴ Длугошь. VII, подъ 1278 г. Снегиревъ, ів. II. 131.

⁵ Титмаръ. I, 3. VII, 52. Эббо, 98. Сефридъ. 106. Гельмольдъ, I, 84. Срав. 48.

сравнены съ Великорусскимъ обрядомъ погребенія костромѣ и съ русаліями ¹. До сихъ поръ у Чеховъ сохранилось кромѣ того повѣрье, что самый вѣрный союзъ есть тотъ, который заключается надъ колодеземъ ². У горныхъ Словаковъ есть остатокъ поклоненія водѣ, въ обычаѣ бросать весною въ потоки яства, и повѣрье, что потоки и озера требуютъ жертвъ, повѣрье извѣстное отчасти и другимъ Славянамъ.

Изъ всего этого можно вывести, что въ языческое время Славяне, поклоняясь воднымъ божествамъ, призывали ихъ въ своихъ клятвахъ въ подтвержденіе даннаго слова, супружескаго обѣта и т. п.; очищались водою, какъ стихіей священной; молились надъ водою; приносили воднымъ божествамъ въ жертву цвѣточныя вѣнки, яства, деньги, пѣтуховъ, даже живыхъ людей; вѣруя въ пророческую силу божествъ водныхъ, относились къ нимъ, какъ къ оракуламъ, гадалкѣ на водахъ и изъ воды получали знаменія о будущемъ, вѣря также, что имъ извѣстно было и прошедшее, утаенное отъ людей, отъ нихъ ожидали рѣшеній въ дѣлахъ, въ которыхъ сами не могли быть судіями. Воднымъ существамъ были посвящены особенные дни для совершенія празднествъ въ ихъ честь, для совершенія передъ ними торжественнаго служенія и таинствъ, съ нимъ соединенныхъ: это было особенно весною и среди лѣта. Съ вѣроятностію можно заключить, что святилищами служенія воднымъ божествамъ были особенныя мѣста у береговъ священныхъ озеръ, рѣкъ, потоковъ и ключей, куда народъ собирался преимущественно для исполненія своихъ священныхъ обрядовъ.

Поклоненіе огню также опиралось, хоть отчасти, на понятіи древнихъ Славянъ, что огонь, подобно водѣ, былъ первородной стихіей, которой сила участвовала при сотвореніи міра. Это понятіе сохранилось кое-гдѣ и до сихъ поръ: у Карпатскихъ Русиновъ есть преданіе, что царь-огонь вмѣстѣ съ царицей-водою свѣтъ созидали; у Татранскихъ Словаковъ есть подобное преданіе, повторяемое въ сказкахъ, гдѣ рассказывается, что огонь

¹ *Козьма Праз.* ib. 10 и 197.

² *Касторскій*, ib. 150.

породилъ и солнце, и мѣсяць, и звѣзды; есть оно и у Хорутанъ; несомнѣмъ забывшихъ старое повѣрье, что на землѣ все стало жить съ тѣхъ поръ, какъ огонь загорѣлся въ землѣ. Можно предполагать, что и у другихъ Славянъ есть повѣрья въ этомъ же родѣ.—Объ обожаніи огня Славянами язычниками мы имѣемъ извѣстія писателей Арабскихъ, хоть и не древнѣйшихъ, но, конечно, передававшихъ извѣстія, почерпнутыя ими изъ древнихъ источниковъ: таковы Казвини и Бакуви, Абульфедъ и Димешки¹. Два послѣдніе называютъ это поклоненіе огню магизмомъ; а какъ магизмомъ называли Арабы всякую языческую религію², то можно было бы заключать, что и тутъ магизмъ упоминается вмѣсто язычества вообще; однако разнообразныя свидѣтельства доказываютъ очевидно, что тутъ надобно разумѣть огнеобожаніе. Чтобы начать со свидѣтельствъ, касающихся одинаково всѣхъ Славянъ, замѣтимъ, что древнее огнепоклоненіе доказывается многими повѣрьями и обычаями Славянъ современныхъ. Такъ всѣ Славяне сохранили суевѣрную боязнь къ духамъ огня, огненнымъ, огневицамъ и т. п., являющимся въ видѣ огненныхъ людей, блудячихъ огней, огненныхъ змѣй и пр. У всѣхъ Славянъ есть вѣрованіе въ чистоту вновь вознѣтаемаго огня (посредствомъ тренія двухъ кусковъ дерева), называемаго у Русскихъ и у нѣкоторыхъ другихъ Славянъ зничемъ или взничемъ (отъ «светити—нитити—возгнѣтати»)³. У всѣхъ же Славянъ есть что-то въ родѣ религіознаго уваженія къ очагу, какъ къ обитающему духовъ, домовыхъ и пр. Во всѣхъ земляхъ Славянскихъ остаются въ обычаѣ огневозжиганія въ полѣ—почти вездѣ во время праздника Купала, а кое-гдѣ во время праздника Коляды и въ другое время: эти огневозжиганія соединены у многихъ Славянъ съ перескакиваньемъ черезъ огонь—символомъ очищенія огнемъ—и съ обычаемъ жертвоприношенія огню. Во всѣхъ земляхъ Славянскихъ остаются также въ обычаѣ гаданія по пламени, углямъ, золь и т. п. У всѣхъ Славянъ, отъ которыхъ уцѣлѣли старыя памятники юридическіе или преданія, былъ въ обычаѣ судъ огнемъ и желѣзомъ: всѣ памятники, въ которыхъ упоминается о судѣ Божиѣмъ водою, говорится и о судѣ желѣ-

¹ Казвини, Бакуви и Абульфедъ у Шармуа, ib. 340, 358, 361. Димешки у Френа, ib. 136.

² Френъ, ib. 137-138.

³ Многіе Славяне называютъ этотъ огонь «живымъ огнемъ.» Срав. Ходаковскаго путешествіе. Рус. Истор. Сборникъ. III. 199.

земь¹. Къ числу этихъ общеславянскихъ обыкновений надобно причислить и древній языческой обычай сожженія мертвыхъ, по-казывающій, что и въ этомъ случаѣ, какъ во многихъ другихъ, огонь былъ почитаемъ стихіей очистителъной: «мы сожигаемъ мертвыхъ—говорилъ Русскій Ибнъ-Фоцланъ—такъ, чтобы они немедленно и безъ задержки шли въ рай»². Кромѣ всего этого, есть и другія свидѣтельства стародавняго поклоненія огню, касающіяся того или другаго изъ Славянскихъ народовъ. Древнѣйшее свидѣтельство о поклоненіи огню Русскими читаемъ въ Словѣ Христіолобца: «и огневи молятся, зовуть его сварожідем.. и огневи молятся подъ овин(о)м.»³. О Сварожичѣ, сынѣ Сварога, упомянуто было выше: безъ сомнѣнія здѣсь должно разумѣть не Дажбога, Сварогова сына, а другаго, — во всякомъ случаѣ сына владыки неба. У Малоруссовъ до сихъ поръ есть слово «богачъ», намекающее на давнее понятіе объ огнѣ, какъ сынѣ бога. Что же касается до молитвъ подъ овиномъ, то о нихъ упоминаетъ и Уставъ Владиміра о судахъ церковныхъ⁴; обычай овиновъ и до сихъ поръ у Русскихъ, такъ что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на гумнѣ совершаются даже и нѣкоторые обряды, а въ другихъ празднуютъ и именины овина⁵. Другое древнее свидѣтельство о поклоненіи огню находимъ у Кирилла Туровскаго: «уже бо не нарекутся богомъ стихіа, ни солнце, ни огонь»⁶. У Поляковъ сохранились слѣды огнепоклоненія въ народныхъ повѣрьяхъ: такъ остается еще кое-гдѣ въ Польшѣ обычай отгадывать на горящихъ угляхъ, кѣмъ украдено чтонибудь пропавшее: отбирая уголь за уголь, приговариваютъ за каждымъ по три раза имя одного изъ тѣхъ, кого подозрѣваютъ, и чей уголекъ въ это время покроется пепломъ, тотъ и долженъ быть воромъ⁷. У Лужицкихъ Сербовъ кое-гдѣ живетъ преданіе о гадающихъ по влamenti, и остатокъ этого гаданья существуетъ до сихъ поръ, когда зимою дѣвцы собираются на пряжу: между другими гаданьями о своей судьбѣ, зажигаетъ каждая за себя

¹ См. выше ссылку о судѣ водою.

² *Ибнъ-Фоцланъ*, ib. 21.

³ *Слово Христіолобца*, ib. 228.

⁴ *Уставъ Владиміра*, ib. I

⁵ *Снегиревъ*, ib. IV; 83. I, 204.

⁶ *Калайдовича*, Памятники XII вѣка. 19.

⁷ *Антоновъ*, *Collectanea* въ Эгорѣльской Библиотекѣ. III, № 15.

лучинку, и чья скорѣе погаснетъ, той, думаютъ, и умереть придется скорѣе. О почитаніи огня древними Чехами говорятъ Козьма Пражскій и Византійское преданіе, записанное Халкондиломъ ¹. Въ народѣ Чешскомъ остаются до сихъ поръ гаданья по огню, на лучинахъ; на пеплѣ, равно и повѣрья о появленіи духовъ огненныхъ, предрѣкающихъ несчастія. У Хорутанъ во многихъ мѣстахъ можно замѣтить обряды древняго огнепоклоненія. Такъ между прочимъ въ четвергъ великій и въ четвергъ на Троицкой недѣлѣ въ долинахъ Богиньскихъ празднуютъ обрядъ посвященія огня. Дѣвушки, во время непогоды въ избѣ на очагѣ, а въ хорошую погоду въ полѣ, у роши или у воды, раскладываютъ огонь и въ пѣсняхъ, которыя при этомъ поютъ, призываютъ: «sweti se, sweti ogēnj, sweti sel!». Одна изъ дѣвушекъ, обыкновенно младшая и самая красивая, исполняетъ должность главной распорядительницы обряда, называясь дѣвою огня—«wogniena deklisa». Замѣчательно, что оба раза это освященіе огня бываетъ въ день Зевса и Перуна ². И что обрядъ совершается дѣвушками, которыя хранили огонь и по обрядамъ другихъ религій. У Сербовъ остались въ обычаѣ гаданья огнемъ, когда на такъ называемый «бадни дан», т. е. на праздникъ Коляды, зажигается «бадняк» ³. Обычай креститься при разложеніи огня указываетъ также, что до принятія христіанской вѣры при разложеніи огня какъ нибудь молились.

Опускаю нѣкоторыя другія свидѣтельства, мнѣ извѣстныя, не находя въ нихъ ничего особенно любопытнаго. Изъ того же, что было тутъ приведено, можно вывести слѣдующее: Огонь, какъ первоначальная стихія, какъ обиталище божественнаго духа, какъ само божество, будучи предметомъ поклоненія, служилъ для совершенія таинствъ очищенія и гаданія. Ему молились — на очагѣ, подъ овивомъ, у костра; ему приносили жертвы. Его брали судіею при рѣшеніи дѣлъ, чело-вѣку неясныхъ. Служеніе огню совершалось въ важнѣйшіе годовые праздники, каковы Коляда и Купала; ему посвящался особенный день въ недѣлѣ, четвергъ, и служеніе ему предоставлялось дѣвамъ.

¹ Козьма Праж. 10. Халкондила у Стриттера, Меморіае: рор. II. 1062.

² Jeudi—dies Jovis, Donnerstag—Thurstag; у Люнебургскихъ Славянъ—Parandan, Perendan.

³ В. С. Караджич, Српски рјечник. Беч. 1818. Стр. 16-17.

II.

Горы, скалы и камни считались обиталищами божества и поэтому не могли не быть почитаемы какъ священныя мѣста богослуженія. «Не нарицайте собѣ бога ни въ каменія», говорилъ Кириллъ въ своемъ словѣ, увѣщевая Русскихъ, еще не крѣпкихъ въ вѣрѣ Христовой, отставать отъ языческихъ вѣрованій и обычаевъ ¹. О бѣломъ горючемъ камнѣ Алатырѣ, подлѣ которымъ сокрыта сила могучая, ей же нѣтъ конца, сохранились до сихъ поръ мнѣны въ народѣ Русскомъ ². Корочуновъ камень былъ, вѣроятно, также предметомъ поклоненія ³, подобно Коню-каменю (на островѣ Коневцѣ Ладожскаго озера), которому еще въ XV вѣкѣ приносили въ жертву коня ⁴; а въ Ефремовскомъ уѣздѣ на берегу Красивой мечи, вокругъ Коня-камня совершается до сихъ поръ опахиванье во время скотскаго падежа ⁵. Въ Поволжскихъ губерніяхъ въ скотныхъ хлѣвахъ часто можно найти дыроватый камень, повѣшенный на жерди; его называютъ «куринымъ богомъ», вѣроятно въ насмѣшку, въ которой, однако, сохранилось воспоминаніе о прежнемъ языческомъ поклоненіи камнямъ. ⁶ Въ народѣ Малорусскомъ есть нѣсколько повѣрій о горахъ священныхъ и горахъ, на которыхъ (какъ напр. на Лысой горѣ у Кіева) собираются злые духи: эти повѣрья распространены особенно у западныхъ Малоруссовъ, на Бескидахъ, гдѣ рассказываютъ и сказки о духахъ горъ, «горыняхъ», столь извѣстныхъ въ сказкахъ Великорусскихъ, и совершаютъ гаданья, прислушиваясь къ отголоскамъ. У Балтійскихъ Славянъ было подобное почитаніе камней; ими клялись, говоритъ Гельмольдъ; у мыса Горенскаго, близъ Рудны, есть огромный утесъ, издавна названный рыбаками божьимъ камнемъ—Buskahm (бужь-камень), а подлѣ Деммина есть другой священный камень ⁷; вѣроятно много подобныхъ встрѣтить можно и въ другихъ мѣстахъ. Много священныхъ горъ находится въ Силезіи и Саксоніи, тамъ, гдѣ или прежде жили, или и донинѣ живутъ Славяне: таковы—Со-

¹ Слово Кирилла, въ Москвитянинѣ, 1844. № 1. 243.

² Сахаровъ, Сказанія Рус. народа. Спб. 1841. Кн. II. Заговоры №№ 18, 19, 20, 25, 27, 30, 31, 34, 36.

³ Карамзинъ, II. Г. Р. IV. пр. 387.

⁴ Исторія Рос. Иерархіи. IV. М. 1812. Стр. 607.

⁵ Снеицевъ, ib. I. 15-16.

⁶ Касторскій, ib. 135.

⁷ Гельмольдъ. I 84. Бартольдъ, Geschichte von Rügen und Pommern. I. Hamburg. 1839. Стр. 559.

ботка (Zobtenberg), Кёнигсгайнскія горы, Прашицкія, Бѣлбогъ и Чернобогъ и пр. О томъ, что горы и камни, обожаемы были древними Чехами, свидѣтельствуетъ Козьма Пражскій¹. Въ пѣсняхъ Краледворской рукописи упоминается о скалѣ, милой богамъ, на которой совершались жертвоприношенія². У Словаковъ священными горами до сихъ поръ считаются нѣкоторыя изъ вершинъ Татранскихъ; по ихъ повѣрью, тѣни усопшихъ собираются въ Ивановъ день на Матру, молятся духамъ, живущимъ въ этой горѣ. У Хорутанъ имя священной горы носитъ Триглавъ. У Хорватовъ и Сербовъ приморскихъ хребетъ Велебитскій считается обиталищемъ вилъ, горныхъ русалокъ, которыя, по народному предавію, какъ духи добрые, помогаютъ человѣку, предостерегаютъ его отъ опасностей, даютъ ему знать о нихъ своимъ голосомъ, предсказываютъ ему будущее и требуютъ отъ него жертвъ³. У Хорватовъ есть обычай оставлять для нихъ на камняхъ плоды и ленты, обычай, превратившійся въ дѣвичью игру, но оставшійся, конечно, отъ временъ языческихъ; когда имѣлъ религиозное значеніе. У нихъ есть и пословица:— «узми, вило, ча је теби мило!», употребляемая, когда говорится о вынужденномъ подаркѣ.

Хотя всего этого мало, чтобы составить полное понятіе о богослуженіи горномъ; но и изъ этого видно, что божествамъ горнымъ молились, приносили жертвы, что къ нимъ обращались, когда желали узнать будущее; и что вершины горъ, скалы и камни были святилищами этого богослуженія. У горныхъ Славянъ были и жертвенники каменные, которыхъ слѣды видны до сихъ поръ въ Карпатахъ, Судетахъ, Исполинахъ и пр.

Лѣса, роши и деревья были также почитаемы жилищами боговъ. Къ нимъ питали Славяне и сохранили отчасти доннынѣ чувство религиознаго почтенія и страха. Въ лѣсахъ и рощахъ или у отдѣльныхъ деревьевъ, какъ въ мѣстахъ священныхъ, поклонялись божеству. Судя по сказаніямъ современниковъ и по

¹ Козьма Пражскій, ib. 197.

² Краледвор. рпсь. IV, 143—145. Срав. Стредовскаю, Sacra Morav. hist. 42.

³ В. С. Караджич, ib. 69—70. Его же Српске пјесме. Беч. 1841. I. 149 и слѣд.

народнымъ преданіямъ, это вѣрованіе было общимъ для всѣхъ Славянъ. О богослуженіи подъ деревьями у Русскихъ упоминаетъ Константинъ Порфирородный: «Приходя на островъ св. Георгія—говорить онъ—Русскіе совершали жертвоприношенія подъ большими дубомъ¹. Въ Уставѣ Владиміра о церковныхъ судахъ говорится о тѣхъ, «кто молится въ рошеньи»², а въ житіи Князя Константина Муромскаго читаемъ о поклоненіи «дупли-намъ деревяннымъ, вѣтви убрисцемъ обвѣшивающе»³. Этотъ послѣдній обычай сохраняется до сихъ поръ въ Малороссіи, гдѣ на посвященныхъ дубахъ вѣшаютъ полотенца и мотки нитокъ, называя это приношеніями русалкамъ⁴. Въ Густинской лѣтописи упоминается о жертвоприношеніяхъ рощеніямъ; а въ Ипатьевской лѣтописи — о служеніи около куста⁵. И хотя уже Кирилль Туровскій говорилъ, что «уже бо не нарекутся богомъ на дресеса»⁶; однако не только Духовный Регламентъ запрещаетъ «передъ дубомъ молитвы пѣть, но и до сихъ поръ народъ Русскій рассказываетъ многое о духахъ, живущихъ въ лѣсахъ; о чудесахъ, тамъ происходящихъ, сохраняетъ благоговѣніе къ нѣкоторымъ старымъ деревьямъ, и даже кое-какіе обычаи, напоминающіе о языческомъ лѣсномъ богослуженіи.⁷ Такъ въ сказкахъ и заговорахъ говорится о «силѣ видимой невидимой», живущей въ садахъ и лѣсахъ, о дубѣ мокрецкомъ, какъ о чемъ-то священномъ и пр.⁸ Семицкая пѣсня: «подъ ливою столъ стоитъ», какъ замѣтилъ уже Снегиревъ, намекаетъ на какой-то жертвенный обрядъ⁹. Нѣкоторые изъ раскольниковъ совершаютъ свои обряды въ чащѣ лѣса; простой народъ вообще охотно вслушивается въ лѣсное ауканье, какъ въ голосъ судьбы; на Бескидахъ и въ лѣсахъ Поволжскихъ есть обычай у охотниковъ первый уловъ оставлять какъ жертву лѣсной силѣ и пр. Поляки также чтили деревья. Эббо упоминаетъ о большомъ орѣховомъ деревѣ, посвященномъ богу близъ Штеттина; а Сефридъ — о большомъ вѣтвистомъ дубѣ, который по-

¹ Константинъ Порфир. De Administrando imperio. 9.

² Уставъ Владиміра. ib. 1.

³ Карамзинъ, И. Г. Р. I. пр. 216.

⁴ Густинскій, ib. 134.

⁵ Ипатьев. Лѣт. ib. 184, 234, 257.

⁶ Калайдовича, Памятники XII в. 19.

⁷ Снегирева, ib. I, 39. II, 6.

⁸ Сахарова, ib. Заговоры №№ 11, 19, 25, 28, 29.

⁹ Снегиревъ, ib. III, 112.

читался жилищемъ какого-то бога¹. Народъ считаетъ до сихъ поръ нѣкоторыя рощи священными и запечатлѣлъ прежнес уваженіе къ нимъ въ самыхъ названіяхъ: нѣкоторыя называются по прежнему обычаю «божницами»². О религіозномъ почитаніи лѣсовъ и деревьевъ у Балтійскихъ Славянъ есть много современныхъ свидѣтельствъ. У Титмара читаемъ, что священнымъ считался лѣсъ, окружавшій храмъ Ретрскій, священнымъ и обожасмымъ былъ и Святой боръ (Zuitibor)³. Болѣе подробныя извѣстія находимъ у Гельмольда, который не только говоритъ о почитаніи лѣсовъ и рощъ, какъ святилищъ и о запрещеніи клясться деревьями; но и подробно, какъ самовидецъ, описываетъ одну изъ священныхъ рощъ. «На пути (изъ Старгарда въ Любекъ) мы заѣхали—разсказываетъ онъ—въ рощу, единственную въ томъ краю, потому что весь онъ—голая равнина. Тамъ, между старыми деревьями, увидѣли мы и священные дубы, которые были посвящены богу того края, Проне. Они окружены были дворомъ и деревянной, тщательно отдѣланной оградой съ двумя воротами. Кромѣ пенатовъ и идоловъ, которыми наполнены были всѣ мѣстечки, это мѣсто было святилищемъ для всего края, имѣло своего жреца, свои праздники и разные обряды при жертвоприношеніяхъ. Сюда послѣ праздника, сходился народъ на судъ съ жрецомъ и княземъ. Входъ въ дворъ воспрещенъ былъ всякому кромѣ жреца и тѣхъ, кто желалъ приносить жертвы или кто, угрожаемый опасностію смерти, искалъ тутъ убѣжища. Когда мы прибыли къ этой рощѣ, епископъ сталъ насъ увѣщевать приступить къ разрушенію святилища и самъ соскочивъ съ коня, низринулъ большіе фронтоны воротъ. Тогда, вышедши въ дворъ, мы сложили разрушенную ограду вокругъ тѣхъ священныхъ деревьевъ въ костеръ и зажгли»⁴. Арнольдъ Любекскій упоминаетъ о рощахъ Годерака, а Марескалкъ Турій о рощахъ Живы⁵. До сихъ поръ въ Германіи, гдѣ

¹ Эббо. 98. Сефридъ. 106, 168, 169.

² Голембѣвскій, Lud polski. Warsz. 1830. Стр. 278—279. *Ходаковская* Донесеніе въ Истор. Сбор. VII. 116: Гай богъ. *Фабрицій*, Urkunden zur Geschichte d. F. Rügen. Stralsund. II 1843. 68. № 132: due arbores que Hagebokin dicuntur.

³ Титмаръ VI, 26, VII, 17. Сравни *Анналиста Сакса* подъ 1009: Zudibore.

⁴ Гельмольдъ. I, 84.

⁵ Арнольдъ Любек. Chronicon Slavorum, IV, 24, (Сравни *Лина*, Jahrbücher des Vereins für Meklenb. Gesch. VI. Schwerin. 1841. Стр. 70). *Марескалкъ Турій*. Annales Herulorum. I. 4.

прежде жили Славяне, некоторые рощи и боры называются святыми¹. О некоторых из них народ рассказывает как о мѣстахъ сборища духовъ, и прислушивается къ ихъ голосу, какъ къ голосу оракула. Въ Лужицахъ Саксонскихъ говорятъ, что въ такихъ «святыихъ гаахъ» являются тѣни стародавнихъ князей и молятся тамъ неизвѣстному богу, принося жертвы. О существованіи лѣснаго богослуженія у Чеховъ находимъ свидѣтельство у Козьмы Пражскаго. Въ одномъ мѣстѣ онъ рассказываетъ, что вторая изъ трехъ дочерей Крока, Тѣтка, научила народъ обожать дриаду, и что въ его время еще было въ простомъ народѣ религиозное почтеніе къ рощамъ и деревьямъ; въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ, что князь Брѣтиславъ разрушилъ и сжегъ рощи и деревья, которыя были еще почитаемы простымъ народомъ во многихъ мѣстахъ². Въ пѣснѣ Краледворской рукописи «о побѣдѣ надъ Влаславомъ» говорится, что Честмиръ, посланный княземъ Некланомъ на Власлава, передъ выступленіемъ въ походъ, «*prode wsie druha wzlozie obieti bohom*». Въ другой пѣснѣ «о великомъ пораженіи», тамъ же, Забой, жалуясь на иновѣрцевъ, угнѣтавшихъ ихъ вѣру, говоритъ между прочимъ, что они, «*rosiekachu wsie druha i rozhrusichu wsie bohi*»³. У Словаковъ есть много воспоминаній о священныя рощахъ. Кромѣ суевѣрныхъ рассказовъ о чудесахъ, тамъ совершающихся, видимъ у нихъ обычай, довольно распространенный, содержать подлѣ селеній заповѣдныя «гаи», большею частію на возвышенныхъ мѣстахъ: туда осенью собираются дѣвушки «слушать духа», который шопотомъ падающихъ листьевъ высказываетъ имъ ихъ будущее. Въ ихъ сказкахъ попадаются случаи, подобные тому, о которомъ читаемъ въ пѣснѣ Краледворской рукописи «о великомъ пораженіи», какъ собираются судить и рядить о самыхъ важныхъ дѣлахъ въ глубину лѣса, въ такую чашу, куда бы не могъ дойти лучъ солнца⁴. Преданія о святости лѣсовъ есть и у Славянъ Задунайскихъ, которыхъ воображеніе живо еще занято повѣрьями объ обитательницахъ лѣсовъ, вилахъ, о великанахъ, скрывающихся въ ихъ недоступной чащѣ, и пр. У Хорутанъ нельзя не замѣтить обычая, сохранившагося во многихъ мѣстахъ, совершать обряды и игры у липы, которою украшается середина главной сельской площади. Уваженіе къ

¹ Напр. Heiligenhai или Swent. Schwarz, Einleitung zur Geschichte Nord. Deutsch. Slav. 204.

² Козьма Праж. 10, 197.

³ Краледвор. пѣсн. IV, 22—23. VI, 50—51.

Краледвор. пѣсн. VI, 15—19.

ляпамъ обще и многимъ другимъ Славянамъ¹. Ко всему этому прибавимъ еще, что въ рощахъ и лѣсахъ любили язычники Славяне хоронить мертвыхъ. Это запрещалъ Поморянамъ Отгонъ Бамбергскій; это запрещалъ и Чехамъ князь ихъ Брѣтиславъ².

Изъ всего, что сказано выше о лѣсахъ и рощахъ, какъ святилищахъ, можемъ вывести слѣдующее: Служеніе богамъ совершалось или подъ отдѣльнымъ деревомъ (дубомъ, липой, орѣхомъ), старымъ, нерѣдко душлистымъ, такъ что иногда мѣсто святилища было отгорожено копьями, иногда завѣшено тканями, брошенными на вѣтви, — или около куста, — или же въ рощѣ, гдѣ деревья святилища были отдѣляемы оградой, за которую не было никому позволено переступить безъ особенной нужды. Совершеніе служенія поручалось жрецамъ, если не всегда и не вездѣ, то по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ. Служеніе состояло въ моленіяхъ, жертвоприношеніяхъ и гаданіяхъ; въ жертву приносили яства, животныхъ, вещи; гадали по знаменіямъ и жертвамъ.

III.

Нельзя не согласится, что и такъ называемыя городища принадлежали къ святилищамъ, составляя переходъ отъ простыхъ жертвенниковъ къ храмамъ. Какъ памятники язычества, они заслуживаютъ особеннаго вниманія. Не имѣя возможности говорить о нихъ здѣсь подробно, сообщу только въ общемъ итогъ то, къ чему привели меня изслѣдованія, мною сдѣланныя въ западныхъ Славянскихъ земляхъ, сравнительно съ изслѣдованіями Ходаковского³. Городищемъ⁴ называется старинная валовая насыпь, изогнутая на своемъ протяженіи правильно дугою или угловато въ цѣлый кругъ или полукружіе, и иногда обведенная кругомъ ли, или съ какойнибудь стороны, не ровомъ, а другою подобною насыпью или даже многими. Изъ городищъ одновальныхъ многія суть полныя круглыя, въ ко-

¹ Коларъ, Zpiewanku. I. 429—431.

² Андрей, V. Ott. II, 82. Козьма Праж. 112.

³ Ходаковского, Планъ Путешествія по Россіи, въ Сынъ Отеч. за 1820. N 33—40; а извлеченіе изъ него въ Вѣстникъ Евр. 1820. N 17—18. Ею же, o Słowianszczyźnie przed Chrzescianstwem. Krakow. 1835. Ею же, Историч. Система, въ Рус. Истор. Сборникѣ. I. M. 1837, кн. 3.

⁴ Рус: городище, городиско; Поль: grodzisko; Луж: pol žiśće; Чеш: hradište.

торыхъ валъ образованъ по круговой чертѣ, болѣе или менѣе правильной, и опускается въ завалье полого, а на внѣшнюю сторону довольно круто, и притомъ такъ, что у нѣкоторыхъ валъ всюду одинаково высокъ, между тѣмъ какъ у другихъ онъ въ одну сторону высокъ и широкъ, а въ другую гораздо ниже и уже. Иныя изъ нихъ вовсе не имѣютъ входа; иныя же имѣютъ одинъ входъ или два. Въ городищахъ полныхъ и угловатыхъ валъ образованъ по четверугольному чертежу, но болѣе или менѣе закругленъ: они бываютъ также со входами и безъ входовъ. Отъ городищъ полныхъ съ перваго взгляда отличаются городища половинныя; у нихъ отворенная сторона обыкновенно обращена къ болѣе или менѣе крутому скату горы, подъ которымъ почти всегда течетъ вода,—и валъ у нѣкоторыхъ образованъ дугою болѣе или менѣе глубокою, а у другихъ заугленъ покоемъ или глаголемъ. Городищами многовальными можно назвать тѣ, которыя кромѣ главной, полной или половинной, круговой черты вала, имѣютъ еще особенныя валовыя насыпи кругомъ или съ боку. Разнообразіе этихъ придѣлокъ такъ велико, что едва ли можетъ быть подведено подъ какія нибудь общія условія. Почти каждое такое городище представляетъ какую нибудь особенность, которой не имѣетъ никакое другое, и между тѣмъ эти придѣлки, безъ сомнѣнія, что нибудь значили, насыпались не случайно, не по прихоти, а въ слѣдствіе нужды. Вообще ихъ можно раздѣлить на два разряда: въ городищахъ двойныхъ или составныхъ трудно отдѣлить главную часть отъ приставной; въ городищахъ фигурныхъ или обсыпныхъ около главнаго вала находятся придѣлки, не соединенныя съ нимъ въ одно цѣлое. Придѣлки эти иногда имѣютъ форму дуги, обводя собою главный валъ, то съ задней стороны, то почти кругомъ; иногда же, получая самыя разнообразныя формы, примыкаютъ болѣе всего къ входу городища¹. Городище имѣетъ свой тылъ или заднюю сторону тамъ, гдѣ валъ поднимается выше, и свою переднюю сторону или лицо тамъ, гдѣ валъ ниже, или гдѣ есть входъ въ городище. Ходаковскій считалъ лицо или входъ съ востока однимъ изъ важныхъ условій устройства городища²;

¹ Примѣры городищъ разныхъ формъ можно найти у *Ходаковскаго* (Истор. Сист.), *Калайдовича* (Письма объ археолог. изслѣдованіяхъ). М. 1825), *Ванера* (Die Tempel und Pyramiden auf dem recht. Elb-ufer. Leipz. 1828. Aegypten in Deutschland. Leipz. 1839), *Прейскера* (Blicke. I. 100 и слѣд. II. 116 и слѣд. 192 и слѣд.), и проч.

² *Ходаковскій*, Истор. Система. II, 27. 93.

есть, однако, много городищъ, обращенныхъ къ западу, сѣверу и югу, а въ обращенныхъ къ востоку нельзя не замѣтить что многія изъ нихъ обращены не прямо на востокъ, а замѣтно болѣе на сѣверъ, чѣмъ всходитъ солнце лѣтомъ. При томъ же, лицо и тылъ городища не всегда обращены въ противоположныя стороны: у многихъ лицо въ отношеніи къ тылу находится съ боку. — Ни одно изъ городищъ не сохранилось, быть можетъ, вполне въ такомъ видѣ, въ какомъ было первоначально: одни осыли, другія разрыты водою или людьми, и все такимъ образомъ могли потерять хоть что нибудь какъ въ своей формѣ, такъ и въ величинѣ. Тѣмъ не менѣе, не опуская изъ виду формы, нельзя не обращать вниманія и на величину городищъ, т. е. на длину вала по его вѣнцу, на толщину и высоту его, наконецъ на обширность завалы или внутренняго пространства городища. Длина вала по вѣнцу рѣдко бываетъ менѣе 80 шаговъ и также рѣдко доходитъ до 1000 шаговъ: обыкновенной величины городища простираются въ длину отъ 150 до 300 шаговъ по вѣнцу вала. Высота вала не соразмѣряется съ его длиною: напротивъ того, въ очень большихъ городищахъ вообще валъ ниже, — можетъ быть впрочемъ, отъ того, что легче могъ быть испорченъ. Вообще валъ не бываетъ ниже 3-хъ шаговъ въ отвѣсѣ и доходитъ слишкомъ до 20. Что касается до толщины вала, то она, съ немногими исключеніями, всегда соразмѣрна съ его вышиною, расширяясь внизъ обыкновенно подъ угломъ 90—110°. Во внутреннемъ пространствѣ городище имѣетъ поперечнику до 80 шаговъ и болѣе, а иногда и не болѣе 10. — Такъ разнообразны городища, встрѣчаемыя въ земляхъ Славянскихъ. Не во всѣхъ, впрочемъ, Славянскихъ земляхъ онѣ встрѣчаются, хотя Ходаковскій и воображалъ, что ими наполнено все пространство отъ Уральскихъ горъ и Камы на западъ до Эльбы и Герцинскихъ лѣсовъ, а отъ Сѣверной Двины на югъ до Балканскихъ горъ и Адриатическаго моря¹. Границы восточныя, можетъ быть, и справедливо означены; но на западъ ихъ должно означить совсѣмъ иначе. Тамъ горная черта, идущая по вершинамъ Карпатскаго хребта, Судетовъ, Моравскаго погорья, Шумавы или Чешскаго лѣса и Рудныхъ горъ, и отдѣляющая Дунайское загорье отъ загорья Балгійскаго, отдѣляетъ и земли, обильныя городищами, отъ земель, гдѣ ихъ едва ли не вовсе нѣтъ. Въ земляхъ южныхъ Славянъ, т. е. Болгаръ, Сербовъ,

¹ Ходаковскій, Планъ путешествія. Сынъ От. № 33. Стр. 296.

Хорватовъ и Хорутанъ, равно и въ земляхъ Угорскихъ Русиновъ и Словаковъ, занимающихъ южные склоны Карпатовъ, также и въ Моравиѣ, на востокъ отъ Моравскаго погорья, можно слышать объ усадьбахъ, селеніяхъ, городахъ, урочищахъ, называемыхъ городищами, но едва ли можно найти самыя городища. Напротивъ того, по сѣверному склону Карпатовъ и Судетовъ и вокругъ Исполиновыхъ горъ, городища небольшая рѣдкость, особенно между верховьями Эльбы, Одры и Вислы. Чѣмъ далѣе на сѣверъ, тѣмъ ихъ менѣе. Въ Мекленбургѣ нашлось пока только одно городище ¹. Въ иныхъ мѣстахъ находимъ городища расположенными довольно близко одно отъ другаго. Это заставило думать, что онѣ и вездѣ въ предположенномъ пространствѣ одинаково часты, что на каждой квадратной милѣ, какъ думалъ Ходаковскій, можно искать городища, и что притомъ каждое лежитъ уединенно, что нельзя видѣть двухъ, трехъ на одной верстѣ ². Факты противорѣчатъ этой догадкѣ; въ Лужицахъ, напримѣръ, чѣмъ глубже идти на югъ въ горы и чѣмъ ближе подходить къ такъ называемому Болоту (Bloto, Spegewald), тѣмъ ихъ меньше; въ Силезіи и Галиціи ихъ болѣе въ южной половинѣ, нежели въ сѣверной; въ южной Россіи нѣкоторыя порѣчья, подобно Коломацкому, примѣтно отличаются богатствомъ городищъ, и можно пройти большое пространство, напримѣръ въ степи, не найдя ни одного. Равнымъ образомъ и на востокъ, и на западъ городища попадаются иногда такъ близко, что съ одного можно ихъ видѣть нѣсколько: такъ на Шпревѣ и ея притокахъ одно отъ другаго отстоятъ иногда не далѣе какъ въ полуверстѣ. — Ходаковскій былъ убѣжденъ, что городища были ставимы только на мѣстахъ возвышенныхъ надъ волюю, съ себя и на себя давая открытый, прекрасный видъ, или на стрѣлкахъ соединенія двухъ потоковъ воды ³. Это мнѣ кажется недосмотромъ. Конечно, есть много городищъ, поставленныхъ въ такихъ мѣстахъ; но много есть и такихъ, которыя окружены равниной, болотами, лугами, холмами и скрываются за ними почти со всѣхъ сторонъ. Большая часть Саксонскихъ, сѣверныхъ Лужицкихъ, юговосточныхъ Силезскихъ и пр. лежатъ въ болотахъ; большая часть Южнорусскихъ—на совершенно ровныхъ

¹ Ravensburg. *Bartsch*, Jahresbericht d. Vereins für Meklenburg. Gesch. Schwerin. 1840. 110—117.

² Ходаковскій, Истор. Сисг. 11—12.

³ Ходаковскій *ib.* 11.

мѣстахъ; у очень многихъ не находимъ слѣда текучей воды; другія лежатъ въ лѣсахъ, и не мудрено, что какъ теперь, такъ и прежде скрывались за чащей. Вообще, мнѣ кажется, городища въ этомъ отношеніи можно раздѣлить на два разряда. Одни лежатъ на мѣстахъ открытых, могли быть всегда видны хоть съ какой нибудь стороны, — и таковы степныя не только видныя, но и приступныя; таковы же и нагорныя, которыя хоть и могли быть неприступны, съ одной стороны окружаясь лѣсомъ, съ другой крутизною ската, но все-таки были видны съ этой стороны снизу вверхъ. Другія, напротивъ, лежатъ на мѣстахъ, гдѣ они легко могли быть скрыты за лѣсами, за болотами или за тѣми и другими вмѣстѣ.

Всего этого, кажется, довольно, чтобы понять внѣшній видъ и положеніе городищъ; остается сдѣлать еще нѣсколько замѣтокъ о томъ, что городища были дѣйствительно святилищами богослуженія у древнихъ Славянъ. Это доказывалъ уже Ходаковский, еще не обращая вниманія на то, что можно въ нихъ найти, разрывая почву, ихъ покрывающую ¹. Теперь, когда многія изъ нихъ разрыты, можно говорить объ этомъ положительнѣе. Въ городищахъ, при разрытіи оконечностей вала и внутреннего пространства завалы, находимы были: а) уголь и зола, въ огромномъ количествѣ сваленные куда-нибудь къ сторонѣ, а иногда покрывающіе дно завалы; б) въ углѣ и золѣ недогорѣвшія головни, кости и рога животныхъ, черепки разбитыхъ глиняныхъ сосудовъ; в) въ углѣ и золѣ, а также въ насыпи и въ завали—ножи, стрѣлы, приборы къ одеждѣ изъ бронзы, серебра, золота и пр., д) каменные основанія костра и между камнями недогорѣвшіе брусья ². Все это доказываетъ, что въ городищахъ сожигали людей и животныхъ, и что, слѣдовательно, это были мѣста или жертвоприношеній, или сожженій мертвыхъ, носившихъ на себѣ тотъ же характеръ жертвоприношеній, или того и другаго вмѣстѣ. Нельзя оспаривать, что городища могли быть въ немирное время мѣстами убѣжищъ, какими были и священныя рощи и храмовые города, во время мира совершенно пустынные ³; но не въ этомъ заключалась ихъ прямая цѣль: иначе бы не то можно было находить въ нихъ. Притомъ же, нѣкоторыя изъ городищъ такъ малы, что ихъ, какъ военныя укрѣпленія,

¹ Ходаковский ib. 53 и слѣд.

² Смотри вышеознач. статьи *Прейскера* и *Ванера*.

³ *Гельмольдъ*. I, 84. Срав. ниже о храмовыхъ городахъ.

употреблять было бы странно. Не говорю уже о томъ, что употребленіе рва у вала для защиты отъ врага столь же общеизвѣстно, какъ и естественно; а между городищами нѣтъ ни одного, въ которомъ бы валъ былъ окруженъ рвомъ, такъ что въ этомъ нельзя не видѣть намѣренія, вовсе не тактического. Наконецъ, и въ народѣ хоть они извѣстны иногда подъ именемъ шанцевъ, но сохраняютъ и священный характеръ, пробуждая собою религиозный страхъ, или приковывая къ себѣ какія нибудь языческія воспоминанія. Словомъ сказать, богослужебное значеніе городищъ видно изо всего. Тѣмъ болѣе надобно сожалѣть, что нѣтъ пока возможности дознаться не по одиѣмъ догадкамъ, какого именно рода богослуженію посвящены были они, какіе именно обряды были въ нихъ совершамы, и т. д. Рѣшеніе этихъ и подобныхъ вопросовъ надобно отложить до того времени, когда городища подвергнутся изслѣдованіямъ, болѣе подробнымъ.

IV.

Переходимъ къ обзорѣнію храмовъ.

Древнѣйшее изъ извѣстій о языческихъ храмахъ Славянскихъ принадлежитъ Арабскому писателю, Масуди. Въ его Золотыхъ Лугахъ читаемъ о нихъ слѣдующія строки: — «Были въ землѣ Славянской священныя зданія. Одно изъ нихъ находилось на горѣ, одной изъ самыхъ высокыхъ, какъ говорятъ философы. Это зданіе славно — по своей архитектурѣ, — по сложенію камней различнаго рода и разнообразныхъ цвѣтовъ, — по отверстіямъ въ верху, — по настройкамъ, слѣваннымъ въ нихъ для наблюденія точекъ восхожденія солнца, — по драгоценнымъ камнямъ, въ немъ сохраняющимся, — по знакамъ, на нихъ начертаннымъ и показывающимъ будущія дѣла, событія, предсказанныя этими драгоценными камнями прежде, чѣмъ они случились, — по звукамъ, раздающимся сверху зданія, — наконецъ по тому, что приключается съ людьми, когда эти звуки поражаютъ ихъ слухъ. Другое зданіе было построено однимъ изъ ихъ царей на Черной горѣ, окруженной чудотворными водами различнаго цвѣта и вкуса, которыхъ цѣлебная сила всюду извѣстна. Тамъ есть у нихъ большой идолъ, представляющій Сатурна въ видѣ старца... тамъ же есть странныя

изображенія различныхъ Абиссинянъ и Эѳіопянъ. Еще одно изъ зданій находится на горѣ, окруженной морскимъ заливомъ: оно построено было изъ краснаго коралла¹ и зеленаго изумруда. Посреди зданія возвышается большой куполъ, водъ которымъ стоитъ идолъ; а противъ него другой, изображающій дѣву. Построеніе этого храма приписывали мудрецу, жившему когда-то давно между ними². Нельзя не сказать, что въ этомъ описаніи кое-что обрисовано красками невѣрными, въ преувеличенномъ видѣ; но нельзя и отвергнуть всего описанія, какъ совершенно негоднаго для историческихъ соображеній: многое подтверждается извѣстіями другихъ источниковъ. Остается одно загадкою: какимъ Славянамъ принадлежали храмы, тутъ описанные. Не Славянамъ югозападнымъ, можно сказать только потому, что о храмахъ ихъ ни въ предѣлахъ Византійской Имперіи, ни за ними къ Карпатамъ и Альпамъ, нѣтъ никакихъ опредѣлительныхъ свѣдѣній, какъ нѣтъ свѣдѣній и объ ихъ идолослуженіи. Скорѣе можно было бы приписать ихъ Славянамъ восточнымъ или сѣверо-западнымъ, потому что знаемъ и о сношеніяхъ ихъ съ Арабами, и объ ихъ храмахъ, въ родѣ тѣхъ, которые описаны у Масуди. О храмахъ Русскихъ Славянъ имѣемъ, впрочемъ, только краткія напоминанія. О третищахъ напоминаетъ Новгородская лѣтопись; о капищахъ—Митрополитъ Илларионъ въ «Слѣвѣ о Законѣ Моисеомъ даннѣмъ»; о капищахъ въ Ростовской области, разрушенныхъ чудотворцемъ Исаіей—Кіевскій Патерикъ³, и т. д. Самое подробное извѣстіе о Русскихъ языческихъ храмахъ находится въ Сагѣ объ Олавѣ Тригвессонѣ: Олавъ—сказано тамъ—ѣздилъ всегда къ храму съ княземъ Владиміромъ, но никог-

¹ По другому списку: «изъ мрамора».

² Масуди, ib. 319 - 321, 340, 358.

³ Новгород. Лѣт. въ Продолж. Рос. Вивлію. II. 111. Творенія Св. Огневъ. М. 1844. II. 204, Карамзина. И. Г. Р. I. пр. 225. Третище—храмъ, жертвенникъ (Иерем. VIII, 31: создаша третище—Vulgat: excelsa.—Павла Посл. I къ Коринѣ. VIII, 10: въ третищи возлежаща—Vulgat: in idolio). Третище—теревить—щипать, выщипывать, вырѣзывать, вычищать; третище—нужда, обрядъ—Капище—идолъ, жертвенникъ. (Исходъ. XXIII, 24: сокрушиши капища—Vulgat: statuas. Дѣян. Апост. XVII, 23: обрѣтохъ капище.—Vulgat: aram. Срав. Карамзина, И. Г. Р. I. пр. 458. Капище, по Добровскому (Грам. Слав. I. 122. рус. перев.), отъ кап-ати; не правильнѣе ли отъ коп-отъ (срав. Греч. κοπτος).

да не входилъ въ него, а стоялъ за дверьми, когда Владимиръ приносилъ богамъ жертвы¹. — О храмахъ Польскихъ Славянъ есть извѣстія болѣе разнообразныя. Объ ихъ существованіи упоминаютъ Длугошь и Бѣльскій, о храмѣ богини Живы на горѣ Живецъ — хроника Прокоса, о храмахъ земли Колобрежской — хроника Титмара². Кромѣ того, жизнеописанія св. Оттона Бамбергскаго довольно подробно говорятъ о храмахъ Штетинскихъ. «Быи въ Штетинѣ — пишетъ Сефридъ — четыре «ковтины» (continae, concivæ), и одна изъ нихъ, главная, удивляла архитектурой и отдѣлкой. Внѣшняя и внутренняя сторона ея стѣнъ украшена была выпуклыми рѣзными изображеніями людей, птицъ и звѣрей, такъ живо сдѣланными, что кажется они дышали и жили, и, скажу за рѣдкости, краски, которыми покрыты были изображенія внѣшней стороны стѣнъ, были такъ прочны, что ни ливень, ни свѣтъ не могли имъ вредить. Въ ней хранились разныя драгоценныя вещи, оружія и пр. Въ ней же былъ трехголовый идолъ, называемый Триглавомъ.... Три другія контины были меньше уважаемы и меньше украшены: въ нихъ были только скамьи и столы кругомъ стѣнъ, потому что тутъ бывали обычно собранія и совѣщанія, куда сходились въ извѣстные дни и часы пировать и разсуждать о важныхъ дѣлахъ»³. Изъ Эббона можно прибавить, что храмъ Триглава былъ на одной изъ трехъ горъ Штетинскихъ, самой высокой⁴. — Всего болѣе извѣстны храмы Балтійскихъ

¹ Сага объ Олавѣ Триггессонѣ. Русск. Истор. Сбор. IV. 46—47. стр. 96—97.

² Длугошь. V, 9. Прокосъ, 113. Титмаръ. VIII. 52.

³ Сефридъ. 104, 105. Онъ объясняетъ слово контина отъ Лат. continere: pulo ab eo quod est continere continas esse vocatas. Иные производили это слово отъ Готт — Schindel (Карамзинъ. И. Г. Р. I. 68. Бартольдъ, ib. I. 561); другіе читали: кончины, и, сравнивая или съ конь-конецъ, думали, что онѣ стояли на концахъ города, или же съ конь-законъ, воображали, что онѣ были мѣстами храненія законовъ (Wiener Jahrbücher. XXVII, 90. Раковецкій, Prawda Ruska. Warsz. 1822. I. 113—114). По моему мнѣнію, contina-concivina то же, что Старослав. кѣтина — Польское kęcina: корень — кѣтъ (кутъ, уголь); отъ него Старослав. кѣща, Срб. куѣа, Хрт: поча (домъ). Слав. Нѣм. katschen. Такъ храмина отъ храмъ-хоромъ (домъ, кѣтъ).

⁴ Эббо. 64. 97.

Славянь. Что ихъ было тамъ много, замѣтилъ уже Титмаръ. Онъ сообщаетъ между прочимъ и описаніе одного изъ нихъ. «Въ землѣ Редарей—говоритъ онъ—есть городъ, по имени Ридегость, трехугольный, съ тремя воротами, окруженный со всѣхъ сторонъ лѣсомъ, огромнымъ и священнымъ для жителей. Въ двое изъ воротъ могли входить всѣ, а третьи, что на востокъ, меньшія и никому недоступныя, ведутъ къ морю, которое тутъ близко и ужасно на видъ. Въ городѣ нѣтъ ничего кромѣ храма, искусно построеннаго изъ дерева, на основаніи изъ роговъ различныхъ звѣрей. Стѣны его извнѣ украшены чудесной рѣзьбой, представляющей образы боговъ и богинь. Внутри же стоятъ рукотворные боги, страшно одѣтые въ шлемы и панцыри; на каждомъ изъ нихъ нарѣзано его имя. Главный изъ нихъ Сварожичъ.... Въ храмѣ хранятся священныя знамена.... Сколько краевъ (regiones) въ этой землѣ, столько и храмовъ; но вышепомянутый городъ повелѣваетъ всѣми ими»¹. Тотъ же самый храмъ, но позднѣе, можетъ быть, перестроенный послѣ разрушенія, описываетъ Адамъ Бременскій: «Знаменитый городъ Редарей, Ретра,—столица идолопоклонства. Въ немъ воздвигнутъ большой храмъ богамъ, изъ которыхъ главный Редигастъ (Радигастъ, Радагастъ).... Въ городѣ девять воротъ, и окруженъ онъ со всѣхъ сторонъ глубокимъ озеромъ. Входятъ въ него по деревянному мосту, но по нему идти позволяется только тѣмъ, кто хочетъ приносить жертвы или получать отвѣты на гаданья. Это знакъ того, что девять разъ обтекающій Стиксъ удерживаетъ погившія души язычниковъ. отъ Гамбурга до Ретры четыре дни пути»². О храмѣ Ретрскомъ поминаетъ и Гельмольдъ, называя городъ очень древнимъ, а храмъ, посвященный Радагасту, очень славнымъ³. Гельмольдъ упоминаетъ еще о храмѣ Плонскомъ въ землѣ Вагровъ, о храмѣ въ землѣ Цирципановъ и о храмѣ Арконскомъ на островѣ Руянѣ, замѣчая знаменитость его и богатство⁴. Подробное описаніе храма Арконскаго находится въ Датской исторіи Саксона грамматика:—«Городъ Ар-

¹ Титмаръ. VI, 17—18. Прибавка выраженія: quæ nulli facile patet о восточномъ входѣ сдѣлала по Брюссельскому списку, сѣдуя мнѣнію Гизебрехта, Wend. Geschichten. Berl. 1843. I. 69.

² Адамъ. Брем. II. 11—65. Гельмольдъ. I, 2.

³ Гельмольдъ. I, 21.

⁴ Гельмольдъ. I, 37, 72. 84. II, 12.

кона—пишетъ онъ—построенъ на вершинѣ высокаго мыса. Съ востока, юга и сѣвера онъ защищенъ природной, а не искусственной защитой — утесами, которые поднимаются какъ стѣны, и такъ высоки, что ихъ вершины не можетъ достигнуть стрѣла, пущенная изъ метательнаго орудія; подъ ними море. Съ запада онъ защищенъ валомъ, вышиною въ 50 локтей, котораго нижняя часть сдѣлана изъ земли, а верхняя изъ деревяннаго двойнаго забора, внутри засыпаннаго землею. Въ сѣверной сторонѣ течетъ обильный водою потокъ, къ которому ведетъ укрѣпленная дорога. Посреди города площадь и на ней деревянный храмъ превосходной работы, почитаемый, впрочемъ, не только по великолѣпію, но и по величію бога, которому тутъ воздвигнутъ кумирь. Заборъ, окружавшій зданіе, украшенъ былъ кругомъ искусно вырѣзанными фигурами, покрытыми впрочемъ грубою, безобразною раскраской. Только одинъ входъ былъ въ немъ къ храму. Самый храмъ былъ окруженъ двойною оградой: внѣшняя стояла изъ толстыхъ стѣнъ, покрытыхъ красною кровлей, внутренняя — изъ четырехъ колоннъ, отдѣляясь отъ остальной части храма, вмѣсто стѣнъ, богатыми коврами, опущенными до земли, и соединяясь съ внѣшними стѣнами только поперечными балками и кровлей. Въ храмѣ стоялъ огромный идолъ (Святовида), а подлѣ него были узда, сѣдло, мечъ и пр... Когда идолъ былъ перерубленъ у лядвей, то упалъ на ближнюю стѣну, такъ что надобно было ее вырубивать, чтобы вытащить его изъ храма.... Весь храмъ былъ увѣшанъ пурпуровою тканью, прекрасной, но уже истлѣвшей; были тутъ и рога звѣрей, удивительные сами по себѣ и по обдѣлкѣ... Тому же богу (Святовиду) были посвящены храмы и во многихъ другихъ мѣстахъ»¹. Саксо грамматикъ сообщаетъ нѣкоторыя подробности и о Кореницкомъ храмѣ Рујевица, на томъ же островѣ Руянѣ:—«Городъ Кореница окруженъ со всѣхъ сторонъ болотомъ, сквозь которое проложенъ только одинъ ходъ. Не обитаемый во время мира, онъ былъ полонъ жилищъ (во время Датской войны) до такой степени, что камень, пущенный въ городъ, не упалъ бы на голую землю. Онъ знаменитъ прекрасными зданіями трехъ славныхъ храмовъ. Главное капище находилось посреди передней части храма, которая, также какъ и капище, не имѣя стѣнъ, завѣщена была пурпуровою тканью, такъ что кровля лежала на однѣхъ колоннахъ. Когда сорваны были оба покрова,

¹ Саксо грам. 822, 823, 826. 837.

то дубовый идолъ Руjevита безобразно раскрылся со вѣхъ сторонъ»¹. Двухъ другихъ Кореницкихъ храмовъ Саксо грамматикъ не описываетъ, равно какъ и Оботритекаго храма въ Востокъ². О другомъ Оботритекомъ храмѣ, находившемся близъ города Мальхова, и его разрушенія крестоносцами говоритъ хронографъ Саксо³. О нѣсколькихъ другихъ храмахъ упоминаютъ жизнеописанія Св. Оттона Бамбергскаго: о храмѣ удивительной величины и красоты въ Гуцновѣ, о храмѣ въ землѣ Лютичей, о храмахъ въ Вольгастѣ, Юлинѣ, Гавельбергѣ⁴. О другомъ храмѣ у Гаволянъ въ городѣ Браниборѣ намекаетъ Пулкава⁵ и пр.

Вотъ почти все, что намъ положительно извѣстно о Славянскихъ языческихъ храмахъ. Очень не многое можно прибавить къ этому для объясненія ихъ архитектуры. — Внутренность храма раздѣлялась на двѣ части—переднюю часть и собственное святилище. Святилище иногда находилось въ серединѣ храма. Думаю—иногда, потому что Саксо грамматикъ замѣчаетъ положеніе святилища по серединѣ Руjevитова храма какъ особенность, говоря объ этомъ храмѣ только то, что въ немъ было отлично отъ храма Святovidова, и не говоря о другихъ храмахъ вовсе ничего, безъ сомнѣнія потому, что о нихъ нельзя было сказать ничего особеннаго. Если же святилище только въ нѣкоторыхъ храмахъ занимало середину, то въ другихъ оно было конечно, въ концѣ, противоположномъ входу. Такъ, кажется, и было въ Арконскомъ храмѣ Святovidова: идолъ, перерубленный по лядвеямъ, повалился на ближнюю стѣну; слѣдовательно отъ мѣста, гдѣ онъ стоялъ, до стѣны было меньше пространства, нежели сколько въ немъ самомъ вышины отъ головы до середины лядвей. И хоть идолъ былъ выше человѣческаго роста, положимъ такъ же высокъ, какъ и идолъ Руjevита, т. е. до пяти аршинъ⁶, такъ что, слѣдовательно, отъ мѣста, гдѣ онъ стоялъ, до стѣны, на которую

¹ Саксо грам. 841—842.

² Саксо грам. 842—843, 763.

³ Хронографъ Саксо, подъ 1148.

⁴ Сефридг. 133, 136. Эббо. 73. 80. 81.

⁵ Пулкава, Chronicon подъ 1156. Добнерг, Monumenta Bohem. III. 167.

⁶ Саксо грам. 823. Смотр. ниже объ идолахъ.

упалъ, было отъ трехъ до четырехъ аршинъ, то все же нельзя предполагать, чтобы въ такомъ небольшомъ разстояніи были и другія стѣны храма, чтобы такой маленькій храмъ могъ Саксограмматикъ назвать большимъ и величественнымъ. Притомъ и самъ Саксо, говоря, что идолъ упалъ не просто на стѣну, а на ближнюю стѣну (*propinquo parieti supra incidit*), тѣмъ самымъ даетъ знать, что отъ другихъ стѣнъ идолъ стоялъ дальше. — Святилище отдѣлялось отъ передней части храма четырьмя колоннами и богатыми завѣсами, спущенными до земли¹. Главный идолъ занималъ въ святилищѣ первое мѣсто, въ серединѣ, а вокругъ него расположены были другіе идолы и священныя вещи. — Передняя часть храма, окружавшая святилище, была вѣроятно гораздо пространнѣе. Стѣны, ее окружавшія, были украшены рѣзными изображеніями священныя предметовъ, рогами звѣрей, пурпуровыми тканями, — и рѣзба была не только на внутренней сторонѣ стѣнъ, но и на вѣшной, рѣзба, раскрашенная красками и барельефная, судя по тому, что Сефридъ называетъ ее выдающеюся изъ стѣнъ, выпуклою (*sculpturas de parietibus prominentes*). Изображенія представляли боговъ и богинь, людей, птицъ, звѣрей, насѣкомыхъ, безъ сомнѣнія имѣвшихъ соотношеніе съ религіозными мифами. Титмаръ говоритъ о рѣзныхъ украшеніяхъ только на вѣшной сторонѣ стѣнъ храма Петрскаго: легко, впрочемъ, можетъ быть, что подъ выраженіемъ «рукотворные боги» (*dii manufacti*), надобно понимать не только идоловъ, но и барельефныя изображенія на стѣнахъ. — Не всѣ храмы были окружены прочными стѣнами: имые, подобно Рудевитову въ Кореницѣ, состояли изъ однѣхъ колоннъ и завѣшиваемы были тканями снаружи, такъ же какъ и внутри ими завѣшивалось святилище. Поверхъ стѣнъ или колоннъ вѣшной части храма поднималась кровля, которая также бывала раскрашиваема, — и такимъ образомъ вся вѣшность храма представлялась пестрою. Этою кровлей и поперечными балками, связывавшими стѣны или колонны передней части храма, соединялась она со святилищемъ. Нельзя предположить, чтобы кровля была совершенно плоская; а если такъ, если кровля на скольконибудь поднималась надъ серединой храма, то надобно думать, что поперечныя балки шли отъ вѣшнихъ стѣнъ или колоннъ только

¹ Подъ словами: *aulææ* и *purpura* Саксо г. понималъ одно и тоже Саксо грам. 837. 838.

до колоннъ святилища, что потолокъ его шелъ подъ самую кровлю,—и, легко можетъ быть, оканчивался иногда тѣмъ нибудь въ родѣ купола или фонаря. Такъ становится вѣроятнымъ то, что говорить Масуди о куполѣ третьяго изъ храмовъ, имъ описанныхъ, подъ которымъ стоялъ идолъ, и объ отверстіяхъ въ кровлѣ перваго храма, о настройкахъ въ немъ, сдѣланныхъ для наблюденій восхожденія солнца, гдѣ отмѣчались предсказанія и откуда раздавались по храму священные звуки. Это тѣмъ вѣроятнѣе, что недавно еще, въ послѣдніе годы прошлаго столѣтія, существовалъ въ Силезскомъ городѣ Любусѣ (Leubus) храмъ, относимый знатоками къ языческому времени, въ которомъ святилище покрыто было полукруглымъ сводомъ, а подъ нимъ помѣщались хоры, такъ что все вмѣстѣ имѣло видъ купола¹. Съ другой стороны нѣтъ ничего вѣроятнаго и въ томъ, для чего, по описанію Масуди, служили эти куполы: все это совершенно согласно съ характеромъ язычества Славянскаго и съ обрядностію его богослуженія. — Ничего вѣрнаго не можемъ сказать о вышинахъ храмовъ. Они не могли, впрочемъ, быть слишкомъ низки: иначе бы, конечно, не могли казаться величественными, какъ казались даже тѣмъ, которые привыкли къ великолѣпію храмовъ христіанскихъ; по крайней мѣрѣ, ихъ низменность была бы кѣмъ нибудь замѣчена. Ни въ какомъ случаѣ потолокъ передней части храма не могъ быть ниже главнаго идола, стоявшаго въ святилищѣ, т. е. ниже пяти аршинъ или около этого. Такъ можно заключить по тому, что говоритъ Саксо грамматикъ о Рујевитовомъ храмѣ: когда его разрушали, то стояло только сорвать завѣсы внѣшнія и внутреннія, чтобъ идолъ сдѣлался видѣнъ со всѣхъ сторонъ. Предполагая же, что надъ головою идола въ святилищѣ оставалось пустое пространство, и что, сверхъ того, выше могли быть галлереи для тѣхъ, кто наблюдалъ небесныя явленія или производилъ священные звуки, о которыхъ пишетъ Масуди, нельзя не думать, что весь храмъ до верху кровли бывалъ не ниже десяти или двѣнадцати аршинъ по меньшей мѣрѣ. Само собою разумѣется, что храмы, подобные тому, какой находился въ Арконѣ или въ Гуцковѣ, должны были быть несравненно выше. Очень высокимъ долженъ былъ быть и храмъ Юлианскій, потому что въ немъ хранилось копье на вершинѣ столба удивительной выши-

¹ *Bohmer, Wöchentl. Nachrichten. III. 198* и слѣд.

ны (*mirae magnitudinis*)¹. — Храмы строились большею частію изъ дерева: такъ изъ дерева былъ построенъ и храмъ Ретрскій, и храмъ Арконскій, и другіе. Это очень естественно, потому что всѣ Славяне издавна были мастера на постройки деревянныя, и, живучи болѣе въ мѣстахъ лѣсистыхъ, чѣмъ богатыхъ камнемъ, могли болѣе и ранѣе привыкнуть къ дереву, чѣмъ къ камню. Изъ того, однако, что о нѣкоторыхъ храмахъ положительно знаемъ, какъ о построенныхъ изъ дерева, не слѣдуетъ, что всѣ Славянскіе храмы были деревянные. Есть, напротивъ, доказательства, что бывали и каменные. Такъ потомки Балтійскихъ Славянъ въ Мекленбургѣ и Помераніи, рассказывая до сихъ поръ преданія о храмахъ своихъ предковъ, говорятъ, что храмы эти были сложены изъ огромныхъ камней, что сами нечистые духи сносили эти камни для людей, ихъ обожавшихъ. Основываясь на такихъ преданіяхъ, ученые не перестаютъ искать на Рюгенѣ и въ другихъ мѣстахъ развалинъ, которыя бы могли оправдать ихъ понятія о великолѣпнѣ храмовъ. Между Арабами также носились слухи о каменныхъ храмахъ у Славянъ, какъ видимъ изъ Масуди. И не одни подобныя преданія и слухи доказываютъ, что храмы были строимы и изъ камня: кое-гдѣ еще недавно видны были и остаются до сихъ поръ остатки языческой каменной постройки. Такъ въ Саксонскомъ городѣ Ютробогѣ былъ еще въ XVI вѣкѣ храмъ языческой, построенный изъ камня со сводомъ, низкою дверью и отверстіемъ противъ солнечнаго восхода². Такъ и въ Силезскомъ городѣ Любусѣ былъ храмъ, построенный изъ камня со сводомъ, и полъ былъ въ немъ устланъ кирпичемъ, а стѣны такъ крѣпки, что когда ихъ снимали, то надобно было взрывать порохомъ³. Кладбищенская церковь на горѣ Мартынской, близъ Мейсена въ Саксоніи, передѣлана изъ стариннаго языческаго храма, что доказывается, по мнѣнію Клемма, и ея странной формой, и ея положеніемъ⁴. Нѣмцы думаютъ, что эти и подобные остатки суть остатки языческихъ храмовъ Германскихъ; но ни мѣстности,

¹ Анонимъ С. Круц. II, 15.

² Діаконъ Ганнеманъ у Вагнера, Die Tempel etc. 63—64.

³ Бюшинъ, ib. 200.

⁴ Клеммъ, Handbuch der german. Alterthumskunde. Dresd. 1836. Стр. 342.

гдѣ ихъ встрѣчаемъ, ни свѣдѣнія, какія намъ остались о храмахъ Германцевъ, не позволяютъ доходить до подобнаго заключенія ¹. Нельзя тутъ опустить изъ виду и развалины древнихъ замковъ въ земляхъ Славянскихъ, которыхъ немало встрѣчаемъ въ Рудныхъ горахъ, Исполнахъ, Судетахъ, Карпатахъ, и на горныхъ отрогахъ Придунайскихъ: характеръ постройки говоритъ о ихъ глубокой древности, а мѣстность, гдѣ ихъ встрѣчаемъ, не позволяетъ сомнѣваться, что они Славянскіе. А если строились въ то время каменные замки, почему не могли строиться каменные храмы? О каменныхъ постройкахъ язычниковъ Славянъ есть и свѣдѣтельства современниковъ: такъ Эббо говоритъ о каменныхъ постройкахъ у Поморянъ; такъ Несторъ упоминаетъ о каменномъ теремѣ Ольги и пр. ². Не смотря, однако, на все это, нельзя оспаривать, что храмы каменные были у Славянъ рѣдки, что и самые богатые храмы были строимы изъ дерева, что въ большей части храмовъ изъ камня строилось развѣ одно только основаніе.—Вспомнивъ объ основаніяхъ храмовъ, на которыхъ въ послѣдствіи воздвигнута была не одна христіанская церковь, нельзя забыть того, что храмъ Петрскій, по словамъ Титмара, воздвигнутъ былъ на рогахъ звѣрей. Рога звѣрей, какъ уже было замѣчено, служили украшеніемъ храмовъ; рога обдѣльваемы были въ священныя чаши, какъ объ этомъ знаемъ не изъ однихъ жизнеописаній св. Оттона Бамбергскаго; ³, рогъ держалъ въ своей рукѣ идолъ Святовида, какъ рассказываетъ Саксо грамматикъ ⁴; рогъ употребляется до сихъ поръ для гаданій Луижичими Сербами и Хорутанами; рога находятъ въ городищахъ: все это вмѣстѣ взятое позволяетъ думать, что рога имѣли для древнихъ Славянъ значеніе религіозно-символическое, и только какъ символъ клались въ основаніе храма, а не какъ дѣйствительный фундаментъ, который былъ бы слишкомъ непроченъ.—Храмы были обращены главными входами на западъ, такъ что святилище было на востокъ отъ входа: съ запада былъ входъ въ храмъ Святовидовъ, съ запада были два входа въ храмъ Петрскій, между тѣмъ какъ восточный выходъ изъ ограды, ведшій

¹ Гриммъ, Deut. Mylg. 57—77.

² Эббо. 63. Несторъ. 23.

³ Сефридъ 105.

⁴ Саксо грам. 825.

къ морю, никому не былъ доступенъ. Востокъ считался не одними Славянами страной, къ которой долженъ обращаться чело-вѣкъ, возсылая молитвы къ Богу.

Храмъ былъ окруженъ дворомъ, обнесеннымъ оградой, кото-рая, также какъ и храмъ, была украшаема рѣзными раскра-шенными изображеніями. Было-ли что во дворѣ или за дворомъ близъ храма, объ этомъ никто изъ современниковъ ничего не упоминаетъ; можемъ, впрочемъ, предполагать, что было. Такъ думать заставляеть уже и то, что нѣкоторые идолы имѣли сво-ихъ священныхъ коней, для которыхъ должно было быть по-мѣщеніе не подалеку отъ храма, гдѣ совершались гаданія коня-ми. Кромѣ того, храмы бывали богаты разными драгоценноста-ми, множествомъ вещей, приносимыхъ въ даръ, которыя, нако-пляясь, не могли помѣщаться въ храмахъ; а съ другой стороны, въ слѣдъ за совершеніемъ службы богамъ, по обычаю Славянъ, начиналось пиршество, которое не могло всегда и для всѣхъ со-вершаться подъ открытымъ небомъ; для того и другаго должны были при храмахъ отдѣльныя постройки. Такими и были при Штетинской контиѣ Триглава три меньшія контины: полагаю, что онѣ всѣ были на одномъ дворѣ. Притомъ-же многіе храмы стояли въ совершенно уединенныхъ мѣстахъ: жрецы и другіе служители храма не могли не имѣть своихъ жилищъ близъ хра-ма — и для совершенія служенія всегда, когда было нужно, и для охраненія храма и его богатствъ. Можно также предполо-жить, что въ одномъ и томъ-же дворѣ бывало иногда и по нѣ-скольку храмовъ: такъ было, кажется, въ Кореницѣ, гдѣ всѣ три храма стояли близко одинъ подлѣ другаго ¹. — Нельзя упу-стить изъ виду, что большая часть храмовъ стояли уединенно, неокруженные жилищами прихожанъ: это заключить можно изъ описаній — и трехъ храмовъ у Масуди, и храма Ретрскаго у Титмара, и храмовъ Руянскихъ у Саксона грамматика, и храма Мальховскаго у Саксона хронографа. Стоя уединенно, они бы-вали защищаемы крѣпостными валами отъ вражескихъ нападе-ній, и во время войны въ этихъ храмовыхъ крѣпостяхъ окрест-ные жители находили убѣжище, строя въ нихъ для себя вре-менные жилища, какъ знаемъ о Кореницѣ. Не мудрено, что со временемъ съ понятіемъ о храмѣ соединилось понятіе о священ-

¹ Саксо грам. 843.

номъ, ненарушимомъ, убѣжищѣ для всякаго, кто поручалъ себя подъ защиту Бога, въ немъ поклоняемаго ¹.

Есть нѣсколько указаній, что идоламъ поклонялись и внѣ храмовъ. Такъ Несторъ, ничего не говоря о храмахъ, говоритъ о холмахъ, на которыхъ стояли идолы; такъ въ пѣснѣ «о великомъ пораженіи» въ Краледворской рукописи, есть намекъ, что идолы ставились просто подъ деревьями; такъ узнаемъ и изъ Ибнъ-Фоцлана, что Русскіе купцы въ Итилѣ поклонялись идоламъ подъ открытымъ небомъ ². Тѣмъ не менѣе идолослуженіе господствовало преимущественно въ храмахъ, и не было храмовъ безъ идоловъ, или, лучше сказать, безъ разнаго рода изображеній божествъ ³. Вотъ почему, говоря о храмахъ, надобно говорить и объ идолахъ и вообще объ изображеніяхъ божествъ, какъ о необходимыхъ принадлежностяхъ храмовъ. — Они были не только изваянные, но и рисованные. Объ изображеніяхъ божествъ, нарисованныхъ на знаменахъ, упоминаетъ Титмаръ: въ одномъ мѣстѣ онъ говоритъ о двухъ, неизвѣстнаго имени, богиняхъ Лютичей, изображенныхъ на знаменахъ; въ другомъ мѣстѣ о знаменахъ боговъ, которыя брались изъ храма только во время военныхъ походовъ и сохранялись особенными жрецами ⁴. У Яровита были свои знамена, какъ упоминаетъ Эббо ⁵. Имѣлъ ихъ и Святovidъ, и ими защищали Руяне свои храмы отъ нападенія враговъ. Главнѣйшее изъ нихъ называлось Станица ⁶. «Оно было — говоритъ Саксо грамматикъ — отлично по величинѣ и по цвѣту и почитаемо народомъ Руянскимъ почти столько, сколько величіе всѣхъ боговъ. Неся его передъ собою, они считали себя въ правѣ грабить все человѣческое и божеское и все считали себѣ дозволеннымъ. Съ нимъ они могли опустошать города, разрушать алтари, неправое дѣлать правымъ, всѣхъ пенатовъ Руянскихъ разрушать и сжигать, — и власть этого небольшого куска полотна была сильнѣе власти княжеской» ⁷. Изъ того, что

¹ Гельмольдъ. I, 84. Убѣжищемъ былъ и дворецъ князя. *Севфридъ*. 87.

² Несторъ. 23, 34. *Краледворскъ*. VI, 42—45. *Ибнъ Фоцланъ* 7—9.

³ *Титмаръ*. VI, 18. *Гельмольдъ*. I. 84.

⁴ *Титмаръ*. VI, 17. VII, 47.

⁵ *Эббо*. 71.

⁶ Въ подлинникѣ Stanicia: можно читать «стангица», производя отъ стягъ (ср. Нѣм. Stange); читая «станница», можно его сличить съ Срб. «застава».

⁷ *Саксо грам.* 830—831.

изображенія боговъ рисовались на знаменахъ, можно заключить, что бывали рисованныя изображенія рѣзные, какъ могли быть и раскрашенныя изображенія на деревѣ безъ всякой рѣзбы. Что касается до рѣзныхъ изображеній, то объ нихъ говорятъ Титмаръ, Саксо грамматикъ и жизнеописатели св. Оттона Бамбергскаго. Титмаръ упоминаетъ о чудесныхъ рѣзныхъ изображеніяхъ боговъ и богинь на внѣшней сторонѣ стѣнъ храма; Саксо грамматикъ — объ искусно вырѣзанныхъ и грубо раскрашенныхъ фигурахъ, покрывавшихъ заборъ вокругъ зданія храма; Сефридъ — о рѣзныхъ изображеніяхъ людей, птицъ и звѣрей на внѣшней и внутренней сторонѣ стѣнъ храма, такъ искусно сдѣланныхъ, что онѣ казались дышавшими и живыми ¹. О такого же рода изображеніяхъ говоритъ и Масуди: «подъ правой ногой идола Сатурна изображены были разнаго рода муравьи. а подлѣвою черныя вороны и другія подобныя птицы; тамъ же были и страшныя изображенія Абиссинянь и Эѳіопянь» ². Безъ сомнѣнія, всѣ такія изображенія имѣли отношеніе къ мифологіи древнихъ Славянъ.

Что касается до собственныхъ идиоловъ, то древнѣйшія извѣстія о нихъ принадлежатъ Масуди. «Въ храмѣ, стоявшемъ на Черной горѣ, есть — говоритъ онъ — большой идолъ, изображающій Сатурна въ видѣ старца, держащаго въ рукѣ палицу, которою онъ перерываетъ кладбищныя кости мертвецовъ... Въ храмѣ же надъ морскимъ заливомъ есть большой куполь и подлѣ нимъ стоитъ идолъ, члены котораго сдѣланы изъ драгоценныхъ камней четырехъ родовъ — зеленаго хризолита, краснаго рубина, желтаго сорделика и бѣлаго кристалла; а голова его изъ червоннаго золота. Противъ этого идола стоитъ другой, изображающій дѣву» ³. Другой Арабскій писатель, Ибнъ-Фоцланъ, сообщаетъ краткое извѣстіе объ идолахъ Русскихъ: — «высокій деревянный истуканъ — по его словамъ — съ лицомъ, подобнымъ человѣческому, стоялъ окруженный небольшими истуканами, а за ними стояли еще другіе высокіе истуканы» ⁴. Столь же краткое извѣстіе объ идолахъ Русскихъ находимъ и у Нестора. Упомянувши мимоходомъ, что во время Игоря идолъ Перуна стоялъ на холмѣ, онъ говоритъ о Владимірѣ: — «И начаше кня-

¹ *Титмаръ. VI, 17. Саксо грам. 822. Сефридъ. 105.*

² *Масуди, 320.*

³ *Масуди. 320—321.*

⁴ *Ибнъ-Фоцланъ. 9.*

жити Володимерь въ Кіевѣ одинъ, и постави кумиры на холму вѣ двора теремнаго Перуна древяна, а главу его сребрену, а оусть златъ, и Хърса Дажьбога, и Стрибога, и Симаьргла, и Мокошь... И пришедъ Добрыня Новгороду постави кумира надъ рѣкою Волховомъ»¹. Далѣе, пересказывая убѣжденія Римско-католиковъ, чтобы Владиміръ принялъ ихъ вѣру, онъ заставля-етъ ихъ сказать, что «вѣра бо наша свѣтъ есть, а бози ваши древо суть». Тѣ же слова говорятъ у Нестора и Варягъ, котораго сынъ обреченъ былъ въ жертву богамъ: «не суть бо бози, но древо»². Потомъ Несторъ рассказываетъ, что Владиміръ, принявши крещеніе и возвратясь въ Кіевъ, «повелѣ кумиры испроврещи, овы осѣщн, а другія огневи предати; Перуна же повелѣ привязати коневн ко хвосту и влещи с горы къ Боричеву на Ручав, Ві мужа пристави тети жезльемъ. Се же не яко древу чююще, но на поруганье бѣсу, иже прелщаше симъ образомъ челоувѣкъ, да възмездье приметъ отъ челоувѣкъ... И привлекше вринуша и въ Днѣпръ. И пристави Володимерь рекъ: аще кде пристанетъ вы, то отрѣванте іего отъ берега, дондеже пороги проидетъ, то тогда охабитесь іего... И постави (Володимерь) церковь св. Василья на холмѣ идеже стояше кумиръ Перунъ и прочи»³. О Перунѣ Новгородскомъ сообщаетъ намъ извѣстіе лѣтописи Новгородская: -- Прииде къ Новгороду Акимъ Архіепископъ Корсунянинъ, и требища разруши, и Перуна посѣче, и повелѣ влещи въ Волховъ; поверзавше ужн волочаху по калу, бьюще жезліемъ, и заповѣда никомужь нигдѣ же не пріяти. И се иде Пидиблянинъ рано на рѣку, хотя горницы везти въ городъ; и сице Перунъ приплы къ береговн, и отрину его шестомъ»⁴. О разрушеніи кумира Велесова въ Ростовѣ св. Аврааміемъ упомянуто въ Прологѣ⁵. — Идоламъ поклонялись и Поляки: Длугошь упоминаетъ о святилищѣ идолослуженія въ Гнѣзнѣ и объ идолѣ

¹ Несторъ. 23, 34.

² Несторъ. 35 — 36.

³ Несторъ. 50.

⁴ Новгород. Лѣт. въ Продолж. Рос. Вивл. II. 110—111.

⁵ Карамзинъ, II. Г. Р. пр. 291. О словѣ кумиръ см. Добровскаго Грам. Слав. I. 269 — 271. Копитара, Glagolita Clozian. Vindob. 1836. 75 (Срав. Хрт. kuman — пьяница, отъ пьянства покраснѣвшій) Истуканъ отъ истукаю — выливаю: Панча Берында, Лехіконъ. 1627. чд.

Дьяны, а Бѣльскій — объ идолослуженіи въ храмѣ Краковскомъ ¹. Изъ Титмара знаемъ объ идолослуженіи въ Колобрегѣ ², а изъ жизнеописаній св. Оттона Бамберскаго — о Штетинскомъ идолѣ Триглава. Идолъ этотъ изображался съ тремя головами въ знакъ того, что богъ, котораго былъ онъ изображеніемъ, управлялъ тремя царствами — небомъ, землею и адомъ; а глаза и губы идола покрыты были повязкою въ знакъ того, что богъ не обращалъ вниманія на грѣхи людей. Одинъ изъ идоловъ Триглава былъ изъ золота, у другаго головы были посеребренны, а повязка золотая и пр. ³ — Триглавъ былъ извѣстенъ и Чехамъ, какъ видимъ у Вацерада; но, по его описанію, головы Чешскаго Триглава были козлиныя ⁴. О другихъ идолахъ Чешскихъ нѣтъ достовѣрныхъ свидѣній; у Козьмы Пражскаго есть только общій намекъ о существованіи идоловъ ⁵. — Самыя любопытныя извѣстія имѣемъ о нѣкоторыхъ идолахъ Балтійскихъ Славянъ. Викудинъ упоминаетъ объ идолѣ Сатурна, вылитомъ изъ мѣди ⁶. За тѣмъ слѣдуютъ сказанія Титмара и Адама Бременскаго объ идолахъ Ретрскихъ. «Внутри храма Религостскаго — говорятъ Титмаръ — стоятъ рукотворные боги, страшно одѣтые въ шлемы и латы; на каждомъ наръзано его имя. Первый изъ нихъ Сварожичъ». У Адама Бременскаго мѣсто Сварожича занимаетъ Радагастъ: идолъ его сдѣланъ былъ изъ золота, а ложе изъ пурпуровой ткани ⁷. Хронографъ Саксо упоминаетъ

¹ *Длугошъ* V, 9. *Бѣльскій*, *Kronika Pol. Warsz.* 1829. I 120.

² *Титмаръ*. VII, 52. Польское названіе идола *balwan* (слово, впрочемъ, извѣстное почти всемъ Славянамъ) сравнено Шафарикомъ съ Келт. словомъ *peulwan*. *Slow. Staroz.* 324. Сравн. Лит. *balwonas* и Мадыар. *balvany*.

³ Эббо. 55. 64. *Анонимъ Сантакруц.* II. 11—12.

⁴ *Вацерада*, *ib.* 227.

⁵ *Козьма Праж.* 10. Чешское названіе идола *modla* Юнгманъ производитъ отъ *modella* (*Slownik.* II. 481). Чешское Слово *malik* (мизинецъ) Гриммъ сравниваетъ съ Гот. названіемъ идола *manleika* (*Ahd. manalīho*): каждому Славянину очевидна неправильность сравненія впрочемъ, Хорут. слово *malik* (чортъ) идетъ въ сравненіе, *Гриммъ Deut. Mth.* 93.

⁶ *Викудинъ*. III. 68.

⁷ *Титмаръ*. VI, 17. *Адамъ Брем.* II, 11.

объ идолахъ Маликовскихъ; Пулкава—о треглавомъ идолѣ Браниборскомъ; Гербертъ—о множествѣ идоловъ Браниборскихъ; Эббо—о Яроватѣ Гавельберскомъ, давая мимоходомъ намекъ, что идолъ имѣлъ свои собственные одежды; Аидрей—объ огромныхъ, искусно изваянныхъ идолахъ храма Гуцковского; Гельмольдъ—объ идолахъ Радагаста, Святовида, Подаги и пр., замѣчая притомъ, что идолами и пенатами были полны всѣ города, и что многіе изъ нихъ были изображаемы съ двумя, тремя и болѣе головами; Саксо грамматикъ—объ идолѣ Ростокскомъ, и объ идолахъ Руянскихъ¹. Особенно подробно описаны Саксономъ грамматикомъ эти послѣдніе. Объ идолѣ Святовида пишетъ онъ слѣдующее:—«Въ храмѣ стоялъ большой, выше человѣческаго росту, истуканъ, съ четырьмя головами на столькихъ же шеяхъ, изъ которыхъ двѣ выходили къ груди, а двѣ къ спинѣ, но такъ что изъ обѣихъ переднихъ и обѣихъ заднихъ головъ одна обращена была направо, другая налево; а волосы и борода подстрижены были коротко, въ чемъ художникъ соображался, кажется, съ обычаемъ Руянъ. Въ правой рукѣ идолъ держалъ рогъ изъ разныхъ металловъ, который ежегодно наполнялся обыкновенно виномъ изъ рукъ жреца, для гаданія о плодородіи слѣдующаго года; лѣвая рука изогнута была лукомъ и упиралась о бокъ. Верхняя одежда спускалась до берцевъ, которые составлены были изъ различныхъ сортовъ дерева, и такъ искусно соединены были съ колѣнями, что при внимательномъ только разсматриваніи можно было это примѣтить. Ноги стояли наравнѣ съ землею; основаніе для нихъ было сдѣлано подъ поломъ. Въ небольшомъ разстояніи отъ идола расположены были узда и сѣдло кумира и другія принадлежности. Болѣе же всего изумлялъ наблюдателя огромной величины мечъ, котораго ножны и ручка, не говоря о красивыхъ формахъ рѣзьбы, отличались прекрасною серебряною отдѣлкою². Изъ идоловъ Кореницкихъ, описанныхъ Саксономъ грамматикомъ, идолъ Ружевита, сдѣланный изъ дубоваго дерева, имѣлъ подъ однимъ черепомъ семь лицъ, подобныхъ человѣческому; семь же мечей въ ножнахъ было привязано къ его боку на одномъ поясѣ, а восьмой, вы-

¹ *Хронографъ Саксо* подъ 1148 г. *Пулкава* подъ 1156. Грамота Герберта у *Геркена*, *Codex dipl. Brand. V.* 1114. стр. 342. *Гельмольдъ*. I, 2, 6, 21, 23, 37, 72, 84. II. 12. *Саксо грам.* 763. *Эббо*. 71. 79.

² *Саксо грам.* 823—824.

нутый изъ ноженъ, идолъ держалъ наголо въ правой рукѣ, и былъ онъ крѣпко прибитъ къ ней гвоздемъ. Толстотою превосходилъ идолъ человеческое тѣло; а высокъ былъ такъ, что Абсалонъ (будучи самъ очень высокаго росту) едва могъ достать его подбородка своимъ ручнымъ топоромъ»¹ — слѣдовательно около 5 аршинъ. Идолъ Поревита изображался съ пятью головами, но безъ оружія; идолъ Поренута имѣлъ четыре лица, а пятое было на груди; лѣвая рука касалась лба, а правая подбородка². Книтлинга-сага, давая Кореницкимъ идоламъ названія Ривита, Турупиды и Пурувита, упоминаетъ еще о двухъ Руянскихъ идолахъ Пизамара и Черноглава, и называя послѣдняго богомъ побѣдъ, говорить, что онъ изображался съ серебряными усами³. — Вотъ почти все, что извѣстно объ идолахъ Славянскихъ, потому что идоловъ, будто бы найденныхъ въ Прильвицѣ, и описаній идоловъ, подобныхъ тѣмъ, которыхъ находимъ у Ботона, въ Chronica picturata, нельзя не считать бессмысленной поддѣлкой⁴. — Припоминая сказанія, выше приведенныя, видимъ, что идоловъ у Славянъ было множество, что города были полны ими⁵. Они были разной величины, и небольшіе и огромные, пяти аршинъ и болѣе. Большею частію вырѣзаны они были изъ дерева, раскрашены или посеребрены и позолочены; иные же были изъ чистаго металла, мѣди, серебра, золота, а если вѣрить преданіямъ восточнымъ, то и изъ дорогихъ камней,—и сдѣланы были съ искусствомъ, могшимъ взумлять просвѣщенныхъ современниковъ. Нѣкоторые изъ идоловъ

¹ Саксо грам. 842.

² Саксо грам. 843.

³ Книтлинга-Сага. 122: стр. 350.

⁴ См. о нихъ А. Г. Мауа: Die gottesdienst. Alterthümer der Obotriten. Berl. 1771. Beiträge. Schwerin. 1774. *Потоукаю*, Voyage dans la Basse-Saxe. 1794. *Левецова*, Ueber die Aechtheit der sogenan. Runendenkmäler. Berl. 1835. *Буларица*, Россія. СІВ. 1837. Исторія. I, 225 и слѣд. Выписки изъ Ботона и другихъ подобныхъ смотр. у *Нарушевича* (Hist. Pol. nar. I. Warsz. 1824. 313—496, гдѣ помѣщенъ словарь мѣологии Слав.) и *Гануша* (Die Wissenschaft des Slaw. Mythus. Wien. 1842), которые безъ всякой критики пользовались всѣмъ, чѣмъ могли. Въ этомъ-же родѣ и *Итмана* Grundtraek til en nordslavisk Gudelære (Нѣм. переводъ въ Neue Provincialblätter. IV. 119 и слѣд.), основанный на Прильвицкихъ поддѣлкахъ.

⁵ *Гельмольдъ*. I. 53.... penates, quibus agri et oppida redundabant. Не позволяю себѣ рѣшить, что должно понимать подъ пенатами.

имѣли фантастическій образъ, будучи представляемы съ двумя, тремя и болѣе головами или съ нѣсколькими лицами; но, кажется, всѣ имѣли типъ человѣческой. Они рисовались въ одеждѣ, частію рѣзной изъ дерева или литой изъ металла; частію сшитой изъ тканей, и почти всегда вооруженные. Оружія и другія подобныя принадлежности, кромѣ того что было въ ихъ рукахъ, расположены были вокругъ нихъ. Идоламъ придавали болѣею частію стоячее положеніе; но у иныхъ были и сѣдлица или ложа. — Идолъ не считался простымъ изображеніемъ бога, но обиталищемъ его духа. Такъ пишетъ Лѣтописецъ: — «Совлекоша идола въ Волховѣ, а въ Перунѣ бѣсъ, и начати кричати: охъ мнѣ, охъ! и плова внизъ вверже палицу на мостъ: еще кто не крещеніи поминайте и бойтеса безумніи чловѣци, на мосту семъ» ¹. Такъ и Саксо грамматикъ, рассказывая о разрушеніи святилища Святovidова въ Арконѣ, прибавляетъ, что когда идолъ упалъ на землю, то духъ его выбѣжалъ изъ храма въ образѣ чернаго звѣря ².

Упомянуто было о принадлежностяхъ идоловъ, хранившихся въ храмахъ близъ самыхъ идоловъ. Всѣ эти вещи почитались, вѣроятно, также священными. О нѣкоторыхъ изъ нихъ знаемъ изъ сказаній современниковъ, и, судя по извѣстнымъ, всѣ онѣ носили на себѣ, подобно идоламъ, характеръ воинственности. Выше уже было говорено о знаменахъ: если нѣкоторыя изъ нихъ были съ изображеніями божествъ, то были другія и безъ изображеній, и какъ принадлежности божества, управлявшаго ротами воиновъ, считались священными. Идолы въ храмѣ Ретрскомъ, какъ мы видѣли, были одѣты въ панцыри и шлемы. У Яровита былъ щитъ, большой, искусно обдѣланный, покрытый золотомъ, неприкосновенный и употреблявшійся на войнѣ, какъ вѣрная защита противъ враговъ. Изображеніе солнца, хранящееся въ Монбижу, въ Берлинѣ, имѣетъ то же видъ щита ³. Геннилю принадлежалъ жезлъ съ рукою, держащею желѣзный обручъ; Перунъ имѣлъ свою палицу ⁴. Идолъ Руjevита вооруженъ былъ восемью мечами; между при-

¹ *Лѣтописецъ*. М. 1781. Стр. 34.

² *Саксо грам.* 838. Срав. *Эббо*. 82.

³ *Сеффридъ*. 134. *Эббо*. 80. *Ледебургъ*, Die Königl. Museum im Schl. Monbijou: Berl. 1838. Стр. 23 - 24.

⁴ *Титмаръ*. VII, 50. *Лѣтописецъ*. М. 1781. Стр. 34.

надлежностями Святoviда былъ также мечъ. При гаданьяхъ, какъ увидимъ ниже, употреблялись копыя; въ Юливѣ какъ святыни хранилось копые на высотѣ большаго столба ¹. Принадлежностями идоловъ были и рога, какъ замѣчено уже выше. Нѣкоторымъ изъ боговъ посвящены были кони, по которымъ совершались гаданья: узды и сѣдла считались принадлежностями этихъ боговъ.—Къ числу такихъ принадлежностей должно причислить и орловъ Святoviда, вѣроятно рѣзныхъ, которые вмѣстѣ съ знаменами употреблялись на войнѣ ².

Храмы, священныя для поклонниковъ какъ мѣста идолослуженія, требовавшія издержекъ для содержанія и украшенія своего, не могли не быть обогащаемы дарами произвольными и обязательными. Они имѣли собственныя свои поля и земли ³, можетъ быть и своихъ рабовъ, — и кромѣ того обогащались вкладами, военной добычей, выкупами военнопленныхъ, положенною данью съ народа, пошлиною съ промышленниковъ и торговцевъ, наконецъ данью покоренныхъ народовъ. — Вклады были и отъ частныхъ лицъ, и отъ народныхъ общинъ ⁴. О дарахъ общественныхъ говоритъ Титмаръ: храму Ретрскому молились Лютичи, отправляясь на войну, а по счастливомъ окончаніи войны приносили ему должныя дары ⁵. Въ примѣрѣ частнаго дара можно привести драгоцѣнную чашу, подаренную Святoviду Арконскому Датскимъ королемъ Свененомъ ⁶. Въ храмахъ Славянскихъ бывали и вкладныя ящики, въ которые поклонники бросали то, чѣмъ желали почитать свое божество, какъ это знаемъ изъ Эббона и изъ Кирхбергова перевода хроники Гельмольда ⁷.—Храмы, имѣвшіе своихъ собственныхъ воиновъ, обогащались добычей, которую они собирали: такъ Арконскій храмъ Святoviда имѣлъ 300 воиновъ, которые должны были отдавать въ пользу храма всю свою добычу ⁸. Саксо грам-

¹ Эббо. 62. Андрей. III, 9.

² Саксо грам. 830.

³ Саксо грам. 825, 834.

⁴ Саксо грам. 826.

⁵ Титмаръ. VI, 17.

⁶ Саксо грам. 825 — 826.

⁷ Эббо. 56. Кирхбергъ. 53 (Jahrbücher für Slawische Literatur. 1843. Стр. 405).

⁸ Саксо грам. 825.

матикъ говоритъ еще о третьей долѣ военной добычи, а Сефридъ — о десятой долѣ, какъ собственности храма ¹. Гельмольдъ также упоминаетъ о томъ, что Славяне любили обогащать свои храмы драгоценностями, которыя набирали во время походовъ. Изъ него же узнаемъ, что Славяне обогащали свои храмы выкупными плѣнными ². — Кромѣ этихъ приношеній произвольныхъ, условливаемыхъ почитаніемъ храмовъ и обычаями, были и непроизвольныя, которыя храмы ожидали какъ собственности. Такова была дань народная: каждый, и мужчина, и женщина, долженъ былъ въ годовой праздникъ Святoviда дать монету ³. И не только принимавшіе участіе въ празднествѣ, но и всѣ области должны были посылать свою дань: Гельмольдъ говоритъ объ этомъ въ отношеніи къ храмамъ Святoviда Арконскаго и Радагаста Ретрсакаго ⁴. Кромѣ того торговцы, если желали что купить или продавать, должны были прежде принести, какъ дань храму, что нибудь драгоценное. Купцы, занимавшіеся сельдяной торговлей, должны были также, прежде начатія закупки сельдей, принести законную дань Святoviду ⁵. Самые покоренные народы обязаны были вносить дань божеству: таковъ былъ обычай, по крайней мѣрѣ, у Руянъ въ отношеніи къ храму Святoviда ⁶. — Не мудрено послѣ этого, что въ храмахъ Славянскихъ накоплялись сокровища, удивлявшія современниковъ, что храмы имѣли средства изумлять ихъ богатствомъ своихъ украшеній: тамъ видѣли во множествѣ серебро и золото, драгоценныя камни, ткани и различныя прекрасныя вещи. Легко понять, что Арабы, слыша объ этихъ богатствахъ, въ своихъ преданіяхъ могли рисовать себѣ храмы Славянскіе иначе и впадать въ преувеличенія, сообразно своимъ мѣстнымъ понятіямъ.

¹ Саксо грам. 825. Сефридъ. 105.

² Гельмольдъ. I, 39.

³ Саксо грам. 825.

⁴ Гельмольдъ. I, 21.

⁵ Гельмольдъ. I, 6, II, 12.

⁶ Гельмольдъ. I, 37.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

ОБРЯДЫ БОГОСЛУЖЕНІЯ.

I.

Полные вѣры въ могущество своихъ боговъ, страха къ ихъ гнѣву и надежды на ихъ благость, Славяне старались выразить передъ ними свое благоговѣніе и покорность, отвратить отъ себя ихъ негодованіе, заслужить ихъ милосердіе и помощь, и въ часы богослуженія сходились поклоняться богамъ. Богослужебные обряды совершались иногда и безъ пособія жрецовъ; но были и жрецы, какъ лица, посвященныя въ тайны религіи и ея обрядовъ. Правда, что въ сказаніяхъ Византійцевъ и Арабовъ не находимъ ничего о жрецахъ Славянскихъ; но изъ этого еще нельзя заключать, что у Славянъ, извѣстныхъ Византійцамъ и Арабамъ, точно не было жрецовъ: если допустить, что условія и формы богослуженія были одинаковы у всѣхъ Славянъ, то нельзя не допустить, что и жречество, какъ одно изъ самыхъ важныхъ условий, существовало также повсюду. Къ тому же, всѣ Славяне сохранили или преданія о знахаряхъ и колдунахъ, или и вѣру въ нихъ, и притомъ то и другое такъ разительно одинаково запечатлѣлось въ умахъ различныхъ вѣтвей Славянскаго племени, что невольно смотришь на все это, какъ на остатокъ отъ стараго языческаго времени, когда знахари и колдуны могли быть единственными хранителями религіи народа. Что касается до положительныхъ свидѣтельствъ современниковъ, то ихъ имѣемъ о жрецахъ Русскихъ, Польскихъ, Балтійскихъ и Чешскимъ Славянъ.—Составляли-ли жрецы касту, совершенно отдѣльную отъ народа, не знаемъ, не имѣя никакого понятія о ихъ жизни домашней. Не знаемъ и о томъ, кто выбиралъ въ достоинство жрецовъ. По одному намеку Титмара, который можно понимать различно, еще нельзя рѣшить, что народъ выбиралъ ихъ всегда и всюду¹. Если народъ и участвовалъ въ избраніи, то кто-же ручался за достоинство выбора, за знанія избраннаго, за его умѣнье исполнять обряды. Необходимо предположить и участие другихъ жрецовъ, тѣмъ болѣе, что есть достаточныя причины не сомнѣваться въ существованіи жреческой іерархіи: современ-

¹ Титмаръ. VI, 17

ники отличали не только разные роды жрецовъ, но и жрецовъ низшихъ разрядовъ отъ жрецовъ высшихъ. Особенно ясно отличаетъ это Саксо грамматикъ, замѣчающій, что храмъ Арконскій былъ подъ вѣдѣніемъ высшаго жреца, а другіе храмы, посвященные тому же Святovidу, управлялись жрецами меньшаго достоинства и меньшей власти¹. Если жрецы и не составляли касты, то все же были отдѣльнымъ сословіемъ, отличнымъ отъ другихъ классовъ народа. Ихъ отличала самая одежда: такъ объ одномъ изъ жрецовъ знаемъ, что онъ отличался отъ народа длинными волосами, заплетенными въ косу, и бородой; о другомъ, что его священническая одежда была бѣлая; еще объ одномъ, что онъ имѣлъ палицу². Жрецы принадлежали къ высшему разряду общества, участвовали въ собраніяхъ дворянства, предсѣдали въ судахъ вмѣстѣ съ князьями, владѣли мѣстами, владѣли богатствами³. Особенно почитаемы были жрецы на островахъ Руянѣ, гдѣ имъ былъ подчиненъ не только народъ, но и самъ князь⁴; не мудрено, что было такъ и въ другихъ мѣстахъ. Сила жрецовъ подтверждалась ихъ важностію въ дѣлахъ религіозныхъ: они заботились о храненіи святозей и богатствъ, освященныхъ именемъ божества, объ употребленіи даровъ, приносимыхъ божествамъ, на украшеніе святилищъ; они были хранителями вѣрованій, истолкователями религіозныхъ понятій, распространителями ихъ между народомъ; они были главными посредниками между божествомъ и человѣкомъ, возносителями моленій, исполнителями жертвоприношеній и гаданій.—Жрецы одни имѣли право входить во внутреннюю часть святилища и очищать его⁵. Жрецы заботились о священныхъ коняхъ, одни могли пасти ихъ и садиться на нихъ⁶. Жрецы берегли изображенія божествъ и знамена и всѣ богатства храмовъ⁷. Жрецы были хранителями и истолкователями вѣрованій, и для этого обращались иногда къ моельщикамъ съ увѣщаніями. Примѣромъ подобнаго увѣщанія можетъ служить то, которое было обычно на праздникъ Святovidа: при концѣ

¹ Саксо грам. 826.

² Саксо грам. 824. Сефридъ. 128. Эббо. 79. и пр. Марескалкъ Тур. Annal. Herul. IX (Jahrbücher für Slav. Lit. 1844. 95—96.)

³ Эббо. 65. 76. Сефридъ. 128, 158. Гельмольдъ. I, 84. II, 12.

⁴ Гельмольдъ. II, 12.

⁵ Саксо грам. 826.

⁶ Саксо грам. 826. Сефридъ. 109.

⁷ Титмаръ VI, 17. Саксо грам. 825.

богослужебнаго обряда жрецъ привѣтствовалъ народъ во имя бога и увѣщевалъ его ревностно приносить ему жертвы, общая вѣрною наградою за богопочитаніе побѣды на сушѣ и въ морѣ¹. Что такія увѣщанія были и при другихъ случаяхъ, хоть и не всегда принадлежали къ богослужебному обряду, видно и изъ того, что жрецы болѣе всего наставляли народъ оставаться при вѣрѣ предковъ². Жрецы были исполнителями богослужебныхъ обрядовъ: такъ жрецу принадлежала обязанность служенія Святovidу въ Арконѣ³; такъ было и во многихъ другихъ мѣстахъ, какъ видимъ изъ свидѣтельствъ современниковъ. Не припоминая здѣсь всего, что должно войти въ разсмотрѣніе самыхъ обрядовъ, укажу на важнѣйшія свидѣтельства, упоминающія объ участіи въ этомъ случаѣ жрецовъ. Жрецы возносили молитвы къ божеству: такъ Титмаръ говоритъ, что жрецы сходились въ храмъ умоливать гнѣвъ боговъ, и, совершая гаданія, поочередно шептали тайныя слова, безъ сомнѣнія молитвы, которыми просили божество раскрыть свою волю и будущее; такъ и Саксо грамматикъ, описывая обрядъ богослуженія въ храмѣ Арконскомъ, рассказываетъ, что жрецъ, наполнивъ рогъ свѣжимъ виномъ и почтивъ идола, какъ будто онъ долженъ былъ пить прежде жреца, просилъ торжественными словами счастья себѣ и отечеству, а гражданамъ обогащенія и побѣды⁴. Жрецы были возносителями жертвъ, не всегда, но во многихъ случаяхъ—и самыхъ важныхъ. Изъ Титмара знаемъ, что жрецы приносили жертвы въ храмѣ Ретрскомъ; Гельмольдъ говоритъ въ одномъ мѣстѣ, что жертву закалалъ жрецъ и по закланіи пилъ ея кровь, а въ другомъ, что жрецъ приносилъ иногда въ жертву христіанина, на котораго падалъ жребій⁵. Что жрецъ былъ жертвоприноситель, это показываетъ самое его названіе, хотя впрочемъ оно употребительно только въ Старославянскомъ и Русскомъ⁶. Другое названіе жреца въ смыслѣ жертвоприносителя есть «колдунъ»: для объясненія этого слова, кромѣ многаго другаго, служитъ и то, что въ Хорутанскомъ нарѣчій «калдовати» до сихъ поръ значитъ приносить жертву, «калдоваць»—жрецъ, а «калдов-

¹ Саксо грам. 825.

² Эббо. 65. Сефридъ. 128 и пр.

³ Саксо грам. 824.

⁴ Титмаръ. VI, 17. Саксо грам. 824.

⁵ Титмаръ. IV, 17—18. Гельмольдъ. I, 52 II, 12.

⁶ Жръць отъ жръти. См. ниже примѣчаніе о словѣ: жертва.

лица» или «калдовише» — жертвенник¹. Жрецы были и гадалками, истолкователями прорицаний: Несторъ рассказывает о волхвахъ, отгадавшихъ смерть Олегу; хроника Лаутербергская о ворожее, пророчившей побѣду Владиславу Тонконогому; жизнеописатели св. Оттона Бамбергскаго о жрецахъ, совершавшемъ гаданія конемъ въ Штетинѣ, о ворожеехъ и жребіеметателяхъ, которыхъ имѣть запрещалъ св. Оттонъ, и пр.; Титмаръ говоритъ о жрецахъ, гадавшихъ жребіемъ и конемъ; Гельмольдъ — о важности жреца Арконскаго, какъ истолкователя гаданій, — объ обычаѣ жрецовъ пить кровь жертвы для того, чтобы омушевить себя силою пророческой, и пр.; Саксо грамматикъ — о томъ, что жрецъ гадалъ объ урожаѣ будущаго года по вину, наливаемому въ рогъ Святovidовъ, и совершалъ гаданія конемъ; Козьма Пражскій — о княгинѣ Любушѣ какъ о прорицательницѣ, — еще объ одной вѣщунѣ, совѣтовавшей исполнить волю боговъ для одержанія побѣды, — о томъ, что князь Братиславъ изгналъ изъ края всѣхъ маговъ, гадалелей, жребіеметателей; пѣснь Краледворской рукописи «о пораженіи Татаръ» поминаетъ о «чародѣяхъ, гадачахъ, звѣздочетахъ и кудесникахъ», гадавшихъ о томъ, кто будетъ побѣдителемъ; Вацерадъ — о «гадачахъ, пророкахъ, птицегадателяхъ, вѣщцахъ, волхвацахъ и волхвицахъ», и пр.². Изъ всего этого видно, какъ разнообраз-

¹ Гутсманъ, Deutsch - Windisches Wörterbuch. Klagenfurt. 1789. 255—256. Въ другихъ нарѣчіяхъ kaldun—внутренности и т. п. (ср. Нѣм. Kaldaunen). Славянскій корень есть: кльд—колд—калд—кльд—буд (какъ тльк—толк—талк—тукъ и пр.). Кльдити—кльдити въ Чеш: значить очищать, собирать жатву—успокоивать,—отнимать, уничтожать (тогъ пнобо lidi klidi). Кльдити въ Срб. значить—произносить бранныя слова, заговаривать,—презирать,—улаять). Тутъ смѣшаны два корня—куд—кльд и куд—кужд (кудъж). Отъ втораго корня въ Срб. происходятъ слова: кудженик (ругатель), куджене (клевета); въ Хрѣ. кудити (бранить), кујати (дуть, дышать,—шептать?); въ Чеш: кудити (бранить), кудолъ (густой дымъ; срав: чуд запахъ), кузло (чара), кузлити (чаровать), кузелникъ (кудесникъ), паскуда (нечистота), паскудити се (ругаться, ссориться), паскудникъ (rheuma); въ Поль: паскуда и пр., въ Рус: кудо, кудеса (срав: чудо, щудо), кудесникъ, куделаръ,—паскудитъ, прокудитъ и пр. — В. С. Караджичъ. Сри. Ријечникъ. 349. J. Ступли, Rjecsoslozje. Dubrawnik. 1806. I. 364. Ярицкъ, Etymologik. 152. Мурко, Slov. Ném. Besednik. Gradéz. 1833. I. 153. Юнманъ, Slownik. I, 321. II, 40, 216 III, 37. Линде Slownik. II, 641.

² Лытописецъ. М. 1781. 9. Хроника Лаутербергская у Вишневака. Hist. Liter. Pol. I. 274—275. Сефридъ. 109. Титмаръ. VI, 17. Гель-

на была важность жрецовъ, какъ разнообразны были ихъ должности и разряды. Замѣчательно, что къ сословію жрецовъ могли принадлежать и жрицы и какъ кажется тѣ, которыя обрекли себя на жизнь цѣломудренную — или дѣвицы, посвятившія себя богу, или старухи, отжившія свою семейную жизнь: вспомнимъ; что было выше сказано о дѣвахъ огнеслужительницахъ, о дѣвахъ съ жреческимъ значеніемъ при совершеніи суда по обычаю Любуши; вспомнимъ о старухахъ знахаркахъ, до сихъ поръ остающихся въ народѣ, и т. д.

II.

Въ мѣстахъ, освященныхъ, по вѣрованію народа, присутствіемъ божественнаго духа, какъ передъ лицомъ самого божества, нельзя было садиться, надобно было удерживать въ святилищѣ дыханіе; а, обращаясь къ богу, моельцы выражали свое благоговѣніе тѣмъ, что падали ницъ и били челомъ. На все это есть свидѣтельства современниковъ, болѣе или менѣе опредѣленные. — Въ Русской пѣснѣ о жертвоприношеніи, во время праздника Коляды, упомянуты, какъ принадлежность мѣста богослуженія, скамьи вокругъ огня, на которыхъ сидѣли моельцы, окружая старика жреца; можетъ быть, такъ и было некогда, впрочемъ изъ Титмара узнаемъ противное: онъ ясно говоритъ, что въ

мольб. I, 52. II, 12. *Саксо грам.* 824, 827. *Козьма Праж.* 11, 20, 27, 197. *Краледвор. рпсѣ.* III, 47—60. *Вацерадъ.* 212, 222, 223, 229. Значеніе слова *въщецъ* понятно О словѣ *Кудесникъ-Kouzednik*, см. выше. Что же касается до слова *волхвъ* (вльхвъ-вльхвъ), то Копитаръ производитъ его отъ «вльснѣти» (вльснѣщей лъзыци—linguae halbutientes. *Glagol. Sloz.* 69.). Въ Блг нар. есть до сихъ поръ *волхвъ-вохвъ* (прорицатель) и *волшина* (брань); въ Хрв. есть *вухвецъ вуховецъ* (python) и *вухвица* (pythouissa). См. I. *Бълостъница*, *Gazophylacium Latino-Illic.* Zagrab. 1740. I, 1005. Въ Вологод. (а можетъ быть и въ друг. губерн. есть *волхатъ* (колдунъ) и *волхатка* (ворожея); въ Мрус. есть *волшити* (хитрить). Въ Лаврент. списокѣ Нестора стоитъ «Волхъве» (зип. пал. «Волъхи») вмѣсто «Волохове» другихъ списковъ *Несторъ*, ib. 10—11. Пѣсню о чародѣѣ Волхвѣ Всеславевичѣ см. въ *Древ. Рус. Стихотвор.* 45.

¹ *Снеиревъ.* Рус. празд. II, 69.

храмъ сидѣли одни жрецы, между тѣмъ какъ всѣ другіе стояли¹. Служитель храма Святovidова въ Арконѣ, выметая святилище его передъ праздникомъ осеннимъ, старался не дышать въ немъ, и великій разъ какъ хотѣлъ вздохнуть, выбѣгалъ къ дверямъ, чтобы не осквернить присутствіе божества своимъ дыханіемъ².—О преклоненіи передъ божествомъ говоритъ Ибнь-Фоцланъ, замѣчая, что имъ выражали Русскіе свое смиреніе передъ богомъ³. То же самое преклоненіе передъ идолами было и у Балтійскихъ Славянъ, какъ узнаемъ изъ Эббонова и Сефридова жизнеописаній св. Оттона. Описывая, какъ Вольгастскій жрецъ Яровита показался одному поселянину въ лѣсу въ образѣ своего бога, они прибавляютъ, что испуганный селянинъ, воображая, что видитъ самого бога, палъ передъ нимъ ницъ⁴. Въ Краледворской рукописи въ томъ же смыслѣ употребляются выраженія: «klaniet i se bohomъ» и «biti v czelo przied bohu», выраженія извѣстныя во многихъ Славянскихъ нарѣчіяхъ⁵. Они касаются не только обряда богослуженія, но и вообще богопочитанія. Такъ въ Старославянскомъ «покланѣтисѣ», значить «богопочитать»; такъ и въ Польскомъ *roklon* стар. *roklona*, значить то же, что русское «поклоненіе»⁶. Польское выраженіе «szolemъ bit», Чешское, «selemъ biti», употребляется иногда въ смыслѣ равносильномъ значенію слова «богопочитать»⁷. Не должно здѣсь забывать, что «бить челомъ» въ буквальномъ смыслѣ не значило только касаться головою земли, но и преклонивши голову, рукою прикасаться лба, что и доселѣ осталось въ обычаѣ у нѣкоторыхъ Славянъ, какъ знакъ, выражающей уваженіе. Припомнимъ при этомъ положеніе, въ которомъ представленъ былъ идолъ Поренута въ Кореницѣ, какъ его описываетъ Саксо грамматикъ: его лѣвая рука касалась лба, а правая подбородка пятого его лица, лежавшаго на груди: по остроумной

¹ *Титмаръ*. VI, 17.

² *Саксо грам.* 824.

³ *Ибнь-Фоцланъ*. 9.

⁴ *Эббо*. 79. *Сефирдъ*. 129.

⁵ *Краледвор. рнсв.* VI, 13, 39, 40.

⁶ Въ *Остромир. Еванг*: поклонници поклоняются отцю (л. 31)—*Vulgat: adoratores adorabunt patrem.* Въ Чеш. Еванг. Іоанна X въ-ка: *abihu ze poclonili—Vulg: ut adorarent, Słownik Polsko-francuz.* Berlin. 1844. стр. 1632. *Własciwu poklon samemu Bogu ma być od-dawan.*

⁷ *Линде, Słownik.* I, 375. *Юнманъ, Słownik.* I, 273.

догадкѣ Тиверія, это пятое лицо, на груди, было образомъ молитвы поклонниковъ, услышанной божествомъ, образомъ, какъ онъ говоритъ, незабытымъ Славянами и до сихъ поръ ¹.

Славянинъ обращался къ своимъ богамъ съ молитвой славословія, просьбы и благодарности. Отъ — молитвъ славословія дошло до насъ нѣсколько остатковъ, менѣе или болѣе любопытныхъ. Такъ въ пѣснѣ Краледворской рукописи «о побѣдѣ надъ Влаславомъ», во время принесенія жертвы Воймиромъ, «*prokni ida kol obieti bohom slavu hlasase i zachazeie zezwucie ne meskase*» ². Въ Русскихъ святочныхъ пѣсняхъ до сихъ поръ сохранился припѣвъ: «слава Богу на небѣ, слава!» Въ Южно-русскихъ колядкахъ также повторяются припѣвы, подобные этимъ: «Славенъ есь, гей, славенъ есь, нашъ милый Боже, на высокости!» или «благословенъ еси, господь, благословивъ сынівъ своихъ» ³. Сербы, во время праздника Свечара, посвященнаго патрону дома, поютъ пѣсни, «за славе божије» ⁴. У Хорватовъ сохранилась, по увѣренію Катанчиѣ и Свearа славословная пѣсня въ честь бога Лада: «Лепи-Иво терга роже, теби, Ладо, свети боже! Ладо, слушај нас, Ладо! Песме, Ладо, певамо ти, сердца наше кланјамо ти! Ладо, слушај нас, Ладо» ⁵. — Въ молитвахъ просительныхъ Славянинъ поручалъ себя своимъ богамъ, чтобы они управляли имъ и его домомъ, чтобы даровали ему долгое и счастливое здоровье, чтобы всѣ были счастливы, богаты и одерживали побѣды надъ врагами, какъ знаемъ это изъ сказаній, Титмара, Козьмы Пражскаго, Прокоша и Саксона грамматика ⁶. Отъ этого рода молитвъ намъ остались также отрывки въ народныхъ пѣсняхъ. Такъ въ пѣсняхъ колядныхъ, которыя пѣлись при встрѣчѣ новаго года, повторя-

¹ *Тиверій*, *Historia rit. Slav. Lusat. infer.* V. § 3 «Дать чоломъ» у Мрусовъ называется—ударить рукою въ руку въ знакъ уваженія; это заставляють теперь дѣлать только дѣтей.

² *Краледвор. рпсѣ*. IV. 169—170.

³ *Сахаровъ* Сказанія Рус. нар. Кн. III и *Снегиревъ*, Рус. праздни-ки. IV, 65, 70, 85. *Бьрецкій*, Колядки № 34, 36, 38. Съ подобными припѣвами собраны и мною колядки въ Венгріи.

⁴ *В. С. Караджичъ*, Српске пјесме. I, 96. № 156.

⁵ *Свearъ*, *Ogledalo Illirium*. Zagreb. 1839. 14. *Катанчиѣ*, *Specimen philologiae et geographiae Pannoniorum* Zagreb. 1795 112.

⁶ *Козьма Праж.* I, 10. *Прокошъ*. 113. *Титмаръ*. VI, 17. *Саксо грам.* 824, 826. *Краледвор. рпсѣ*. IV, 146.

ются и до сихъ поръ разныя пожеланія обращенныя къ Богу. Въ Русскихъ пѣсняхъ слышны: «дай Боже», или «роди Боже!» напр: «Дай, дай, Боже, тебѣ хозяйну съ борзыхъ копей сыновой женить, — дай, дай, Боже, тебѣ хозяйшкѣ съ высокихъ теремовъ дочерей выдавать», или: «Роди Боже жито, пшеницу, усяку пашницю, усяку пашницю, у полѣ ядро, а въ домѣ добро» ¹. Въ одной колядкѣ есть припѣвъ: «Подуй же, подуй, господи, изъ духомъ святымъ по земли», припѣвъ, кажется, вовсе не христіанскаго происхожденія, судя потому, что пѣсня сама пересказываетъ не христіанское преданіе о началѣ міра ². Въ Польскихъ колядкахъ поется: «ze by sie, daryła pšenica i groch, w komorze, w oborze, dej ci Panie Boze» ³! Словаки припѣваютъ въ колядкахъ: «daj Bože štěstja, daj Bože dolju» или: nek was ran Vnoch obohati» ⁴. У Хорутанъ поется: Bog daj wedro!» или «Bog potoci swoje kolo na naše stodole in na naše pole» ⁵. Сербы молятъ Бога чтобы онъ сіялъ: «сјaj, сјaj, Боже, и божизју, нашему господару» ⁶. Такія же пѣсни — молитвы пѣлись и въ праздникъ Купала или Креса, какъ видимъ изъ Хорутанскихъ пѣсень, гдѣ поется: Bog daj, Bog daj dobar večer, dobro leto! mi smo posaj k vam pr'tekli, dobar večer smo pr'nesli, dab vam rodilo žitno pole, winske gore» ⁷. О молитвахъ, сопровождавшихъ овященіе возносимыхъ божеству яствъ, упоминаетъ Христолюбецъ въ своемъ словѣ: «моленое то брашно дають и ядять» ⁸. Жертвы просительныя, вѣроятно, сопровождались всегда молитвами, равно и гаданья. — Въ молитвахъ благодарственныхъ Славянинъ выражалъ свою признательность къ богамъ за ихъ благодѣанія и помощь во всѣхъ его дѣлахъ частныхъ и общественныхъ. Къ сожалѣнію, свидѣтельствъ современниковъ и преданій объ нихъ слишкомъ мало. Болѣе знаемъ о жертвоприношеніяхъ благодарственныхъ, которыя, конечно, не могли обходиться безъ молитвъ, подобно жертвамъ просительнымъ. Такъ въ приведенномъ выше отрывкѣ пѣсни изъ Краледворской рукописи,

¹ Сахаровъ. *ib.* 11 и слѣд. Снегиревъ, *ib.* II, 65, 70. 85. Паули, *Piesni Iudu Rus.* I, 10,

² Бирецкій, Колядки. № 1.

³ Паули, *Piesni Iudu Pol.* 9. — 10.

⁴ Коларь, *Zpiewanky.* I, 409.

⁵ Корытко, *Pesme Krainskiga naroda.* I, 19.

⁶ В. С. Караджичъ, Срп. Рижчанин. 40.

⁷ Корытко *ib.* I, 91.

⁸ Востокова, *Опис. рпсей Румян. Муз.* 228.

при совершении благодарственной жертвы за побѣду, каждый изъ воиновъ, проходя мимо, возглашалъ богамъ славу, и въ этомъ славословіи, конечно, благодарилъ ихъ. Многія изъ молитвъ славословныхъ были, вѣроятно, вмѣстѣ и благодарственными ¹.

Молитвы пѣлись, хоть и не всѣ, однако многія. Вотъ почему въ Краледворской рукописи «blasati milich slow» и просто «hlasati» значитъ молиться ²; вотъ почему тамъ же читаемъ, что Воймиръ, обращаясь къ богамъ, «wzuola s skali hlasem w lese blucz-nim, z toсна hrrdla uola k bohom tako, i wrtrsiasu sie druа sira lesa» ³. Вотъ почему и до сихъ поръ остатки молитвъ сохранились въ обрядныхъ пѣсняхъ. Есть нѣсколько и современныхъ свидѣтельствъ что пѣсни составляли принадлежность богослужебныхъ обрядовъ языческихъ Славянъ. О нихъ упоминаютъ жизнеописатели св. Оттона и Длугошъ ⁴. И Христолюбецъ въ своемъ словѣ говоритъ: «неподобаеть крестьяномъ игоръ бесовскихъ играти, иже ест плясьба, гудьба, пѣсни бѣсовскыя и жертвы идольскыя» ⁵. О пѣняхъ-молитвахъ сопровождавшихъ обрядъ гаданія упоминаетъ Краледворская рукопись въ пѣсни «о битвахъ Христіанъ съ Татарами»: «vetchimi slouesi nad sim wzpiechu» ⁶. Въ доказательство же того, что пѣсни-молитвы раздавались во время служенія въ самыхъ храмахъ, служитъ упоминаніе Масуди о священныхъ звукахъ, раздававшихся въ храмѣ изъ подъ купола, вѣроятно съ хоръ ⁷. Очень не мудро, что эти храмовыя пѣсни-молитвы сопровождались звуками инструментовъ, какъ это было при богослужебныхъ пѣсняхъ внѣ храмовъ, что видно изъ приведенныхъ свидѣтельствъ. И это тѣмъ вѣроятнѣе, что между драгоценностями, хранившимися въ храмахъ, были и музыкальные рога, какъ свидѣлствуютъ жизнеописанія св. Оттона ⁸. Во всякомъ случаѣ пѣніе было принадлежностію языче-

¹ Прибавимъ къ этому, что слово «хвала», употребляемое всюду въ значеніи «славы», означаетъ и «благодарность» — не только въ Старославянскомъ, но и во всѣхъ югозападныхъ нарѣчіяхъ. Такъ и слово «джкъ» (дякъ, діка, dziek) означаетъ «славу» въ нарѣчіяхъ югозападныхъ, а «благодарность» въ сѣверозападныхъ.

² Краледвор. рпсѣ. VI, 47, 237.

³ Краледвор. рпсѣ. IV, 132-134.

⁴ Эббо.—Длугошъ, V, 9.

⁵ Востоковъ. ib. 229.

⁶ Краледв. рпсѣ. III. 58.

⁷ Масуди. 320.

⁸ Сефридо. 105.

ской религіи Славянъ, и вотъ почему у нихъ могло быть понятіе, что «*rieuce dobra miluici bozi*» ¹, и другое подобное понятіе, что пѣвецъ Боянъ былъ внукомъ бога солнца, Велеса. Есть надежда, что значеніе божественное пѣсни у Славянъ раскроется со временемъ еще болѣе ².

III.

Молитвы сопровождалась жертвоприношеніями. Между ними нельзя не отличать простыхъ возношеній отъ собственныхъ жертвъ. Съ первыми соединялось или понятіе объ освященіи приносимаго, объ отрѣшеніи онъ него зла божествомъ, злу враждебнымъ, или мирное чувство благодарности божеству, принимающему милостивое участіе въ судьбѣ и дѣлахъ человѣка, благому, заботящемуся о своемъ созданіи, ему помогающему, чувство благодарности человѣка, въ простотѣ сердца вѣрующаго, что божеству можетъ быть пріятно это чувство, какъ бы ни было оно выражено. Съ собственными жертвами, напротивъ, соединялось понятіе о божествѣ, хоть благомъ, но разгнѣванномъ и страшашемъ, которое надобно было умилостивлять, у котораго надобно было испрашивать пощады, которое въ самой пощадѣ остается грознымъ, требующимъ смерти, крови и огня, какъ искупленія зломъ меньшимъ зла большаго.

Возношеній нельзя смѣшивать ни съ данью, платимой храмамъ, ни съ произвольными дарами, которыми такъ богаты бывали храмы Славянъ: дары и дани были слѣдствіемъ усердія къ вѣрѣ и цѣнились по богатству, будучи притомъ независимы отъ богослужебныхъ обрядовъ; возношенія принадлежали къ богослуженію, не получая важности по мѣрѣ своей цѣнности. Не мудрено, впрочемъ, что и нѣкоторые изъ даровъ принимаемы были съ богослужебнымъ обрядомъ, какъ возношенія, что отчасти уже видѣли мы въ обзорѣнціи поклоненія богамъ земнымъ. Собственными возношеніями должно считать благовонія, яства

¹ *Кралеве рнсь*. VI. 57.

² Здѣсь можно вспомнить, что жрецамъ, какъ кажется, принадлежало и названіе *багъвъ балевъ* и *гусляровъ* (incantatores).

и оружія: о нихъ есть свидѣтельства, довольно разнообразныя и любопытныя.

Гриммъ полагаетъ, что сѣвернымъ язычникамъ были неизвѣстны благовонныя куренія какъ жертвы ¹. Можетъ быть, Германцамъ и дѣйствительно нѣтъ; но Славяне знали этотъ символъ возношенія мысли къ божеству и совершали его двумя способами — или просто раскладывали огонь, или сожигали куренья. О первомъ способѣ возношенія свидѣтельствуетъ обычай разложенія огня, сохранившійся до сихъ поръ у многихъ Славянъ, несомнѣннъ забытыхъ древніе языческіе обряды. Судя по этому обычаю, торжественное возношеніе пламени совершалось преимущественно два раза въ годъ: въ праздникъ Коляды, или Новогодія, и въ праздникъ Купалы, или Креса—въ половинѣ года ². Передъ идоломъ Перуна, по увѣренію лѣтописцевъ, пламя возношенія горѣло постоянно: «ему же яко богу жертву приношаху и огонь неугасающій зъ дубоваго древіа непрестанно паляху» ³. Возношенія пламени соединялись у язычниковъ Славянъ, какъ мы видѣли, съ обожаніемъ огня. О куреніяхъ, какъ возношеніяхъ передъ божествомъ, свидѣтельствуютъ жизнеописанія св. Оттона, а также и закопченные сосуды, находимые въ землѣ, въ которыхъ доселѣ остаются слѣды пахучихъ веществъ, между прочимъ и янтаря. Куреніе этимъ послѣднимъ и теперь еще на Рюгенѣ (прежней Рунѣ) считается священнымъ, въ чемъ нельзя не видѣть остатка языческой старины. Въ числѣ этого рода возношеній нельзя не считать и возношеній пахучими цвѣтами и травами, вѣнками изъ нихъ, и т. п. Объ этомъ было уже замѣчено выше. Между такими цвѣтами были и васильки, какъ свидѣтельствуетъ Ибнъ-Фоцланъ, если только подъ названіемъ «*gi'han*» не должно разумѣть вообще пахучихъ травъ ⁴.

О возношеніяхъ яствами имѣемъ свидѣтельство гораздо болѣе. У Масуди читаемъ о приношеніи одному изъ идоловъ проса ⁵. Константинъ Порфирородный, рассказывая о походахъ Руссовъ,

¹ Гриммъ, Deut. Myth. I. 50

² Купальскіе огни сохранились у всѣхъ Славянъ; огни колядныя—болѣе у Славянъ югозападныхъ. Кромѣ того, кое-гдѣ возжигаются огни весною и осенью. Кажется, что каждая четверть года была празднуема возношеніемъ огней.

³ Густинская лѣтопись. 207.

⁴ Ибнъ-Фоцланъ. 15, 107.

⁵ Масуди. 320.

пишетъ, что они прѣѣзжали къ острову св. Георгія и у огромнаго дуба приносили въ жертву живыхъ птицъ, дѣлали также кругъ стрѣлами и клали туда хлѣбъ, мясо или что другое, что было у нихъ ¹. Подробно описанъ подобный обрядъ у Ибнъ-Фоцлана, какъ онъ видѣлъ его въ пристани Итыя совершаемымъ Русскими купцами. «Вошедши въ пристань каждый идетъ на берегъ, съ хлѣбомъ, мясомъ, лукомъ, молокомъ и пьянымъ напиткомъ, къ высокому деревянному истукану, падаетъ передъ нимъ на землю и говоритъ: «Господи! я прѣѣхалъ издалека и привезъ съ собою столько-то невольницъ, столько-то шкуръ соболей... И пересчитавши такъ свои товары, прибавляетъ: «вотъ тебѣ даръ мой!» Потомъ кладетъ передъ идоломъ все, имъ принесенное, и говоритъ: «Ахъ, если бы ты послалъ мнѣ купца, у котораго было бы много серебряныхъ и золотыхъ денегъ, который бы купилъ у меня все, что мнѣ хочется, и такъ, какъ мнѣ хочется продать!» Сказавши это, онъ уходитъ. Если же торгова его идетъ худо и задерживаетъ его долго, тогда онъ приходитъ въ другой и въ третій разъ съ дарами. И если все еще не достигаетъ того, чего желаетъ; то приноситъ дары каждому изъ маленькихъ идоловъ, окружающихъ большой, и молитъ ихъ о заступленіи, говоря: «Это жены, сыновья и дочери нашего господи!» Онъ подходитъ къ каждому идолу, проситъ ихъ о заступленіи и кланяется имъ смиренно. Часто случается, что послѣ того онъ торгуетъ легко и хорошо и продаетъ всѣ привезенные товары. Онъ говоритъ тогда: «господь услышалъ мое желаніе; теперь обязанность моя возблагодарить ему»; онъ убиваетъ нѣсколько быковъ и овецъ, отдаетъ часть мяса бѣднымъ, остальное приноситъ къ большому истукану и къ стоящимъ вокругъ него малымъ и вѣшаетъ головы овецъ и быковъ на деревѣ, которое вбито въ землю (за малыми истуканами). Ночью приходятъ собаки и все поѣдаютъ, а положившій восклицаетъ: «господь благоводитъ мнѣ; онъ принялъ мой даръ» ². О такихъ возношеніяхъ у Русскихъ говорятъ и сказанія отечественныя. Такъ въ лѣтописи Новгородской Пидиблянинъ, отринувши шестомъ пльвшаго Перуна, говорилъ ему: «Ты, рече, Перушище, досити еси пиль и яль, а нынѣ плови уже проче» ³. Въ словѣ Христомлюбца говорится: «И тако покладываютъ имъ требы и коро-

¹ Константинъ Порфир. 9.

² Ибнъ-Фоцланг. 7—9.

³ Карамзинъ И. Г. Р. I. пр. 463.

вай имъ ломают... моленное то брашно дают и ядят... ставят лише кумиром трапезы котѣйныя и законнаго объѣда, иже нарѣцается беззаконная трапеза, мѣнимая роду и рожаницамъ»¹. Въ переводѣ Григорія Назіанзина читаемъ во вставкѣ: «овъ трѣбоу створи на студенци, дъжда имы отъ нѣго»². Это напоминаетъ о дѣтской игрѣ Малорусской, во время засухи, когда приговаривается: «лій, лій, дожчику! наварю тобі борщику!» О хлѣбѣ-соли, какъ жертвѣ благодарности Волгѣ и морю, упоминается въ пѣсняхъ о гостѣ Садкѣ³. Что возношенія яствами были въ обычаѣ и у язычниковъ Чеховъ, объ этомъ свидѣтельствуетъ пѣсня Краледворской рукописи «о великомъ пораженіи»: «krmie bohom—сказано такъ — давадись «w sumtku», и послѣ битвы надобно было «dat rokrm bohowow»⁴. У Словаковъ сохранился языческій обычай бросать въ потоки весною разныя лства, какъ жертву. Такія возношенія были и у Балтійскихъ Славянъ и, по словамъ Андрея, въ его жизнеописаніи ст. Оттона Бамбергскаго, происходили ежедневно⁵. Саксо грамматикъ, описывая обрядъ праздника Святотвида, рассказываетъ, что «жрецъ выливалъ вино изъ рога, который держалъ идола, къ ногамъ его въ возліаніе ему, и, наполнивъ свѣжимъ виномъ, не забывалъ почтить идола, какъ будто онъ долженъ пить прежде жреца. Къ этому же возношенію принадлежалъ и пирогъ сладкій, круглый и такой величины, что въ вышину былъ почти въ ростъ человека. Жрецъ, поставивъ его между собою и народомъ, спрашивалъ у Руянь, видятъ ли они его: Когда они говорили, что видятъ, то онъ желалъ, чтобы на слѣдующій годъ его за пирогомъ совѣмъ не было видно. Вѣрили, что этотъ обрядъ способствуетъ счастію народа и обилію слѣдующей жатвы»⁶. Обычай, описанный Саксономъ грамматикомъ, до сихъ поръ соблюдается кое-гдѣ въ Малороссіи. На щедрый или богатый вечеръ (31 декабря) каждая хозяйка готовитъ множество варениковъ, книшей, пироговъ и, поставивши все это кучею на столѣ, затепливъ свѣчу передъ образами, накуривъ ладономъ, проситъ мужа «исполнить законъ». Отецъ семейства

¹ Востокова Опис. р. Рум. М. 229.

² Переводъ Григорія Наз. Библиогр. Листы. 88

³ Древ. Рус. Стихотворенія 226, 339.

⁴ Краледворъ рпсь. IV, 41, 42. 234.

⁵ Андрей. 10.

⁶ Саксо грам. 824—825.

долженъ сѣсть на покути, за кучей печенья. Когда дѣти, войдя и молясь, спрашиваютъ: «де-жь нашъ батько?», онъ, вмѣсто отвѣта, спрашиваетъ ихъ въ свою очередь: «хиба-жь вы мене не бачите!»,—и на отзывъ ихъ: «не бачимо, тату!», говорить имъ: «дай же боже, щобъ и на той рѣкъ не побачили». Этими словами онъ выражаетъ желаніе, чтобы и въ будущемъ году было такое же изобиліе всего, какъ въ настоящемъ ¹.

Какъ ни разнообразны извѣстія, здѣсь представленныя, о возношеніяхъ божеству яствами, нельзя не пожалѣть о ихъ скудости: изъ нихъ мы почти не можемъ понять важности, какую должны были, кажется, имѣть эти возношенія въ богослуженіи Славянскомъ. Нельзя себѣ представить, чтобы Славяне съ высокимъ понятіемъ, какое имѣли о божествѣ, сколько бы ни было оно обезображено суевѣріями, могли соединять, на основаніи догматовъ своей религіи, понятіе о возможности кормить боговъ и яствами преклонять на свою сторону. Обрядъ могъ быть исполняемъ и такъ, какъ его описалъ Ибнъ-Фоцланъ; но долженъ былъ исполняться и иначе, не съ цѣлію кормить боговъ, а съ цѣлію возношеніемъ божеству освятить яства и потомъ потребить какъ освященное. Это мы видимъ изъ описанія Христолюбца; но къ сожалѣнію изъ его словъ не можемъ заключать, въ чемъ именно состоялъ обрядъ освященія, въ какихъ случаяхъ былъ совершаемъ. Если дополнить его слова тѣмъ, что говорятъ Андрей и пѣсни Краледворской рукописи, то можно думать, что обрядъ освященія яствъ совершался ежедневно, что язычникъ Славянинъ всякій день желалъ потреблять яства и питія освященныя.

Тотъ же самый характеръ освященія должны были имѣть и возношенія оружія: это видно изъ того, что возносимы были оружія враговъ, всегда болѣе или менѣе противниковъ вѣры; все, что ни принадлежало имъ, могло считаться нечистымъ, оскверненнымъ. О возношеніи вражескаго оружія говоритъ пѣсня Краледворской рукописи «о великомъ пораженіи»: «tamo k wrchu pohrsiebat mrch i dat pokrm bohouom, i tamo ohom spasam dat mnostuie obieti, a iim hlasat milich slow i iim oguzie robutih wtrahow» ². О такомъ же возношеніи вражескаго оружія говоритъ и жизнеописатель св. Оттона Сефридъ ³. Оченьне

¹ К. Сементовскаго Замѣчанія. 36.

² Краледвор. рпсь VI. 250—255.

³ Сефридъ. 105.

мудрено, что многія изъ этихъ возношеній оставались собственностію храма; но это не измѣняло характера обряда: священныя оружія могли быть потомъ употребляемы въ походѣ, если не къмъ другимъ, то войнами храмовыми, вмѣстѣ со священными знаменами, значками въ родѣ орловъ Святoviда и т. п.

• Что касается собственныхъ жертвъ, то онѣ были вообще двухъ родовъ: жертвы закланія и жертвы сожженія. Отъ тѣхъ и отъ другихъ нельзя не отличать принесенія въ жертву людей.

О жертвахъ закланія упоминаетъ уже Прокопій, говоря, что Славяне, поклоняясь богу молніеносцу, приносили ему въ жертву быковъ и другія приношенія, — что они, видя себя удрученными болѣзнію или близкую смерть въ бою, обѣщались богу принести жертву за спасеніе жизни, и избѣжавъ опасности, приносили въ жертву обѣщанное, думая, что эту жертвою спасали себѣ жизнь¹. Масуди упоминаетъ о жертвоприношеніяхъ Славянскихъ только вообще². Почти въ такихъ же общихъ выраженіяхъ говоритъ о нихъ и переводчикъ Григорія Назіанзина: «Овъ несщїимъ богомъ жьреть... овъ рѣкж. богынїж нарицаеть и звѣрь живжщъ въ неїако бога нарицаа трѣбж творить. Овъ длю жьреть, а другїа дивїи... Овъ моущьнъ скотъ творя оубиваетъ»³. Здѣсь въ отношеніи къ жертвоприношеніямъ замѣчательно послѣднее выраженіе: оно намекаетъ на давній обычай закаланія жертвъ и вмѣстѣ съ тѣмъ заставляетъ догадываться, что этотъ обычай въ послѣдствіи времени былъ замѣненъ другимъ, символомъ закаланія. Онъ сохранился и до сихъ поръ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Россіи и въ Карпатскихъ горахъ, гдѣ, по случаю выгона стада на пастбище весною, селяне, правдуя для пастуховъ пирь, готовятъ къ нему пирогъ въ видѣ овна, для того, чтобы онъ, какъ жертва богу, былъ зарѣзанъ рукою главнаго бачи и потомъ берется у пастуховъ какъ лекарство для овецъ⁴. Ясно о жертвахъ закланія у Русскихъ говоритъ Несторъ: «жряху бѣсомъ, осквернаху землю тебедами своими и осквернися кровьми земля Руска и холмъ отъ»⁵.

¹ Прокопій. III, 14.

² Масуди. 221.

³ Переводъ Григор. Наз. ib. 88—89.

⁴ Я слышалъ объ этомъ обрядѣ въ Шаршской столицѣ, въ Венгріи.

⁵ Несторъ. 34. *Трѣба-потрѣба* (слово, известное и Вацераду. 227) употребляется вообще вмѣсто жертвы. Если, впрочемъ, взять въ расчетъ Поль. *trzebić* и Луж. *trjebić-wutrjebać* (кастрировать), то *трѣ-*

Упоминаетъ о нихъ и Митрополитъ Иларіонъ въ своемъ словѣ, замѣчая, что, освятившись ученіемъ Христовымъ, «уже не жертвенныя крове вкушающе погибаемъ¹». Въ житіи князя Константина Муромскаго говорится объ обычаяхъ закаланія коней при совершеніи обряда погребенія². Изъ писателей иностранныхъ о жертвахъ закланія у Русскихъ говорятъ Константинъ Порфирородный и Ибнъ-Фоцланъ. Первый упоминаетъ о бросаніи жребія о птицахъ, должно ли ихъ бить, или убить, или живыхъ выпустить на свободу. Сходное съ этимъ есть въ словѣ Христороубца: «и куры имъ рѣжутъ», и у Льва Діакона — о приношеніи въ жертву пѣтуховъ при обрядѣ погребенія³. Ибнъ-Фоцланъ рассказываетъ, какъ было уже замѣчено, что въ знакъ благодарности Рускіе закалали своимъ богамъ быковъ и овецъ и вѣшали головы овецъ и быковъ на деревѣ, воткнутомъ въ землю за идолами⁴. Послѣдній обычай сохраняется отчасти и теперь у Русскихъ и у нѣкоторыхъ западныхъ Славянъ. Венды, подобно Русскимъ, имѣли обычай—говоритъ Преторій—для предохраненія отъ скотнаго падежа ставить по забору вокругъ конюшенъ и хлѣвовъ мертвыя головы лошадей и коровъ, равно и тѣмъ лошадамъ, которыхъ, по народному повѣрью, мучить домовою, клали лошадиную голову подъ кормомъ въ ясляхъ, вѣря, что это уничтожаетъ силу домоваго надъ лошадыю⁵. Въ другомъ мѣстѣ, рассказывая объ обрядѣ погребенія, Ибнъ-Фоцланъ описываетъ и жертвоприношенія, совершавшіяся при этомъ: «Принесли собаку и, разрубивъ пополамъ, бросили въ ладыю;... привели двухъ лошадей, которыхъ гоняли до тѣхъ поръ, пока онѣ покрылись потомъ, разрубили ихъ мечами и мясо бросили въ ладыю; привели и двухъ быковъ и также бросили въ ладыю разрубленныхъ: наконецъ взяли пѣтуха и кури-

ба должна означать только жертву закланія. Фрейзин. Отр. 2-й: *Oztanem zich mirzcich del ese sunt dela sotonina, ese trebi tuorim, ese bratra oclevuetam, etc* строка 20. У Лüneбург. Славянъ словомъ *treba* (*trewa-triwe*) назывались Рождественскіе свитки. *Геннингъ*, подъ слов. *Weihnacht*.

¹ *Иларіонъ* въ *Прибавъ къ Твор. Св. Отцовъ. Часть IV. 236.*

² *Карамзинъ, И. Г. Р. I. пр. 236.*

³ *Константинъ Порфир.* 9 *Востоковъ. ib. 228. Левъ Діаконъ. IX. 6.*

⁴ *Ибнъ Фоцланъ. 9.*

⁵ *Преторій, Weltbeschreibung. II, 162 – 163*

цу, зарѣзали и бросили туда же»¹. О приношеніи въ жертву козла есть преданіе, сохранившееся въ народной обрядной пѣснѣ: «За рѣкою, за быстрою — лѣса стоятъ дремучіе: во тѣхъ лѣсахъ огни горять, огни горять великіе; вокругъ огней скамьи стоятъ, скамьи стоятъ дубовыя; на тѣхъ скамьяхъ добры молодцы, добры молодцы, красны дѣвицы, поютъ пѣсни колѣдушки. Во середкѣ ихъ старикъ сидитъ, и онъ точитъ свой булатный ножъ; возлѣ него козелъ стоитъ... Хотятъ козла зарѣзати»². По свидѣтельству Длугоша, были въ обычаѣ жертвы закланія и у Поляковъ: въ жертву приносимы были овцы и быки, во время празднествъ, на которыя собирался народъ³. Были онѣ въ обычаѣ и у Балтійскихъ Славянъ. Титмаръ пишетъ, что Лютичи, отправляясь на войну, поклоняются храму Ретрскому, а возвращаясь изъ счастливаго похода, приносятъ богамъ дары, посредствомъ жребіевъ и коней узнаютъ, какая жертва можетъ быть угодна богамъ, и смиряютъ гнѣвъ ихъ кровію людей и животныхъ⁴. Гельмольдъ рассказываетъ объ нихъ такъ: «Боги имѣли своихъ жрецовъ, свои жертвоприношенія и разнообразное служеніе. Жрецъ посредствомъ жребія опредѣлялъ празднества, посвященныя богамъ, и тогда сходились мужи и жены съ дѣтми и приносили богамъ въ жертву быковъ и овецъ. По закланіи жертвы жрецъ пилъ кровь, чтобы имѣть болѣе силы понять божественныя предсказанія, потому что кровь, какъ многіе думали, помогаетъ вызывать духовъ. Принесши по обычаю жертву, народъ начиналъ пиршество»⁵. Саксо грамматикъ, при описаніи осенняго празднества Святovidова, не забылъ также замѣтить, что жители острова Руяны, собравшись передъ храмомъ, приносили въ жертву звѣрей по закону, и потомъ совершали торжественно пиршество, потребляя на немъ жертвы, по окончаніи храмоваго обряда⁶. Объ этомъ ежегодномъ принесеніи жертвъ Святovidу упоминаетъ и Гельмольдъ⁷. У Чеховъ долженъ былъ существовать также обрядъ принесе-

¹ *Ибн. Фоцланъ*. 11—29.

² *Снегуревъ* *ib.* II. 69.

³ *Длугошь*. V, 9.

⁴ *Титмаръ*. VI, 17.

⁵ *Гельмольдъ*, 1, 56. Сравни. *Анонима Chron Slav. XVIII Lindenbrag. Scriptores*. 211.

⁶ *Саксо грам.* 824.

⁷ *Гельмольдъ*. II. 12.

нія жертвъ закланія; впрочемъ, свидѣтельство Козьмы Пражскаго о немъ едва ли должно быть принимаемо совершенно такъ, какъ оно есть. «Чехи—пишетъ онъ—преданные глупымъ суевѣрїямъ, боясь неудачи въ войнѣ, обратились къ колдуньѣ и спрашивали ее, что нужно сдѣлать, чтобы война была для нихъ счастлива. Колдунья, объятая пророческимъ духомъ, отвѣчала имъ немедленно, что если они хотятъ быть побѣдителями, то должны прежде всего совершить волю боговъ, и совѣтовала принести въ жертву осла, надѣясь, что этою жертвою умилостивятся боги и помогутъ въ битвѣ»¹. Здѣсь не можетъ не казаться страннымъ то, что въ жертву приносится оселъ: едва ли это не описка.—

Изъ данныхъ, здѣсь представленныхъ о жертвахъ закланія, извлекаются слѣдующіе выводы:—Эти жертвы возносимы были ежегодно въ честь божествъ во время празднествъ, имъ посвященныхъ, и кромѣ того при другихъ случаяхъ, когда надобно было умилостивить боговъ; такъ между прочимъ и при совершеніи обряда погребенія. Иногда онѣ совершались торжественно жрецами, иногда же самими тѣми, кто желалъ принести жертву. Чтò должно было быть принесено въ жертву, опредѣлялось, если не всегда, то по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, гаданьемъ. Обыкновенно приносились въ жертву домашнія животныя или птицы, напр. быки, овцы, козы, куры, иногда лошади и собаки. Во время принесенія жертвы совершались гаданія, и при этомъ жрецъ, для того, чтобы воодушевиться силой предвѣщанія, пилъ кровь жертвъ. По принесеніи жертвы, часть ея иногда раздавалась нищимъ, а остальное оставалось передъ идолами; иногда же принесенное въ жертву было употребляемо, какъ яства, на слѣдовавшемъ за тѣмъ пиршествѣ. Этотъ послѣдній обычай показываетъ, что жертвы закланія имѣли сначала близкое сродство съ возношеніями яствъ, что закалаемое животное приносилось въ жертву, какъ яства, которая религіознымъ обрядомъ должна быть освящена, отрѣшена отъ оскверненія: вотъ почему и приносились въ жертву, кромѣ нѣкоторыхъ случаевъ, только животныя, употребляемая въ пищу. Въ послѣдствіи обрядъ могъ потерять свое значеніе и получить новое: могли повѣрить, что смертію животнаго можно защитить себя или свое животное отъ смерти и другаго подобнаго бѣдствія. Вотъ почему въ иныхъ случаяхъ приносимое въ жертву не закалалось, а задушалось, напр. въ водѣ; вотъ почему могло постепенно войти также въ обычай замѣнять при жертвоприношеніи живое существо его образомъ,

¹ Козьма Праж I, 97.

изъ чего нибудь сдѣланнымъ, или же самый обрядъ закланія замѣнить приношеніемъ въ жертву головы животнаго. Изъ нѣкоторыхъ данныхъ, которыя имѣемъ объ этомъ послѣднемъ обычаѣ, видно, что жертвы приносятся могли и злѣму богу, челоуѣку враждебному, или же что тѣмъ, что было освящено, какъ принесенное въ жертву божеству благому, можно было защищаться отъ зла и духовъ, зломъ живущихъ. Во всякомъ случаѣ жертвы закланія имѣли двоякій характеръ: и характеръ освященія, и характеръ дара, приношенія, лишенія себя для боговъ съ надеждою быть вознагражденнымъ отъ нихъ тѣмъ нибудь большимъ.

Жертвы сожженія имѣли только этотъ послѣдній характеръ. Что и онѣ были оченьъ обычны у Славянъ сѣверозападныхъ и восточныхъ, это доказывается остатками, находимыми въ городищахъ и въ другихъ мѣстахъ, гдѣ онѣ совершались, множествомъ пепла, угля, недогорѣлыхъ костей животныхъ и т. п. Какъ описаніе современное, приведемъ здѣсь то, что находится въ пѣсни Краледворской рукописи «о великомъ пораженіи». Честмиръ, отправляясь на войну «pode wsie druа wzlozie obieti bohoh». Воймиръ, одержавши побѣду, chtiese obiet wzdati bohoh w siem ze miestie, w siem ze krocie slunce»; но отложилъ по совѣту Честмира и возопилъ къ богамъ: «Ne ziarste sie, bozi, suemu sluze, ez ne pali obiet w dniesniem slunci». Честмиръ совѣтовалъ ему тогда: «Dluzna obiet bohoh, uese Cestmir; a ninie nam na wrahi pospieti; ninie wsedni ti na rucie konie, proletni lesi ieleniem skokem, tamo w dubrawu. Tam s cesti skala bogoh zmilena, na ieie wrh obietui bohoh, bohoh suim spasam, za wicestuié w zadech, za uicestuié w prsiedie. Neze sie poznaie, ze slunce pokroci na twrdosti nebes, stupis tamo na miesto; a neze slunce postupi wterim krokem i krokem trsietiem nad wrsini lesne, doidu voi tamo, kdie obiet tuoie pouieie w slupech dimu: pokorsi sie wsie woiska, tudi iduce.» И Воймиръ перелетѣлъ черезъ лѣса въ дубраву, «na wrsie skali zanieti obiet bohoh suim spasam za uicestuié wzadech, za uicestuié wprsedie, im obietoua krauicu boinu». Любопытно тутъ описаніе самого обряда сожженія жертвы: «Prapolase obiet i blizise sie uoi k uualu, iz uuala wzhoru w dubrawu. Uoi ozuucieni hlukem idu po iednom, oruzie nesuce; prokni ida kol obieti, bohoh slauu hlasase, i zachazeie zezwucie ne meskase, i kehdi dochazese posleda uoiew, wskoci Voimir na suoi ruci komon»¹. Если такъ совершались жертвы сожженія и всегда, то

¹ Краледвор. рпсь IV, 22, 123—124, 135—136, 143 152, 155—157, 164—170. Въ Чеш. жертва называется обѣт (Вацерадь. 219. Юимати II.

можемъ заключить, что и при этихъ жертвахъ, какъ при жертвахъ закланія, приносимы были домашнія животныя, что эти жертвоприношенія были общенародныя, и что, наконецъ, они были совершаемы великолѣпно, но не жрецами, если только князья не имѣли по своему сану правъ жреческихъ. Такія жертвы были въ обычаѣ и у другихъ Славянъ, по крайней мѣрѣ у тѣхъ, которымъ не чужды слова «жертва» или «жаризна» видимо происходяшія отъ «жрѣти»—сожигать¹. Жертвы сожженія сопровождали иногда погребальный обрядъ. Не надобно, быть можетъ, считать жертвоприношеніемъ сожженія коней вмѣстѣ съ трупами мертвыхъ, которымъ въ жизни они принадлежали; но то, что рассказываетъ Ибнъ-Фоцланъ о сожженіи вмѣстѣ съ мертвымъ уже закланныхъ собаки, двухъ лошадей, двухъ быковъ, пѣтуха и курицы и еще одной курицы, у которой оторвали прежде голову, едва ли не относилось къ обряду жертвоприношенія, хотя и нельзя понять значеніе и цѣль обряда².

Было у Славянъ въ обычаѣ и приношеніе въ жертву людей. Изъ современныхъ свидѣтельствъ знаемъ объ этомъ обычаѣ у Русскихъ, Поляковъ и Балтійскихъ Славянъ; можемъ догадываться, что онъ былъ не чуждъ и другимъ Славянскимъ народамъ. «Привожаху сыны своя и дщери—говоритъ Несторъ—и жряху бѣсомъ, оскверняху землю тѣребами своими, и осквернися кровью землю Русска и холмъ отъ». Уже изъ одного этого выраженія можемъ заключать, что Русскіе при жертвоприношеніяхъ закалали и людей: иначе бы, кажется, Несторъ пролитіе крови не назвалъ оскверненіемъ земли. Въ другомъ мѣстѣ Несторъ говоритъ яснѣе: «Иде Володимеръ на Ятвяги, и побѣди Ятвяги, взя землю ихъ, и иде Киеву, и творяще потребу кумиромъ съ людьми своими. И рѣша старци и бояре: мчемъ жребни на отрока и дѣвицу, на кого же падеть, того зарѣжемъ

761), какъ что обѣщанное: о жертвахъ по обѣщанію упоминаютъ многіе современники.

¹ Они употребительны у многихъ Славянъ *жертва* (жртва) почти у всѣхъ югозападныхъ (извѣстно было и *Вацераду*. 231); *жаризна*—у Поляковъ (*zarzyzna*) и Словаковъ. Сравни *жаровище* (по *Вацераду*—*riga, rogum*. 230). *Жрѣти* одного корня съ *горѣти*, по обычному смягченію: въ *жс* (гоить-жить; горло-жерло: горы-жары (Словац.), *galbns* Лат.), *gelb* (Нѣм.)—желтый; *glans, glandis* (Лат.)-желудь; *galle* (Нѣм.)-желчь; *ganpe* (Лат.)-жена и пр.

² *Ибнъ Фоцланъ*. 15, 17.

богомъ. Бяше Варягъ единъ—держаше вѣру хрестьянську, и бѣ у него сынъ красенъ лицомъ и душою, на сего паде жребви.... Рѣша пришедше посланни къ нему, яко паде жребіи на сынъ твой, изволиша бо и божи собѣ, да сотворимъ потребу богомъ. И рече Варягъ: не суть бо божи, но древо.... не дамъ сына своего бѣсомъ. Они же шедше повѣдаша людемъ; они же вземше оружье, поидоша нанъ, и розьяша дворъ около его; онъ же стояше на сѣнехъ съ сыномъ своимъ.... И посѣкоша сѣни подъ нима, и такъ побяша я»¹. Митрополитъ Иларіонъ подтверждаетъ существованіе человѣческихъ жертвъ у Русскихъ выраженіемъ: «уже не заколаемъ бѣсомъ другъ друга»². Были человѣческія жертвы и у Поляковъ, какъ знаемъ изъ Длугоша: въ жертву приносились—по его словамъ—люди, взятые въ плѣнъ на войнѣ³. Объ обычаѣ приношенія въ жертву людей у Балтійскихъ Славянъ говоритъ Титмаръ: этими жертвами Лютичи думали утишать гнѣвъ боговъ⁴. То же говоритъ и Гельмольдъ: въ жертву приносили христіанъ въ надеждѣ, что такими возношеніями можно радовать боговъ, и по жребію назначали, кто долженъ быть принесенъ въ жертву. Святовиду приносилась такая жертва ежегодно, и жертвоприношеніе совершалось жрецомъ⁵. Гельмольдъ, Адамъ Бременскій и другіе нѣмецкіе лѣтописцы рассказываютъ и нѣсколько случаевъ принесенія въ жертву людей. Такъ принесенъ былъ въ жертву Годескалкъ вмѣстѣ со многими другими и пресвитеромъ Эпнономъ; такъ и епископъ Іоаннъ, взятъ будучи въ плѣнъ, былъ битъ палками; потомъ возимъ съ поруганіемъ по городамъ, и наконецъ, не отрехшись отъ Христіанства, въ Ретрѣ умерщвленъ: ему оторвали руки и ноги, бросили на улицѣ, а голову принесли въ жертву Радагасту, какъ знакъ побѣды; такъ богамъ принесены были въ жертву изувѣченные члены священниковъ и монаховъ, скрывавшихся въ церквахъ послѣ раззоренія Мельдора⁶.—Изо всего этого видимъ, что въ жертву

¹ Несторъ, 35.

² Иларіонъ. ib 235

³ Длугошъ. V, 9.

⁴ Титмаръ, VI, 17.

⁵ Гельмольдъ. I, 52. II, 12. Анонима Chr. slav. ib. 211.

⁶ Гельмольдъ. I 23. II, 12. Адамъ. Брем. IV. 12, 167. Срав. Гельмольдъ, I 23. Петерсенъ De Dansker toge til Venden. II. 3. въ Annaler for Nordisk oldkyndighed. Kiöbenhavn 1838. 11. Ср. Гельмольдъ I. 16.

приносили такихъ людей, которыхъ можно было не жалѣть, на пр. плѣнныхъ и христіанъ,—что, впрочемъ, жребій большою частію рѣшалъ, кому быть принесеннымъ въ жертву, и что иногда выборъ падалъ на юношей и дѣвицъ. Такое жертвоприношеніе не могло не соединиться съ торжественнымъ обрядомъ, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онъ повторялся ежегодно. Въ жертву приносима была иногда только голова человѣка¹. Замѣтимъ, еще, что человѣческими жертвами Славяне воображали смягчать гнѣвъ боговъ и украшали религиозныя торжества послѣ войны или битвы. На это нельзя не обратить вниманія: смерть человѣка одного или многихъ, на полѣ боя или на одрѣ болѣзни, всегда религіей Славянской вызывала смерть другого человѣка или и многихъ; послѣ битвы или войны приносили людей въ жертву, при погребеніи человѣка умершаго лишали также людей жизни. Источникъ того и другого обычая долженъ быть одинъ и тотъ же. Славянинъ боялся будущаго посмертнаго,—столько же боялся своихъ грѣховъ, сколько и смерти насильственной (можетъ быть, по невозможности къ ней приготовиться): то и другое готовило ему посмертное мученіе; но съ боязнію соединялась у него надежда на благость боговъ, на возможность ихъ умилишить очищеніемъ, и это очищеніе вѣра ихъ находила въ погибели животныхъ и другихъ людей. О такой жертвѣ очищенія разсказываетъ Левъ Діаконъ: «Какъ скоро наступила ночь и явилась полная луна на небѣ, Руссы вышли въ поле, собрали всѣ трупы убитыхъ къ стѣнѣ и на разложенныхъ кострахъ сожгли ихъ, заколовъ надъ ними множество плѣнныхъ и женщинъ; а совершивъ эту кровавую жертву, погрузили въ струи Истра младенцевъ и пѣтуховъ, и такимъ образомъ задушили»². Если можно повѣрить, что была жертва очищенія, жертва задушная, а въ этомъ кажется сомнѣваться нельзя, то надобно признать такой жертвой и погребальное торжество, какъ его описываетъ Ибнъ-Фоцланъ. «Если умеръ кто изъ знатныхъ — говоритъ онъ—то его родные спрашивали у дѣвущекъ и отроковъ, кто изъ нихъ хочетъ умереть съ нимъ, и кто подалъ разъ свой голосъ, тотъ уже не могъ отступиться. По большей части это дѣлали дѣвушки. Для обряда сожженія назначалась лодка, которую ставили на

¹ *Бершарди*, Bausteine zur slaw. Mith. II, Jahrbücher für Slav. Lit. 1843. 391—392.

² *Левъ Діаконъ*. IX. 6

вбитыя въ землю бревна, между тѣмъ какъ вокругъ стояли большіе деревянные идолы, съ человѣкообразными фигурами, такъ что лодку тащили на бревна мимо ихъ. На лодку ставили нары, для того, чтобы на нихъ одѣвать мертваго. Одѣвши его въ богатое платье, вносили въ шатеръ, бывшій на лодкѣ, и сажали его тамъ, окруживъ яствами и питіями. За тѣмъ слѣдовало привесеніе въ жертву собаки, двухъ коней, двухъ быковъ, пѣтуха и курицы. Дѣвушка между тѣмъ приготовлялась къ смерти. Ее наконецъ раздѣвали, вводили въ шатеръ, и тамъ умерщвляли—задушали и потомъ зарѣзывали. Ближайшій изъ родныхъ долженъ былъ послѣ этого первый зажечь костеръ, за нимъ слѣдовали и другіе мужчины: каждый клалъ на костеръ по пылающему полѣну. Костеръ разгорался, — и ладья съ шатромъ, покойникомъ, дѣвушкой, со всѣмъ, что было въ ладѣ, сгорала¹ И всегда у Славянъ погребальный обрядъ сожженія сопровождался умерщвленіемъ не только животныхъ, но и людей; если же кого другаго, то по крайней мѣрѣ женщины, жены или наложницы². Для погибавшаго была надежда, что онъ этимъ пожертвованіемъ открывалъ себѣ дорогу въ рай; такая же надежда была и для родныхъ покойника, вѣровавшихъ, что этими жертвами очищается душа его отъ грѣховъ. Вотъ почему даже и послѣ, при совершеніи поминокъ по душѣ покойнаго, веселыя пѣсни и игры надгробныя предупреждаемы были смертію какого нибудь живаго существа, какъ это видимъ и изъ обычая, сохранившагося кое-гдѣ у Карпатскихъ горцевъ и у Хорутанъ, умерщвлять на могилѣ пѣтуха, барашка и т. п. Все это было для язычниковъ Славянъ жертвой очищенія. Въ послѣдствіи времени принесеніе въ жертву людей могло для нихъ соединяться съ какимъ нибудь другимъ понятіемъ, напр. съ понятіемъ долга истреблять враговъ, которые не могли не считаться и врагами божества; но не этимъ могъ начаться обычай, столь дикій и безнравственный. Нельзя предположить себѣ ни для какого народа никакого безнравственнаго обычая, который бы не оправдывался въ немъ причиною, хотя и ложно, сумазбродно понятой, но все-таки нравственной, согласной съ правилами народной нравственности.

¹ *Ильнъ Фоцланъ*. 11 - 21.

² *Маврикій* XI, 5. *Титмаръ*. VIII, 2 *Масуди*. 317 и пр.

IV.

Гаданія составляли стольже необходимую принадлежность богослуженія Славянскаго, какъ молитвы и жертвоприношенія. Полный вѣры и надежды на защиту и помощь божества во всѣхъ своихъ дѣлахъ, Славянинъ считалъ себя въ правѣ прибѣгать къ нему съ просьбою раскрывать ему свою волю и его будущее, подавать ему совѣтъ или повелѣнїе, какъ онъ долженъ дѣйствовать, ограждать его рѣшимость своимъ словомъ или знакомъ, чтобы онъ въ своемъ начинанїи зналъ впередъ, можетъ или не можетъ ожидать успѣха. Обряды гаданїй основывались на вѣрованїи, что божества и безъ воли человѣка раскрывали ему будущее. Множество преданїй дошло до насъ о древнихъ языческихъ гаданїяхъ Славянъ, но не всѣ намъ извѣстные роды гаданїй принадлежали къ обрядамъ богослуженія. Они могли умножаться непрерывно, даже и послѣ паденія язычества, хоть и совершенно въ его духѣ; религія же освящала очень немногіе. Я буду говорить здѣсь только объ этихъ послѣднихъ.—Гадаю о будущемъ, Славянинъ язычникъ допрашивалъ божество—во-первыхъ, о томъ, быть ли чему или не быть, дѣлать ли ему что или не дѣлать,—во-вторыхъ, о томъ, чему именно быть, что именно онъ долженъ дѣлать. Отвѣтъ на первый вопросъ былъ коротокъ: да или нѣтъ, и могъ быть разгадываемъ изъ различныхъ, очень не сложныхъ знаковъ; отвѣтъ на второй вопросъ долженъ былъ разгадываться изъ знаковъ гораздо болѣе сложныхъ, и чѣмъ кратче, неопредѣленнѣе выражался, тѣмъ болѣе зависѣлъ въ своемъ объясненїи отъ воли объясняшаго.

Само собою разумѣется, что гаданье перваго рода употреблялось гораздо чаще. Оно-то было гаданьемъ по жребїю¹. Распространенное во время язычества, оно и доселѣ составляетъ у простаго народа Славянскаго очень важную часть суевѣрїй. Объ одномъ изъ способовъ гаданья по жребїю рассказываетъ Титмаръ, какъ о составлявшемъ часть богослуженія въ храмѣ Регскомъ.

¹ Слово *Жрѣбїи* (жеребей, ждрижеби, ждрѣи и т. д.) собственно значить осколокъ (дерева, желѣза), и потомъ уже стало употребляться въ смыслѣ части, удѣла, и т. п. Сравни. *Шимкевича*. Корнесплов. I. 2. *Добровскаго* Грамм. Слав. I. 167.

Жрецы сидѣли и, поочередно тайно шепча, со страхомъ рыли землю и разгадывали по встрѣчаемымъ признакамъ, что должно случиться; потомъ покрывали найденные жребіи зеленымъ дерномъ¹. Это напоминаетъ гадальную игру Русскихъ дѣвушекъ, называемую «лапки»: въ небольшую яму сбрасываютъ всякаго роду соръ, и между прочимъ двѣ заячьи лапки; потомъ ищутъ этихъ лапокъ, — кто найдетъ, тому счастье. О двухъ такихъ способахъ гаданья упоминаетъ Саксо грамматикъ: Руяне гадали тремя деревянными щепочками, на которыхъ одна сторона была бѣлая, а другая черная: та означала удачу, а эта неудачу. Женщины у нихъ гадали, сидя у очага и чертя безъ счету по пеплу случайныя черты: если потомъ насчитывали ихъ четъ, это предсказывало счастье, если же нечетъ, то бѣду². Первый изъ этихъ двухъ способовъ былъ въ обычаѣ и у Штетинявъ, какъ знаемъ изъ жизнеописаній св. Оттона Бамбергскаго: они гадали по деревяннымъ дощечкамъ объ удачѣ морскихъ битвъ, — по введеніи Христіанства, не смотря на сопротивленіе нѣкоторыхъ, это гаданье совершенно было оставлено³. Подобное гаданье было и у Чеховъ, какъ видимъ изъ пѣсни Краледворской рукописи о битвахъ съ Татарами: *i na dli trest crnu poloziču, i iu na duie polie rozseriču, pruei pole Kublai imie wzdieču, vterei polie krali-imie wzdieču, vetchimi slovesi nad sim wzpieču. Posieču trsti spolu voieuati, i trest kublaiena swicezise*⁴. Что касается до втораго изъ гаданій, описанныхъ Саксономъ грамматикомъ, то что-то подобное употребляется и до сихъ поръ у Русскихъ, сохраняется вмѣстѣ съ вѣрованіемъ, что зола есть символъ зла⁵. Къ этого же рода гаданьямъ принадлежали гаданья по священной чашѣ или рогу: объ отгадываньи урожая на слѣдующій годъ по убыли и неубыли вина въ рогѣ Святювида рассказываетъ Саксо грамматикъ; о гадательныхъ золотыхъ чашахъ въ континахъ Штетинскихъ пишетъ Сефридъ⁶. Подобнаго рода были гаданья водою на рѣшетѣ, въ чашѣ и проч: они сохранились у Русскихъ и были въ старое время у Поляковъ⁷. Были такого

¹ *Титмаръ*. VI, 17.

² *Саксо грам.* 827—828.

³ *Сефридъ*. 108

⁴ *Краледвор. пѣсь* III. 54—60.

⁵ *Сахаровъ*. ib II, 14.

⁶ *Саксо грам.* 824. *Сефридъ*. 105.

⁷ *Сахаровъ*. II, 65, 68, 69. *Вишневецкій*; *Hist. Lit. Pol.* I, 274—275.

рода религиозныя гаданья и по жертвамъ: о нихъ упоминаетъ Проконій, — и въ преданіяхъ Русскихъ сохраняется о нихъ воспоминаніе вмѣстѣ съ уваженіемъ, какое питаютъ кудесники къ печени, къ дыму, къ куреньямъ ¹. — Къ гаданьямъ по жребію должно причислить и гаданья конями. Въ Ретрѣ оно производимо было, по описанію Титмара, такъ: — «Выводили коня, который былъ очень великъ и считался священнымъ. Съ благоговѣнною покорностію вели его черезъ вбитыя въ землю острія двухъ копій, перекинутыхъ одно на другое, и совершивши прежде гаданье по жребію (рытьемъ земли), гадали опять, помощію этого какъ бы вдохновеннаго коня, о томъ же, что хотѣли узнать посредствомъ жребіевъ. Если въ томъ и въ другомъ случаѣ предсказывалось одно и то же, то загаданное должно было исполниться; если же нѣтъ, то печальный народъ совершенно оставялъ свое предпріятіе» ². Иначе совершалось это гаданье въ Арконѣ конемъ Святовида, какъ узнаемъ изъ Саксона грамматика: «Если думали начать войну съ какою нибудь областію, то жрецы передъ храмомъ втыкали въ землю наконечниками копья, связанныя попарно крестъ-на-крестъ въ три ряда, въ равномъ одинъ отъ другаго разстояніи. Жрецъ, совершивши торжественное моленіе, велъ къ нимъ коня, изъ воротъ храма за узду, и если конь переходилъ чрезъ копыя прежде правую, а потомъ уже лѣвою ногою, то это считалось счастливымъ предзнаменованіемъ для войны; если же хотъ разъ двинулъ лѣвою ногою, прежде нежели правую, то задуманное предположеніе измѣнялось. Равно и морской походъ считали безопаснымъ не прежде, какъ если три раза сряду предсказывалась удача» ³. Еще иначе описано гаданье конемъ бывшее въ обычаѣ у Штетинянъ: — «Если Штетиняне замышляли сухопутный походъ противъ непріятелей или какой наѣздъ, то разгадывали удачу дѣла обыкновенно такъ: — клали на землю девять копій на локоть одно отъ другаго; жрецъ, смотрѣвшій за конемъ, осѣдлавши и взнуздавши его, велъ за узду черезъ лежащія копыя три раза взалъ и впередъ. Если конь проходилъ не спотыкаясь и не трогая копій, то это почиталось счастливымъ знакомъ, и походъ былъ начи-

¹ Проконій. III, 14. Сахаровъ. II, 10, 13

² Титмаръ. VI, 17. Выписку изъ Chronica August. см. у Гримма Deut. Mith. II 628.

³ Саксо грам. 826—827.

наемъ; если же конь трогалъ копыя ногою, то походъ былъ отлагаемъ»¹. Хотя три приведенныя описанія и различны въ нѣкоторыхъ частныхъ обстоятельствахъ; но обычай и форма гаданья, видимо, были всюду одни и тѣ же; и хотя всѣ три описанія касаются сѣверо-западныхъ Славянъ, но изъ этого еще не слѣдуетъ заключать, что только у нихъ однихъ и былъ обычай гаданья конемъ; есть, напротивъ, слѣды этого обычая и у другихъ Славянъ. Такъ между прочимъ былъ онъ и у Русскихъ: Морошкинъ нашелъ его слѣды въ губерніяхъ Ярославской и Костромской; Снегиревъ и Сахаровъ также упоминаютъ объ обычаяхъ гаданья конемъ во время святочныхъ гаданій². Русскія дѣвушки, гадая о суженомъ, выводятъ лошадей изъ конюшни черезъ оглоблю или черезъ жердь,—и если лошадь зацѣпитъ за оглоблю или за жердь ногами, то мужъ будетъ сердитый, а житье несчастное; если же перейдетъ, не зацѣпивъ, то мужъ будетъ смиренный, и житье счастливое. Садятся также на лошадь, и, завязавъ ей глаза, даютъ волю идти: куда она пойдетъ, въ той сторонѣ и быть дѣвицѣ замужемъ. Русскіе гадали также, подобно Нѣмцамъ, и по ржанью коня³. Кромѣ всѣхъ этихъ гаданій по жребію были, вѣроятно, и многія другія, судя потому, что въ суевѣріяхъ народныхъ осталось очень много способовъ гаданья, и хотя не всѣ остались они отъ временъ язычества, но все же многіе не могли имѣть другаго источника.

Очень мало можно сказать о гаданьяхъ, въ которыхъ волю божества хотѣли узнавать не по какому нибудь жребію, одному изъ двухъ противоположныхъ, а въ положительномъ отвѣтѣ, одномъ изъ многихъ возможныхъ. И они, впрочемъ, были въ употребленіи у Славянъ. Это видно уже изъ того, что, какъ говоритъ Гельмольдъ, жрецъ принося жертву, пилъ кровь ея, чтобы возбудить въ себѣ предсказательную силу⁴: для гаданій по жребію это было излишне; при нихъ отъ жреца требовалась не какая нибудь особенная сила, а знаніе значеній жребія, если

¹ *Сэфридъ*. 107.

² *Морошкинъ* въ переводѣ *Рейца*, Истор. Рос. Закон. 1836. 352. *Сахаровъ*. II, 67. *Снегиревъ*. Рус. празд. II; 43 и 49. Сравни слова *жерьбии* и *жерьбиць*, (сл. *Jahrbücher für Slav. Lit.* 1843. 390.)

³ «О книгахъ истин. и лож.» у *Калайдовича*, Иоаннъ Экз. Болг. 211.

⁴ *Гельмольдъ*, I, 52. Сравни у *Иларіона* «жертвенныи врое вкушающе погибаемъ». ib. 236.

только и это знаніе не было общимъ для всего народа,—или участіе при совершеніи обряда для большей увѣренности гадавшихъ, что все дѣлалось по предписаніямъ религіи; здѣсь, напротивъ, нуждаясь въ силѣ предсказательной, жрецъ конечно готовился угадывать по такимъ признакамъ, которые могли быть поняты различно или не поняты совсѣмъ, слѣдовательно не по жребію. Кромѣ этого вывода есть и нѣсколько положительныхъ доказательствъ о существованіи обряда гаданій по предсказаніямъ. Такъ Масуди упоминаетъ, что одинъ изъ храмовъ Славянскихъ былъ славенъ настройками, сдѣланными въ его куполѣ для наблюденій восхожденія солнца, камнями тамъ вставленными, знаками тамъ начертанными и обозначающими тамъ будущее; происшествія предсказанныя этими камнями прежде, чѣмъ они случились ¹. Это сходно съ тѣмъ, что читаемъ въ Стоглавѣ: «волхвы и по звѣздамъ и по ланитамъ (планидамъ) глядятъ»,— и вообще есть до сихъ поръ у Славянъ нѣсколько способовъ гаданья по солнцу, мѣсяцу, звѣздамъ. Несторъ рассказываетъ, какъ волхвы предсказали смерть Олегу:—«Призва Ольгъ волхвы своя и рече имъ: скажите ми, что смерть моя. Они же рѣша смерть твоя отъ любимаго твоего коня, и пр.» ² Нѣсколько подобныхъ предсказаній записано лѣтописцами въ позднѣйшее время. О такихъ же предсказаніяхъ говоритъ и Козьма Пражскій: такъ говоритъ онъ, что Любуша была прорицательница, предсказала многое своему народу, и за это выбрана была правительницей; она предсказала и будущее величіе Праги; такъ онъ говоритъ и еще объ одной прорицательницѣ, къ которой обращались съ совѣтомъ, что сдѣлать, чтобы побѣдить непріятели, и она предсказала побѣду, если исполнена будетъ воля боговъ ³. Нельзя здѣсь забыть и повѣрья, что кукушка предсказываетъ, сколько кому лѣтъ жить. Оно распространено у всѣхъ Славянъ, и во время языческое имѣло чисто религіозный смыслъ, какъ знаемъ изъ хроники Прокоша, который, упоминая о немъ, прибавляетъ, что, по понятію язычниковъ, въ эту птицу превращалась богиня жизни Жива ⁴. Правда, что ни одно изъ этихъ свидѣтельствъ не говоритъ о предсказаніяхъ, какъ о религіозномъ

¹ Масуди. 320.

² Новгород. Лѣт. М. 1781. 9.

³ Козьма Праж. 11, 20, 27.

⁴ Прокошь. 113.

обрядѣ; но изъ словъ Гельмольда, приведенныхъ выше, это видно ясно,—и заключеніе, что такіе обряды существовали, не должно, думаю, казаться натянутымъ. Для того же, чтобы дознаться о характерѣ и формѣ обряда, нужно, за неимѣніемъ свидѣтельствъ современныхъ, обратить вниманіе на приемы, употребляемые нынѣшними Славянскими знахарями, ворожеями и колдунами и сравнить ихъ между собою. Къ сожалѣнію это теперь невозможно, потому что мало еще свѣдѣній собрано объ этомъ любителями народностей.

Говоря о гаданьяхъ, нельзя опустить изъ виду и вопроса: при какихъ случаяхъ они употреблялись, что ими рѣшалось. Разсматривая свидѣтельства, принадлежащія къ рѣшенію этого вопроса, замѣчаемъ, что гаданія, въ понятіи язычниковъ Славянъ, составляли чрезвычайно важную часть богослуженія, имѣя огромное вліяніе на жизнь и частную и общественную. Гаданьемъ рѣшалось все важное для каждаго человѣка и для цѣлаго народа, даже и назначеніе обрядовъ богослуженія. Храмы и божества, которымъ въ нихъ поклонялись, были чтимы тѣмъ болѣе, чѣмъ болѣе было въ народѣ вѣры къ прорицаніямъ, тамъ совершаемымъ: эта сила прорицаній заставила Славянъ уважать особенно Радагаста Ретрсаго и Святовида Арконскаго, давая жрецу послѣдняго такую важность, что отъ него считались зависящими и народъ и князя¹. Понятіе о важности гаданій и гадателей осталось понынѣ. Помощію гаданія узнаютъ виноватаго. Поселянинъ по жребію рѣшаетъ спорныя дѣла въ семьѣ; въ деревняхъ, на мирской сходкѣ, по жребію выбираютъ въ рекруты; въ городахъ рѣшали по жребію жениховъ для дѣвушекъ,—и старожилы еще запомнятъ, какъ Москвичи хаживали съ жребіями въ церковь Миколы Голстунскаго². О выборѣ невѣсты по жребію читаемъ и въ Словѣ о полку Игоревомъ: «на седьмомъ вѣцѣ Трояни врьже Всеславъ жребій о дѣвицю себѣ любу»³. Выборъ людей во что нибудь по жребію оставался долгое время очень обыкновеннымъ⁴. Судъ по жребію былъ также обыченъ у Славянъ, особенно судъ божій⁵. И здѣсь, какъ и всюду, гдѣ

¹ Гельмольдъ. I, 21. II, 12.

² Сахаровъ. II, 9—10.

³ Рус. Достопамят. III. 186.

⁴ Снегиревъ, Рус. пословицы. III. 217.

⁵ Мацьковский, Hist. prawodawstwa Slow. II. 179—187. Снегиревъ, ib. III. 213—216.

жребій имѣлъ религіозное значеніе, видно не равнодушіе къ рѣшенію случая, а желаніе предоставить высшей волѣ то, что выше воли человѣческой. Гаданьемъ рѣшали предпріятія общественныя, походы и битвы сухопутныя и морскіе: это видѣли мы въ описаніяхъ гаданья конемъ и въ нѣкоторыхъ другихъ. Гаданьемъ назначались дни богослужебныхъ празднествъ, какъ знаемъ изъ Гельмольда; гаданьемъ назначалось и принесеніе жертвъ божествамъ, какъ знаемъ изъ Константина Порфироданаго, Титмара, Нестора и Гельмольда ¹.

V.

Разсмотрѣвши въ частности формы богослуженія, остается обозрѣть общій ходъ богослуженія и при этомъ обратить вниманіе еще на нѣкоторыя подробности, которыя не могли войти въ предъидущее изслѣдованіе,— между прочимъ на пиры и игры, обыкновенно слѣдовавшіе за торжественнымъ исполненіемъ обрядовъ богослуженія.

Замѣчая, что входъ въ храмъ не былъ запрещенъ только жрецу и желавшимъ приносить жертвы или узнавать волю боговъ, Адамъ Бременскій и Гельмольдъ даютъ, кажется, знать, что приносить жертвы и совершать гаданія можно было всегда, когда только находили нужнымъ ². Изъ описанія жертвоприношеній видно также, что для нихъ не всегда назначалось какое нибудь особенное время, что, напротивъ, они совершались всегда, когда нужно было благодарить или умиловать боговъ, напр. послѣ битвы, послѣ похода; при погребеніи мертваго и т. д. Впрочемъ, хотя эти жертвоприношенія и были совершаемы торжественно, однако, не принадлежа къ обрядамъ постояннымъ, ожидаемымъ всѣмъ народомъ, могли не сопровождаться всѣми условіями обрядности. Были и другіе обряды, были религіозныя празднества,— и на нихъ-то надобно обратить вниманіе, чтобъ видѣть ходъ богослуженія.

¹ Гельмольдъ. I, 53. II, 12. Титмаръ. VI, 17. Константинъ Порфир. 9. Несторъ. 35.

² Гельмольдъ. I, 83. Адамъ Брем. II, 11.

Такия празднества должны были быть совершаемы въ определенное время, повторяясь въ тѣ же дни, въ одномъ и томъ же мѣстѣ. Такъ въ определенное время праздновались Коляда и Купало, что продолжается и теперь; такъ праздникъ Яровита и праздникъ Живы приходились въ маѣ, праздникъ Святoviда Арконскаго осенью послѣ жатвы, и пр¹. Очень неумудрено, что кромѣ праздниковъ главныхъ, всенародныхъ, были и праздники мѣстные, что въ каждомъ приходѣ или святилищѣ были свои, и что служеніе совершалось довольно часто. Передъ совершеніемъ празднества жрецъ—говоритъ Гельмольдъ—возвѣщалъ о служеніи божеству, узнавши волю боговъ посредствомъ гаданія². . . Это замѣчаніе можно понимать различно: жрецъ могъ узнавать волю божества и о времени совершенія обряда, и о составѣ самого обряда. Возможность втораго смысла доказывается тѣмъ, что, какъ мы видѣли, гаданьемъ не рѣдко опредѣляли, что приносить въ жертву; возможность перваго смысла столь же очевидна, если вспомнимъ, что празднества повторялись ежегодно въ определенное время, и что слѣдовательно нужно было знаніе жреца, чтобы опредѣлить день праздника на основаніи условій календарныхъ, которыя не могли не существовать во время язычества, оставшись въ народѣ, какъ слѣдъ язычества, и до нашего времени. Какъ бы то ни было, когда время служенія было извѣстно, то народъ собирался къ святилищу,—не одни мужчины, но жены и дѣти, какъ говорятъ Несторъ, Гельмольдъ и Длугошъ³. Молились, приносили жертвы, узнавая прежде волю боговъ о томъ, что должно быть принесено въ жертву, и совершали гаданья о своемъ будущемъ. Первоприсутствующимъ оставался при этихъ обрядахъ жрецъ, какъ совершатель и хранитель таинствъ вѣры: обряды были двухъ родовъ: одни совершались въ святилища, другіе въ самомъ святилищѣ,—и эти послѣдніе въ своемъ составѣ представляются чѣмъ-то въ родѣ молебна, сопровождаемаго пѣніемъ, возношеніями, прорицаніями, увѣщаніями и пр. О всемъ этомъ свидѣтельства современниковъ приведены уже были выше, и изъ нихъ самыя подробныя принадлежатъ Дитмару, Гельмольду и Саксону грамматика. Не нужнымъ считаю повторять ихъ; не могу, однако, не слѣлать выписки изъ сказанія Саксона грамматика о праздникѣ

¹ Гизебрехтъ, ib. I. 85.

² Гельмольдъ I, 53.

³ Несторъ. 34 39. Гельмольдъ. I, 53. Длугошъ V, 9.

Арконскомъ, какъ изъ единственнаго подробнаго описанія всего обряда, тѣмъ болѣе, что въ прежнихъ статьяхъ можно было вспоминать о немъ только по частямъ. «Торжественное служеніе Святovidу совершалось—говоритъ Саксо—такимъ образомъ. Ежегодно послѣ жатвы собирались жители всего острова передъ храмомъ, приносили жертвы и праздновали именемъ вѣры общественный пиръ. Жрецъ, за день предъ тѣмъ, какъ долженъ былъ совершать служеніе, тщательно выметалъ вѣникомъ внутреннюю часть храма, въ которую одинъ имѣлъ право входить, и старался при этомъ не дышать внутри святилища. На другой день передъ народомъ, собравшимся у вратъ святилища, жрецъ бралъ изъ руки идола рогъ, и если находилъ, что напитокъ въ немъ убыло, то предсказывалъ бесплодный годъ, а если напитокъ оставался какъ былъ, то предвѣщалъ урожай. Согласно съ этимъ предзнаменованіемъ, онъ совѣтовалъ народу быть щедрѣе или скупѣе въ употребленіи хлѣба. Потомъ онъ выливалъ старый напитокъ къ ногамъ идола, въ возмѣненіе ему; наполнялъ рогъ свѣжимъ и, почтивъ идола, какъ будто онъ долженъ былъ пить прежде жреца, просилъ торжественными словами счастья себѣ и отечеству и гражданамъ обогащенія и побѣдъ. Окончивши эту мольбу, онъ осушалъ рогъ однимъ разомъ и, наполнивши опять, клалъ въ руку идолу. Къ этому возношенію принадлежалъ еще пирогъ сладкій, круглый и такой величины, что въ вышину былъ почти въ ростъ человѣка.... Вѣрили, что обрядъ возношенія пирога способствуетъ не только счастью народа, но и обилію слѣдующей жертвы. Потомъ жрецъ привѣтствовалъ народъ во имя бога и увѣщевалъ его ревностно приносить ему жертвы, обѣщая, какъ вѣрную награду за богопочитаніе, побѣды на сушѣ и въ морѣ. По совершеніи всего этого, остальная часть дня посвящалась пиршеству, на которомъ употреблялись жертвы, и долгомъ считали объѣдаться, почтвая воздержность за стыдъ»¹. Саксо грамматикъ въ этомъ описаніи, забывъ дать мѣсто, принадлежавшее жертвоприношеніямъ, опустилъ изъ виду и гаданья, которыя совершались во время богослуженія, какъ ясно видно изъ свидѣтельствъ Титмара и Гельмольда. Съ другой стороны описаніемъ двухъ возношеній, какъ имѣвшихъ для язычниковъ важное и таинственное значеніе, онъ заставляетъ предполагать, что если при служеніи Святovidу Арконскому были въ употребленіи только эти два, то въ другихъ случаяхъ употреблялись и другіе подобныя, съ

¹ Саксо грам 824—825

такимъ же значеніемъ. Это предположеніе отчасти подтверждается словами Гельмольда, что формы идолопоклонства были у Славянъ разнообразны, равно какъ и ихъ суевѣрія ¹.

За совершеніемъ религіознаго обряда слѣдовали общенародныя пиршества: это замѣтили и Гельмольдъ, и Саксо грамматикъ, и жизнеописанія св. Оттона Бамбергскаго ². Они совершались у самого святилища, и при нѣкоторыхъ святилищахъ были особенныя храмины, въ которыхъ пировали люди болѣе знатныя. Такое назначеніе имѣли три контины, находившіяся при Штетинскомъ храмѣ Триглава: въ нихъ были кругомъ сѣдалища и скамьи, и во время пира брались въ нихъ изъ храма чаши, рога для питья, ножи и пр ³. Принесенныхъ жертвъ было, можетъ быть, иногда не достаточно для накормленія множества народа, а потому приготавлиемы были и собираемы другія яства. Обычай собиранія яствъ въ общенародныя языческіе праздники уцѣлѣлъ и до сихъ поръ, напр. въ колядованьи, шедрованьи, и т п ⁴. Что эти пиры имѣли религіозный характеръ, видно изъ словъ Саксона грамматика, замѣтившаго, что пиръ, бывавшій во время осенняго торжества Арконскаго, совершался «именемъ вѣры». По этому—то на нихъ поминали боговъ, пили за здравіе кубки о славѣ божіей, о помощи боговъ спасителей противъ бога зла, о будущемъ счастья народа. Ясно говоритъ объ этомъ Гельмольдъ, замѣчая и заклинанія злаго духа ⁵. Такъ же ясно говоритъ и Христолюбецъ въ своемъ словѣ: «егда же будетъ у кого пиръ, тогда же кладутъ въ вѣдра и в чашю и тако піют о долѣхъ своихъ ⁶». Обычай пить, какъ выражаются Сербы, «здравицы» сохранился у Славянъ и теперь, сохранивши отчасти и свое религіозное значеніе ⁷.—Къ празднованію пировъ принадлежали пѣсни и музыка, какъ это уцѣлѣло и до сихъ поръ. О такихъ пѣсняхъ и играхъ вспоминають Христолюбецъ въ своемъ словѣ, жизнеописанія св. Оттона и другіе ⁸.

¹ Гельмольдъ I, 53, 84.

² Гельмольдъ. I, 52 Сефридъ 105.

³ Сефридъ. 105.

⁴ Когда собирають яства, ходя отъ дома къ дому.

⁵ Гельмольдъ I, 53.

⁶ Востокова Опис. р Рум. М. 228.

⁷ В. С. Караджичъ, Српске пјесме I. 77 и слѣд. Срав. по этому случаю замѣчанія *Бернарди*, *jahrbücher für Slaw. Lit.* 1843. 237.

⁸ Востокова, *ib.* 229.

По окончаніи обѣда, начинались игрища, состоявшія въ пляскѣ переряживаніи, разныхъ представленіяхъ, бояхъ и т. п. Привожу здѣсь о такихъ игрищахъ важнѣйшія свидѣтельства, которые сами собою безъ объясненія показываютъ ихъ характеръ. Объ игрищахъ у Русскихъ язычниковъ говорятъ Несторъ: «схожахуся на игрища, на плясанье и на вся бѣсовская игрища. ¹» Игрища эти продолжались и по принятіи Христіанской вѣры: «Се бо не поганьски ли живемъ—говоритъ тотъ же Несторъ: дьяволъ льститъ превабляя ны отъ Бога трубами и скоморохи, гусльми и русальми: видимъ бо игрища утолочена и людей много множество, яко унихати начнутъ другъ друга, позоры дѣюще, а церкви стоятъ; егда же бываетъ годъ молитвы, мало ихъ обрѣтается въ церкви ²». Христолюбецъ въ своемъ словѣ увѣщеваетъ, что «не подобаетъ крестьяномъ игорь бесовскихъ играти, иже естъ плясба, гульба, пѣсни бѣсовскыя и жертва идольская» ³. О тѣхъ же игрищахъ упоминаетъ Кириллъ Митрополитъ въ правилахъ: «пакы же увѣдѣхомъ, бѣсовская еще дѣржаще обычая треклятыхъ Елинъ въ божественныя праздники позоры нѣкакы бѣсовскыя творити, съ свистаніемъ и съ кличемъ и възплемъ съзываютъ нѣкы скарѣдныя пьяница и бьющеса дреколіемъ до самыя смерти и възимающе отъ убиваемыхъ порты» ⁴. Лѣтописи говорятъ, что Новгородцы уже въ 1318 году «утвердились между собою крестнымъ цѣлованіемъ игранія бѣсовскаго не любити и бочекъ не бити» ⁵. Но языческіе обычаи этимъ не кончились: они вездѣ въ Россіи продолжались еще очень долгое время. Такъ Памфилъ, въ посланіи къ намѣстнику Псковскому, при описаніи Купальскаго празднества, говоритъ и объ игрищахъ: «Егда не весь градъ возматется и въ селѣхъ возбѣятся въ бубны и соубли, и гуденіемъ струннымъ, и всякими неподбными играми сатанинскими, плесканіемъ и плясаніемъ, женамъ же и дѣвамъ и главами киваніемъ, и устнами ихъ неприязненъ кличь,

¹ Несторъ. 6.

² Несторъ. 73.

³ Востоковъ. ib. 228.

⁴ Рус. Достовам. I. 114.

⁵ Арцыбышева, Повѣствованіе о Россіи. II. 235. Въ Зильской долинѣ, въ Карингіи, сохраняется отчасти до сихъ поръ странный обычай бить бочки, какъ принадлежность храмоваго празднества.

всѣ скверныя пѣсни, и хребтомъ ихъ вихляніе и погамъ ихъ скаканіе и топтаніе»¹. Объ обычаяхъ религіозныхъ игръ у Славянъ Польскихъ упоминаетъ Длугошъ: «Въ честь боговъ—говорить онъ—введены игры въ опредѣленное время года. На нихъ толпы обоюго пола изъ деревень сходились въ города, и праздновали эти игры сладострастными, непристойными разговорами и жестами, кривляпьями, любовными пѣснями, хлопаньемъ и разными движеніями. И хоть вотъ уже пятсотъ лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ Поляки исповѣдуютъ Христіанство, по и доселѣ нѣкоторыя изъ этихъ игоръ остались въ обычаяхъ²». Объ играхъ, слѣдовавшихъ за религіозными празднествами у Балтійскихъ Славянъ, имѣемъ намекъ у Гельмольда³. Подробнѣе говорятъ о нихъ жизнеописанія св. Оттона Бамбергскаго, рассказывая, что Оттонъ въ своемъ путешествіи близъ Пирица встрѣтился съ толпою народа, торжествовавшей какое-то языческое празднество играми, пѣснями, сладострастными движеніями и сильнымъ крикомъ, изумившамъ путниковъ. Тамъ-же находимъ упоминаніе о празднествѣ Юлинскомъ въ честь какого-то бога, объ играхъ и пляскахъ, его сопровождавшихъ по обычаю язычества и т. п.⁴. О подобныхъ играхъ у Чеховъ, называемыхъ ими вообще «радованками», упоминаетъ Козьма Пражскій, рассказывая, что онѣ совершались и въ честь усопшихъ⁵.

Совершать празднества въ честь усопшихъ было въ обычаяхъ не у однихъ Чеховъ, а у всѣхъ Славянъ, оставаясь отчасти и доселѣ. Обрядъ погребальный, видимо, былъ также богослужебнымъ обрядомъ, сопровождавшимся молитвами и жертвоприношеніями, въ томъ-же родѣ какъ служенія послѣ битвы или войны, когда поминаемы были души павшихъ въ боѣ. Опираясь на вѣрованіи въ безсмертіе души, онъ былъ совершаемъ такъ-же весело и разнообразно, какъ и всякое другое религіозное празднество. Юрнандъ рассказываетъ, что «по смерти Атиллы,

¹ Карамзинъ II. Г. Р. VII. стр. 372

² Длугошъ. V, 9.

³ Гельмольдъ I, 52.

⁴ Сефридъ 60. Бертольдъ, Geschichte d. Rügen und Pommern I, 566. II. 35

⁵ Козьма Пражскій. 21.

рыщари его производили конныя ристанія вокругъ гроба, какъ въ циркѣ, и воспѣвали въ пѣсняхъ его подвиги; потомъ на его гробѣ праздновали большую «страву», какъ называютъ эти народы пирь, совершаемый въ такихъ случаяхъ, соединяя съ печалью радость»¹. Слово «страва» и до сихъ поръ извѣстно въ этомъ смыслѣ многимъ Славянамъ². Теофилактъ, описывая впаденіе Приска въ землю Славянъ, жившихъ на сѣверъ отъ Дуная, замѣтилъ, что онъ напалъ на князя Мусокія въ рас-
 плохъ, въ то время, когда князь этотъ, празднуя помины по своему братѣ, былъ пьянъ, а народъ его забавлялся пѣснями³.
 О тризнѣ по усопшимъ у Русскихъ поминаетъ Несторъ, говоря между прочимъ, что, совершая тризну по князѣ своему Малѣ, Древляне пили. Слово «тризна» въ смыслѣ поминовенія усопшихъ употребляется въ одномъ Старорусскомъ да еще у Вацерада въ его Чешскихъ глоссахъ⁴. Коренной смыслъ этого слова былъ другой; «тризна» значило бой, поединокъ, «тризнице»—мѣсто боя, а «тризникъ»—подвижникъ; «тризнити» въ Чешскомъ значитъ бить, а «тризновати» не только бить, но и насмѣхаться; въ Словацкомъ «трузнитися-тризнитися»—веселиться, играть⁵. Соображая всѣ эти значенія, можемъ заключить, что въ старину тризной называлось празднество, соединенное съ военными потѣхами. Съ тризной можно слѣдовательно сравнить русскую «радуницу» (видимо, отъ корня рад), названіе праздника поминокъ, который состоитъ доселѣ во многихъ мѣстахъ Россіи не только въ трапезѣ намогильной, но и въ играхъ⁶. Такъ и въ Бѣлой Руси сначала ѣдятъ и пьютъ на могилахъ, а потомъ идутъ въ корчму, пьютъ тамъ и пляшутъ⁷. У Поляковъ погребальный и поминальный пиръ называется «стура» (сред. Лат. *stips*): онъ соединяется также съ пѣснями и играми. Было время, что его принадлежностію бывали и поединки, какъ замѣчаетъ Старовольскій: «Widziałem wiele razy pogrzeby krwi oblane, z których zaraz po obiedzie wysyłano za umarłym dru-

¹ Горняндъ, De Getharnm origine et rebus gestis. 49.

² Линде, Słownik. III. 431—432.

³ Теофилактъ у Стриттера Мет. пор. II, 61.

⁴ Добровскій, Грам. Слов. I, 158. Вацерадъ. 228.

⁵ Несторъ. 6, 24, 29: тризна-тризно. Юшманъ, Słownik. IV. 664.

⁶ Снегиревъ, Рус. праздники. III, 47—54.

⁷ Голембѣвскій, Lud polski 269.

giego zabitego do nieba; aby oznajmil co za ludzie na stypie byli»¹. У Чеховъ также, по введеніи Христіанства, были въ обычаѣ какія-то представленія, которыя—какъ говоритъ Козьма Пражскій—совершались на перекресткахъ, какъ бы для успокоенія душъ, и игрища надъ мертвыми, во время которыхъ переряживались и всячески бѣсились². У Хорутанъ до недавнаго времени сохранялся обычай пировать надъ мертвымъ, ѣсть, пить, веселиться, пѣть пѣсни и пр.³.—Ограничиваюсь этими указаніями, имѣя въ виду только показать, что характеръ богослужебныхъ обрядовъ, и общихъ, и совершавшихся по какому нибудь особенному случаю, оставался постоянно одинъ и тотъ же: они всегда выражали то же вѣрованіе въ благость боговъ, ту же надежду на ихъ милость—и въ жизни и за гробомъ.

¹ Линде. V. 456.

² Козьма Пражскій. 197.

³ Вальвазоръ, Die Ehre H. Kraia. Laibach 1689 II 287—394.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Оканчивая мой опытъ, представляю въ общемъ перечисль главныя положенія, къ которымъ доводятъ частный разборъ свидѣтельствъ современныхъ и преданій касательно основаній и принадлежностей языческаго богослуженія древнихъ Славянъ.

I. Сравнивая свидѣтельства современныхъ и преданія о языческомъ богослуженіи Славянъ, замѣчаемъ, что всѣ они, къ какимъ бы Славянамъ ни относились, не представляютъ никакихъ существенныхъ противорѣчій, а только дополняютъ и объясняютъ одни другихъ взаимно. Изъ этого можно заключить, что главныя основанія и принадлежности языческаго богослуженія для всѣхъ Славянъ были одни и тѣ же. Не мудрено, что были и мѣстныя особенності, что и время со своей стороны имѣло вліяніе на измѣненіе многихъ обычаевъ богослуженія; но главныя черты его оставались всюду неизмѣнными.

II. Главнымъ основаніемъ богослужебныхъ обычаевъ Славянъ были положительныя догматы ихъ вѣры. Впрочемъ, съ помощію догматовъ, особенно въ томъ ихъ видѣ, какъ они теперь извѣстны, нельзя объяснить всѣхъ условій богослуженія: надобно вникнуть и въ ихъ соотношенія съ частными мифами, правилами нравственности, знаніями и понятіями древнихъ Славянъ. Къ сожалѣнію, при настоящемъ состояніи мифологіи Славянъ и изысканій объ образованности Славянъ въ періодъ язычества, это еще невозможно, тѣмъ болѣе потому, что на раскрытіе многихъ древнихъ свидѣтельствъ надѣяться нельзя, а изъ того, что уцѣлѣло отъ времени язычества въ народѣ, извѣстно въ этомъ отношеніи еще очень немного.

III. Святилищами богослуженія языческихъ Славянъ были: жертвенники, посвященные божествамъ стихійнымъ воды и огня, жертвенники горныя и лѣсныя, городища и — храмы. Жертвенники принадлежали преимущественно божествамъ земнымъ, храмы — исключительно богамъ небеснымъ и идолослуженію. Жертвенники занимали и мѣсто храмовъ тамъ, гдѣ не было храмовъ; изъ этого, однако, не слѣдуетъ, что храмы были только въ тѣхъ земляхъ Славянскихъ, гдѣ ихъ обозначаютъ свидѣтельства современниковъ, до сихъ поръ отысканныя.

IV. Жрецы, нося по роду своихъ занятій различныя названія и раздѣляясь по своему сану на нѣсколько разрядовъ, составляли особенный, очень важный классъ народа. Какъ хранители и объяснители вѣрованій и таинствъ религіи, управлявшіе обрядами богослуженія, они имѣли сильное вліяніе на народъ въ его жизни частной и общественной. Нельзя сомнѣваться, что современемъ раскроется болѣе данныхъ о томъ, что жрецы были у каждаго изъ Славянскихъ народовъ. Тогда, быть можетъ, рѣшатся и вопросы: въ какомъ соотношеніи находился санъ жреца съ саномъ князя, — кѣмъ не изъ жреческаго сословія могли быть исполняемы должности жрецовъ и въ какихъ именно случаяхъ, — какими условіями опредѣлялись отношенія жрецовъ къ жизни семейной, — какое мѣсто въ жреческомъ сословіи занимали жрецы, и т. д.

V. Язычникъ Славянинъ считалъ своимъ долгомъ и правомъ — славословить боговъ, торжественными обрядами моленій и жертвоприношеній выражать чувства преданности къ нимъ, — молить боговъ объ освященіи и очищеніи отъ всякаго зла его самого и того, что ему нужно, обрядомъ жертвъ освящать яства и оружія и очищать себя отъ грѣховъ, — разгадывать волю боговъ, обрядомъ гаданій узнавать, что дѣлать и отъ чего остерегаться. Такъ молитвы, жертвоприношенія и гаданія были главными частями богослужебнаго обряда.

Молитвы славословныя, просительныя и благодарственныя возглашались и пѣлись или исполнителями обряда, или всенародно. Возглашеніе было иногда тайное, шопотомъ, а пѣніе сопровождалось иногда музыкой. Религіозное значеніе пѣсень и пѣснотворцевъ, по недостатку данныхъ, остается пока еще мало понятнымъ. Его объясненіе не возможно безъ подробностей о повѣрьяхъ народа, сюда относящихся, и безъ изслѣдованій народныхъ пѣсень, между которыми таятся и многія молитвы языческаго времени.

Жертвоприношенія были — или возношенія благоуханій, яствъ, оружія, или собственно жертвы закланія и сожженія (отчасти и потопленія) животныхъ и людей. Съ первыми соединялось понятіе о тайнѣ освященія духомъ божества, со вторымъ понятіе о тайнѣ очищенія отъ хрѣховъ. Обрядъ погребенія, и по цѣли, и по содержанію, былъ однимъ изъ обрядовъ жертвоприношенія.

Гаданія, помощью жребія и объясненія божественныхъ проричаній замѣняли собою во многихъ случаяхъ рѣшенія ума, сердца и закона, отдавали народъ во власть тѣхъ, которые по-

священны были въ тайну провищанія воли божества, и тяготѣли надъ нимъ во всѣхъ его предначинаніяхъ, частныхъ и общественныхъ. Рисуя древнихъ Славянъ глубоко преданными своимъ богамъ, глубоко вѣрующими въ участіе, ими принимаемое въ людяхъ, они заставляютъ предполагать въ тѣхъ, кто управлялъ ими, особенныя таинственныя знанія, хоть и смѣшанныя со многими суевѣріями, но не состоявшія изъ нихъ однихъ.

Къ обряду богослужебному принадлежали, вѣроятно, и чары; но объ нихъ не дошло до насъ никакихъ свидѣтельствъ современныхъ; изъ того же, что до сихъ поръ знаемъ о нихъ изъ повѣрій народныхъ, трудно рѣшить, какія онѣ были и въ чемъ заключались.

За совершеніемъ обряда слѣдовало всегда священное пиршество, сопровождаемое разнаго рода играми—пляской, пѣснями, борьбой и пр.

VI. Были особенные дни, посвященные богослужебнымъ торжествамъ, ежегодно въ извѣстное время. О годичномъ кругѣ языческихъ празднествъ Славянскихъ сохранилось много данныхъ въ обычаяхъ и преданіяхъ народа: изъ нихъ ясно видно, что главнымъ основаніемъ этого круга было поклоненіе солнцу; но его удовлетворительное описаніе не возможно безъ многихъ предварительныхъ изысканій.
